М 41/381

Петроградъ, Лиговская ул. 87.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

ШКОЛА и ЖИЗНЬ

L'ÉCOLE ET LA VIE

Schule und Leben — School & Life

Педагогическія воззрѣнія Платона и Аристотеля.

М 41/381

Переводъ С. В. Меликовой проф. С. А. Жебелева,

подъ редакціей и со вступительной статьей

проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Российская Государственная
БИБЛИОТЕКА
по
Народному Просвещению.

V 381

Петроградъ, Лиговская ул. 87.

2159

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

ШКОЛА и ЖИЗНЬ

L'ÉCOLE ET LA VIE

Schule und Leben — School & Life

5922

Педагогическія воззрѣнія Платона и Аристотеля.

Переводъ **С. В. Меликовой и проф. С. А. Жебелева,**

подъ редакціей и со вступительной статьей

Проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.

Российская Государственная
БИБЛИОТЕКА
по
Народному Образованию.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія акц. общ. „СЛОВО". Ул. Жуковскаго, № 21—23, соб. д.
1916.

1314

ВНИМАНІЮ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

по вопросу о практическомъ проведеніи трудового начала въ школѣ имѣются слѣдующія книги.

В. А. ЛАЙ. Школа дѣйствія. Стр. 213+V. Ц. 1 р. 20 к.

Содержаніе: А. Необходимость школьной реформы сообразно требованіямъ природы и культуры.—Б. Предшественники школы дѣйствія.—В. Основы и принципы школы дѣйствія.—I. Основной педагогическій принципъ дѣйствія.—II. Біологическія и философскія основы педагогики дѣйствія.—III. Принципы школы дѣйствія.—Г. Руководящія положенія для методики школы дѣйствія.—I. Наблюдательно-вещественное преподаваніе.—а) Естественно-научное вещественное преподаваніе.—б) Гуманитарное вещественное преподаваніе.—II. Изобразительно-формальное преподаваніе.—Д. Управленіе школой дѣйствія.—I. Школа дѣйствія и бѣдственное положеніе современной школы.—II. Школа дѣйствія, педагогическое изслѣдованіе, подготовительное и дополнительное образованіе учителей и родителей.—III. Школа дѣйствія какъ органическій синтезъ всѣхъ реформаторскихъ попытокъ.

ЭД. ЭРТЛИ. Народная школа и трудовое начало. Стр. 80. Ц. 50 коп. (Работа швейцарскаго педагога удостоена награды Цюрихскимъ Кантональнымъ Воспитательнымъ Совѣтомъ).

Содержаніе: I. Введеніе.—II. Школьная реформа.—III. Трудовое начало. (Что такое трудъ?—Что такое трудовая школа?—Средства осуществленія трудового начала.—Прогулки и экскурсіи съ научною цѣлью.—Посѣщеніе мастерскихъ и фабрикъ.—Опытная грядка.—Импульсы къ дѣятельности.—Ручной трудъ.—Положеніе ручного труда въ курсахъ существующихъ и т. д.).—Заключеніе.

А. ЗИКИНГЕРЪ и Ф. ГАНСБЕРГЪ. Школа труда. Стр. 80. Ц. 50 к.

Содержаніе: 1) А. Зикингеръ.—Организація народныхъ школъ, построенная сообразно природной работоспособности дѣтей (докладъ, прочитанный на 1-мъ международномъ конгрессѣ по школьной гигіенѣ въ Нюрнбергѣ въ 1904 г.). 2) Ф. Гансбергъ. — Продуктивная работа. (Предисловіе. — Мартъ. — Культура и школа.—Физика на урокахъ родного языка.—На поворотномъ пунктѣ.—Наука въ народной школѣ.—Королевскій диктантъ.—Исторія Германіи.—Культурная географія.—Таблица умноженія.—Картины изъ уроковъ ариѳметики.—Новыя задачи въ обученіи рисованію.—Ребенокъ.—Банкротъ.—Гимнастика въ лѣсу и на полѣ.—Потокъ работы.—Школа и общественная жизнь).

Г. ШАРРЕЛЬМАНЪ. Въ лабораторіи народнаго учителя. 72 стр. съ рис. Ц. 60 коп.

Содержаніе: Введеніе.—О бесѣдѣ съ дѣтьми.—Одуванчикъ.—Эскизы къ нѣсколькимъ другимъ урокамъ.—Кошка.—Кузница.—Затрудненія въ уличномъ движеніи.—О моемъ сегодняшнемъ урокѣ.—На святкахъ.—О школьныхъ программахъ и свободномъ преподаваніи.—Провалъ-ли?—Чистый воздухъ.—Атласъ.—О рисованіи.—Прогулка.—Заключеніе.

Издательство газеты „ШКОЛА и ЖИЗНЬ" Петроградъ Лиговская ул., д. № 87.

Выписывающіе непосредственно отъ издательства за пересылку не платятъ.

Ѳ. Зѣлинскій.

ВВЕДЕНІЕ.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина
Ф. 6415-35
2007334059

Предисловіе.

Для ознакомленія читателей съ педагогическими взглядами Платона и Аристотеля мы сочли наилучшимъ предложить ему русскій переводъ тѣхъ крупныхъ отрывковъ изъ ихъ произведеній, въ которыхъ эти взгляды излагаются связно и подробно. Это для Платона—гл. обр. III и VII книги его „Государства“ и VII кн. его „Законовъ“, для Аристотеля—конецъ VII кн. и вся VIII его „Политики“. Отрывки изъ Платона заново перевела для настоящаго изданія преподавательница Петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ С. В. Меликова, что касается Аристотеля, то мы, съ любезнаго согласія переводчика и издательства, воспользовались старательнымъ переводомъ „Политики“ проф. С. А. Жебелева, появившимся въ „Трудахъ С.-Петербургскаго Философскаго Общества“ (какъ вып. VII).

Въ видахъ возстановленія исторической перспективы редакторъ предпослалъ переводу вступительную статью.

Ѳ. Зѣлинскій.

Петроградъ.
Ноябрь, 1915 г.

Введеніе.

I.

Изложенные въ этой книгѣ словами самихъ авторовъ взгляды на воспитаніе Платона и Аристотеля сложились подъ вліяніемъ двухъ факторовъ, изъ коихъ одинъ былъ общимъ для обоихъ философовъ, другой—различнымъ не только для нихъ, но даже и для обоихъ большихъ сочиненій, въ которыхъ первый изъ нихъ развилъ намъ свою педагогическую теорію. Первымъ факторомъ было греческое, преимущественно аѳинское воспитаніе, какимъ оно сложилось къ эпохѣ нашихъ философовъ; вторымъ—та общегосударственная цѣль, которую они преслѣдовали въ своихъ сочиненіяхъ.

Начнемъ съ перваго.

„Трудно,—говоритъ Платонъ (ниже стр. 1)—„найти воспитаніе лучше того, которое найдено путемъ долговременнаго опыта; а это вѣдь для тѣла—гимнастика, для души—музыка“ (въ принятомъ у него широкомъ смыслѣ). И хотя онъ дальше и оговаривается относительно „тѣла“, полагая, что и гимнастическое воспитаніе имѣетъ въ виду закаленіе души (ниже стр. 28), тѣмъ не менѣе сущность отмѣченнаго педагогическаго дуализма остается неприкосновенною.

На практикѣ онъ осуществляется уже съ первыхъ дней жизни ребенка, съ которыхъ начинается его „домашнее“ воспитаніе продолжающееся затѣмъ до семилѣтняго возраста. Вполнѣ понятно, что въ отношеніи этого домашняго воспитанія Греція намъ ничего особенно новаго и неожиданнаго не даетъ: въ раннемъ возрастѣ дѣти вездѣ болѣе или менѣе одинаковы, и постоянство ихъ потребностей на различныхъ ступеняхъ культуры естественно вело къ извѣстному консерватизму въ дѣтской педагогикѣ.

Такъ мы не будемъ удивлены, узнавъ, что уже въ древнихъ Аѳинахъ няни и матери успокаивали грудныхъ младенцевъ тѣмъ, что носили и качали ихъ на рукахъ, пока они не засыпали (ниже

стр. 52), въ этомъ сказывается успокоительное,—если угодно, наркотическое—дѣйствіе ритма; но правъ, конечно, и Платонъ, видя въ этомъ пассивномъ движеніи ребенка также и начало его гимнастическаго воспитанія. О люлькахъ и колыбеляхъ онъ не говоритъ, и настоящія „подвижныя кровати“ упоминаются только Плутархомъ четырьмя столѣтіями позже, но указанія на родственные предметы, служившіе для укачиванія младенцевъ—корыта, вѣялки, а для дѣтей воиновъ и щиты—разсѣяны тамъ и сямъ по греческимъ литературнымъ и изобразительнымъ памятникамъ уже начиная съ очень ранняго времени, такъ что въ существованіи обычая укачивать дѣтей сомнѣваться не приходится.

Соотвѣтственнымъ зародышемъ „мусическаго“ воспитанія были колыбельныя пѣсни (baukalêmata) нянь и матерей; ихъ существованіе мы признали бы безъ всякихъ свидѣтельствъ—тѣмъ пріятнѣе, что и свидѣтельства о нихъ имѣются. Случайно упоминается—у сатирика I в. по Р. Х., Персія—и содержаніе такой „кормилицыной молитвы“: „будешь зятемъ царя и царицы, будутъ о тебѣ спорить невѣсты, станутъ расти розы, куда ни ступишь ногой“... Какого царя, какой царицы? Конечно, сказочныхъ: вѣдь дѣйствительные имѣлись только у варваровъ. Ритмическимъ аккомпаниментомъ къ такимъ пѣснямъ служила погремушка (Krótalon, platagê); ей, не въ примѣръ прочей обстановкѣ греческой дѣтской, удивительно повезло. Во-первыхъ, въ литературѣ: Еврипидъ имѣлъ смѣлость изобразить въ своей „Ипсипилѣ“ идеальную няню героическихъ временъ, тѣшащую своего пѣстунчика пѣсенкой подъ сопровожденіе погремушки, и судьбѣ угодно было не такъ давно возвратить намъ изъ египетской могилы нѣсколько сценъ изъ этой трагедіи, а съ ними и эту знаменитую въ древности „арію“ погремушки *). Во-вторыхъ, въ наукѣ: пиѳагорейцы въ своемъ мистическомъ преклоненіи передъ музыкой обратили свое вниманіе и на этотъ дѣтскій инструментъ, и „великій измѣритель моря и земли“ Архитъ тарентинскій среди своихъ научныхъ изслѣдованій нашелъ время усовершенствовать и погремушку (ниже стр. 95); какъ,—мы не знаемъ.

Переходя отъ младенческаго возраста къ тому, въ которомъ ребенокъ умѣетъ уже и бѣгать и говорить, мы и его „гимнастическое воспитаніе“ находимъ на болѣе высокой, активной ступени. И опять мы не удивляемся, находя уже у древнихъ грековъ добрую часть обычной обстановки нашихъ дѣтскихъ: лошадокъ, повозки, качели, волчки, бабки, мячики, обручи, змѣи (aetoi) и т. д., а спеціально для дѣвочекъ—куклы изъ глины или воска, ярко размалеванныя и одѣтыя. Впрочемъ, эти послѣднія правильнѣе будетъ отнести къ „мусическому воспитанію“. Какъ универсальная игрушка, она сопровождала дѣвочку въ теченіе всей ея дѣтской жизни; а такъ какъ греческіе нравы дозволяли ранніе браки, то случалось, что гречанки лишь наканунѣ своей свадьбы прощались съ этой дѣтской жизнью, посвящая богинѣ Артемидѣ тѣ куклы, которыми онѣ играли до тѣхъ поръ. На рубежѣ между гимнастическимъ

*) См. мою книгу „Изъ жизни идей“. Т. I, стр. 146.

мусическимъ воспитаніемъ находились и тѣ игры, въ которыя играли греческія дѣти. И среди нихъ мы узнаемъ своихъ добрыхъ знакомыхъ: игры въ жмурки, въ прятки, въ пятнашки и т. д. О шалостяхъ распространяться нечего, а равно и о томъ, что наказаніемъ за нихъ были, какъ ultima ratio, побои (а именно сандаліей по ягодицамъ), Платонъ этой педагогики не одобрялъ, предпочитая внушеніе и добрый примѣръ (см. Законы V, стр. 729), но традиція была неисправима.

Исключительно къ области мусическаго воспитанія относится, какъ это подчеркиваетъ и Платонъ (ниже стр. 2), главное воспитательное средство этого возраста—с к а з к и. Подобно колыбельнымъ пѣснямъ, и онѣ были памятниками женскаго творчества,—говорю „памятниками“, такъ какъ онѣ въ силу присущей имъ живучести даже безъ записи передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе. Демократическая аѳинская жизнь отнеслась къ нимъ иначе и лучше, чѣмъ аристократическая наука александрійскихъ и слѣдующихъ эпохъ, брезгливо чуравшаяся этихъ „старушечьихъ разсказовъ“: ежегодно въ октябрьскомъ праздникѣ Осхофорій (т. е. „ношенія гроздій“), которымъ оканчивался сборъ винограда, мальчики-побѣдители награждались, кромѣ угощенія, еще и сказками изъ устъ избранныхъ, опытныхъ разсказчицъ. Намъ бы онѣ были совершенно неизвѣстны, если бы не разсыпанные тамъ и сямъ намеки, да кромѣ нихъ—единственная представительница всего этого рода народной словесности, случайно забредшая въ романъ Апулея. Правда, въ немъ она—я имѣю въ виду, конечно, знаменитую сказку объ Амурѣ и Психеѣ—предстаетъ передъ нами въ очень изысканномъ нарядѣ, увѣшанная всевозможными блестками модной риторики, и почтенный романистъ былъ бы, вѣроятно, очень огорченъ, если бы могъ предвидѣть, что мы бы охотно отпустили ему всѣ его вымученныя изящества, и предпочли бы, чтобы онъ пересказалъ намъ свою сказку незатѣйливымъ языкомъ своей няни.

До семилѣтняго возраста воспитаніе мальчиковъ и дѣвочекъ было чисто домашнимъ и совмѣстнымъ: но съ семи лѣтъ наступалъ раздѣлъ. Дѣвочки и далѣе оставались подъ надзоромъ матери, обучаясь у нея, главнымъ образомъ, хозяйственнымъ работамъ—стряпнѣ, пряжѣ, тканью, а также и домашней медицинѣ, вплоть до ихъ—обыкновенно, какъ мы видѣли, ранняго—брака. Впрочемъ, это домашнее воспитаніе дополнялось общественнымъ, и притомъ такимъ, которое справедливо можетъ возбудить зависть новѣйшихъ временъ, съ нашимъ включительно: дѣвочки участвовали въ богослуженіи, въ х о р о в о д а х ъ, которые были установлены въ честь дѣвственныхъ богинь, Аѳины и Артемиды. Здѣсь всѣ элементы „мусическаго“ воспитанія были налицо—поэзія, музыка и пляска, и всѣ они объединялись и освящались религіозной идеей. Рядомъ съ этимъ богатымъ и облагораживающимъ средствомъ воспитанія собственная грамотность отступаетъ на задній планъ; мы не можемъ сказать, гдѣ и какъ ей учились аѳинскія дѣвушки, и всѣ ли ей учились. Въ тѣ времена—мы разумѣемъ эпоху до Платона и Аристотеля—грамотность еще не могла служить мѣриломъ образованности, такъ какъ

ея носительницей была не книга, а живое слово, т. е. элементъ не разъединяющій, а объединяющій людей. Царство книги началось въ эпоху послѣ Аристотеля. Тогда мы и встрѣчаемъ школы грамотности для дѣвочекъ.

Иной путь образованія открывался мальчикамъ; начиная съ семи лѣтъ, разница половъ начинаетъ сказываться; дѣвочку приставляли къ прялкѣ, и она становилась полезнымъ членомъ семьи, мальчикъ, свободный отъ домашнихъ работъ и въ то же время болѣе склонный къ проказамъ, былъ безпокойнымъ элементомъ дома, и желательно было его обезвредить. Для этого ему первымъ дѣломъ давали, т. наз., педагога, т. е. дядьку; такъ какъ его задача была главнымъ образомъ отрицательная — обуздывать страсть мальчика къ шалостямъ—то выбирали его не особенно тщательно, назначая на соотвѣтственную должность тѣхъ рабовъ, которыхъ вслѣдствіе тѣлесной слабости или увѣчья нельзя было опредѣлить на болѣе трудную работу. Просвѣщеные писатели и мыслители во всѣ времена возмущались этимъ легкомысленнымъ отношеніемъ родителей къ столь важному вопросу, но традиція была сильнѣе ихъ протестовъ. Слово „педагогъ“ означало „тотъ, кто водитъ мальчиковъ“, куда? Въ школу—въ этомъ, дѣйствительно, состояла его единственная положительная задача. При этомъ онъ несъ за своимъ питомцемъ его школьныя принадлежности; учебные часы онъ просиживалъ недалеко отъ мѣста занятій и по ихъ окончаніи отводилъ барчука домой.

Эта школа носила различныя имена, смотря по возрасту мальчика; для младшаго возраста была назначена п а л е с т р а. Имя этого учрежденія—означающее „мѣсто борьбы“—доказываетъ намъ, что ея первоначальнымъ назначеніемъ было служить физическому воспитанію; но уже задолго до Платона въ ней нашло себѣ убѣжище также и мусическое воспитаніе. Проходились три предмета, каждый подъ руководствомъ особаго учителя. Во-первыхъ, грамота—также и по гречески grammata,—которой училъ т.н аз. г р а м м а т и с т ъ; это было искусство читать, писать и считать. Читать учили по складамъ: bêta-alpha-ba и т. д., для упражненія въ письмѣ служили навощенныя дощечки; ученіе счету было довольно элементарнымъ, такъ какъ благодаря неуклюжести цифровой системы (въ принципѣ напоминающей т. наз. римскую), даже простое умноженіе было довольно сложной операціей. Впрочемъ послѣ того, какъ первыя трудности, представляемыя письменами, были преодолѣны, мальчиковъ обучали Гомеру, затѣмъ Солону—аѳинскому законодателю и поэту—и другимъ; объясняли ихъ, правда, неособенно научно—филологіи еще не существовало, и не боги обжигали горшки. Главное—чтобы мальчики какъ можно больше стиховъ затвердили наизусть; это знаніе было ихъ гордостью, такъ какъ нерѣдко представлялся случай имъ щегольнуть на домашнихъ праздникахъ и вообще въ кругу родственниковъ и друзей. А кромѣ того, облагораживающее дѣйствіе поэзіи гораздо сильнѣе, если человѣкъ ее, т. ск., впитываетъ въ себя и можетъ въ любое время воспроизвести—чѣмъ при такой обстановкѣ, когда она покоится въ книжкѣ, которую

Российская Государственная
БИБЛИОТЕКА
по

мы не всегда имѣемъ при себѣ и зачастую именно тогда не имѣемъ, когда мы болѣе всего настроены и приспособлены къ воспріятію ея содержанія.

Вторымъ учителемъ былъ кіѳаристъ; онъ училъ мальчиковъ играть на семиструнной (позднѣе дсятиструнной) лирѣ. Несмотря на незначительное—по нашимъ понятіямъ—число струнъ, искусство кіѳаристики было довольно труднымъ: древняя музыка признавала не двѣ только діатоническія гаммы, подобно нашей, а гораздо большее ихъ число, причемъ онѣ носили имена тѣхъ греческихъ или полугреческихъ племенъ, которыя ихъ предпочитали, (были дорическій, іоническій, лидійскій, фригійскій и т. д. лады) и были пріурочены каждая къ особому роду поэзіи. Итакъ, нужно было умѣть настроить лиру на требуемый ладъ путемъ введенія соотвѣтственныхъ полутоновъ, а затѣмъ чисто и выразительно играть. Впрочемъ, игра безъ пѣнія (кіѳаристика въ тѣсномъ смыслѣ) была предоставлена виртуозамъ, но каждый человѣкъ, желавшій считаться образованнымъ, долженъ былъ умѣть сопровождать себя на лирѣ, каковое искусство называлось кіѳаредикой.

Наконецъ, третьимъ учителемъ былъ педотрибъ, представитель гимнастическаго образованія. Такъ какъ его дѣятельность требовала наибольшого простора, то почти вся палестра принадлежала ему; здѣсь мальчиками проходились главные виды какъ легкой, такъ и тяжелой атлетики; здѣсь же устраивались и состязанія, для которыхъ именно эта часть образованія представляла наиболѣе удобный матеріалъ. Конечно, не имѣлось въ виду дѣлать изъ питомцевъ палестры виртуозовъ, т. е. профессіональныхъ атлетовъ; здоровье, сила, гибкость тѣла, а значитъ, по эллинскимъ понятіямъ, и его красота—таковы были цѣли, которыя преслѣдовало гимнастическое образованіе.

Къ нему, впрочемъ, относилась также одна спеціальность, которой по естественнымъ условіямъ нельзя было научиться въ палестрѣ—плаваніе. Для приморской и островной Греціи это искусство было необходимѣе, чѣмъ для какой бы то ни было другой страны; объ его распространенности свидѣтельствуетъ греческая поговорка „ни плавать, ни грамоты“ (доп.: не знаетъ онъ), которую примѣняли къ совсѣмъ необразованнымъ людямъ. Подробности постановки этого предмета намъ неизвѣстны.

И все же наиболѣе образовательнаго предмета мы еще не назвали. Онъ—тотъ же для мальчиковъ, что и для дѣвочекъ,—хорея; но такъ какъ воспитаніе мальчиковъ было болѣе на виду, то и извѣстій о немъ здѣсь сохранилось больше. Много было боговъ, много и праздниковъ—въ Аѳинахъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, и рѣдкій праздникъ обходился безъ хореи. Особенною извѣстностью пользуются хороводы мальчиковъ на праздникахъ Діониса; ихъ снаряженіе и обученіе было дѣломъ государства, т. е., говоря точнѣе, тѣхъ десяти частей аѳинскаго народа, которыя, имѣя собственную организацію, назывались филами. Такъ какъ выступленіе хороводовъ филъ было связано съ состязаніями, то въ каждый публично выступающій хороводъ допускались только избранные; но само

избраніе было бы невозможнымъ, если бы воспитаніе въ хороводахъ (это выраженіе встрѣчается) не было болѣе или менѣе всеобщимъ, или, во всякомъ случаѣ, очень распространеннымъ явленіемъ.

Мы въ предыдущемъ указали главные предметы аѳинскаго образованія вообще, независимо отъ ихъ распредѣленія по возрастамъ. Объ этомъ распредѣленіи мы слишкомъ мало знаемъ: все же намъ извѣстно, что дѣленіе образованія на низшее, среднее и высшее въ своемъ зародышѣ восходитъ къ эпохѣ, древнѣе Платона. Дѣло палестры продолжала гимназія (gymnasion), которую мы съ нѣкоторой оговоркой могли бы назвать средней школой Аѳинъ. Какъ показываетъ ея имя, и она—по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшее время—видѣла свое главное назначеніе въ физическомъ, въ гимнастическомъ образованіи. Впрочемъ, строгости въ разграниченіи терминовъ мы не наблюдаемъ, и средняя школа нерѣдко называется палестрой.—По окончаніи средней школы подростокъ становился „эфебомъ“, отъ дядьки его освобождали, и онъ поступалъ въ государственные отряды эфебовъ, гдѣ служилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, подготовляясь къ строгой военной службѣ. Мусическій элементъ былъ представленъ въ этой „эфебіи“ обязательнымъ участіемъ молодыхъ людей въ государственныхъ праздникахъ въ честь родныхъ боговъ съ ихъ хореей; позднѣе онъ былъ усиленъ, и эфебія стала своего рода высшей школой, доступной также и иностранцамъ; но это ея развитіе относится уже къ эпохѣ послѣ Платона и Аристотеля. Но уже съ конца V вѣка замѣчается зародышъ чисто мусическаго высшаго образованія, доступнаго, правда, лишь тѣмъ, которые могли на него затратить необходимыя средства: это были частные курсы по философіи, праву и краснорѣчію, объявляемые сначала пришлыми, а затѣмъ и мѣстными учителями—софистами и риторами, но со временемъ и философами. Академія Платона, школа Антисѳена, школа Исократа, лицей Аристотеля и т. д., были такими высшими школами, превратившими мало-по-малу Аѳины во всеэллинскій, а затѣмъ и всемірный университетъ.

Слѣдуетъ при этомъ помнить, что образованіе было въ Аѳинахъ дѣломъ частной иниціативы; даже школа грамотности, будучи общедоступной по своей дешевизнѣ, не была, тѣмъ не менѣе, содержима государствомъ.

И все таки грамотность была въ Аѳинахъ распространена повсюду; если Аристофанъ въ своихъ „Всадникахъ“, выводя самаго необразованнаго человѣка—колбасника, характеризуетъ его словами: „да вѣдь я ничего не знаю, кромѣ грамоты, да и ту плохо“—то мы въ правѣ заключить изъ этого мимоходнаго, но тѣмъ болѣе драгоцѣннаго свидѣтельства, что собственно безграмотныхъ въ Аѳинахъ не было. Правда, оно касается гражданскаго населенія, и притомъ его мужской половины, относительно женщинъ и рабовъ мы недостаточно освѣдомлены. Все же можно сослаться, напр., на комедію Плавта „Pseudulus“, гдѣ рабъ, читая письмо влюбленной дѣвушки-гетеры, смѣется надъ ея неумѣлымъ почеркомъ—и здѣсь мы вправѣ усмотрѣть косвенное свидѣтельство о распро-

страненности грамоты также и среди женскаго и рабскаго населенія Аѳинъ около 300 г. до Р. Х.

Но что же заставляло отцовъ посылать своихъ сыновей въ школу? Намъ засвидѣтельствованы два мотива, одинъ отрицательный, другой положительный. Отрицательнымъ было желаніе обезвредить своихъ буяновъ на время, которое отцы проводили внѣ дома, положительнымъ—желаніе получить въ своихъ сыновьяхъ кормильцевъ своей старости. Законъ Солона освобождалъ отъ обязанности содержать своихъ отцовъ тѣхъ сыновей, которыхъ тѣ оставили безъ образованія; но и независимо отъ этого закона отцовъ должно было заставить призадуматься соображеніе, что они обречены на безпомощную старость, если ихъ сыновья не будутъ имѣть ни возможности, ни охоты работать также и на нихъ. Конечно, для того, чтобы изъ этого соображенія былъ извлеченъ поводъ давать сыновьямъ образованіе, необходима была убѣжденность въ его интеллектуальной и нравственной пользѣ; но именно эта убѣжденность имѣлась на-лицо.

Все вышесказанное относится спеціально къ аѳинскому воспитанію: оно и лучше намъ извѣстно и представляетъ для насъ исключительный интересъ благодаря тому, что и Платонъ, и Аристотель дѣйствовали въ Аѳинахъ. Все же своеобразный характеръ „Государства“ Платона заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ и о той греческой общинѣ, политическій укладъ которой виталъ передъ его глазами тогда, когда онъ писалъ эту книгу, о Спартѣ. Но мы ограничимся краткой характеристикой.

Въ противоположность аѳинскому, спартанское воспитаніе было—по крайней мѣрѣ, для мальчиковъ—государственнымъ: съ семи лѣтъ мальчика отнимали у матери—отца онъ и раньше почти не видалъ—и зачисляли въ группу ровесниковъ, воспитываемыхъ государствомъ совмѣстно. Это воспитаніе, однако, было почти исключительно гимнастическаго и притомъ военно-гимнастическаго характера; мусическій элементъ былъ представленъ слабо и врядъ ли превосходилъ объемомъ программу аѳинской школы грамотности. Все же каждый спартанецъ долженъ былъ знать законы своей родины,—знаменитые законы полумиѳическаго Ликурга, передаваемые устной традиціей изъ поколѣнія въ поколѣніе—и кромѣ Гомера изучалъ и своего національнаго поэта, воинственнаго Тиртея. Для музыки въ тѣсномъ смыслѣ Спарта была еще со времени Терпандра (ок. 700 г.) классической страной, правда, въ то время очень консервативной въ отношеніи „классической“ музыки своихъ композиторовъ VII в. и очень недовѣрчиво настроенной ко всякимъ новшествамъ; ея „дорическій“ ладъ считался въ Греціи лучшимъ выразителемъ мужественности въ музыкѣ—скорѣе всего, думается мнѣ, въ силу нѣкоторой ассоціаціи, такъ какъ на насъ этотъ ладъ—нашъ минорный—производитъ какъ разъ обратное впечатлѣніе. Наконецъ, хорея стояла въ Спартѣ тоже на должной высотѣ, хотя ея праздники ни по численности, ни по блеску не могли сравниться съ аѳинскими.

Дѣвочки оставлялись при матеряхъ, но и имъ было предписано участвовать—кромѣ общеобязательной хореи—и въ гимнастическихъ упражненіяхъ мальчиковъ, особенно въ бѣгѣ. Образъ молодой спартанки въ короткомъ хитонѣ, оставлявшемъ свободными ноги выше колѣнъ, былъ прекрасно извѣстенъ прочей Греціи; для насъ онъ увѣковѣченъ красивой статуей ватиканскаго музея. Аѳиняне, какъ показываетъ „Андромаха“ Еврипида, очень неодобрительно относились къ этому „безстыдству“ спартанскихъ дѣвочекъ и дѣвушекъ; но Платонъ, какъ читатель увидитъ, судилъ о немъ иначе *).

II.

Для Платона какъ и вообще для греческихъ мыслителей—педагоговъ эпохи независимости, педагогика была частью политики; спѣшу прибавить,—чтобы читатель не усмотрѣлъ въ этомъ предваренія новѣйшихъ уродливостей и изувѣрства—что для нихъ въ той же мѣрѣ и политика была частью этики. Вторая аксіома обезвреживала и оправдывала первую. Современная теорія и практика въ своемъ откровенномъ или скрытомъ маньявеллизмѣ порвала связь между политикой и этикой, сводя первую къ своего рода коллективному эгоизму, а представители и радѣтели дѣйствительно нравственной педагогики поступаютъ вполнѣ правильно, стараясь по мѣрѣ возможности ослабить связь между безнравственной политикой и педагогикой. Для Платона государство было лишь условіемъ наилучшаго осуществленія нравственныхъ идеаловъ человѣка: эта высокая концепція политической идеи давала ему полное право подчинить ей также и педагогику. Спѣшу оговориться, что сказанное только что относится лишь къ принципу; насколько Платону удалось оправдать его въ его систематическомъ построеніи этической политики и этико-политической педагогики—это другой вопросъ, требующій особаго разбора.

Интересъ Платона къ педагогическимъ вопросамъ былъ очень великъ. Не говоря уже о мелкихъ замѣчаніяхъ, разсѣянныхъ по многимъ томамъ его богатаго литературнаго наслѣдія въ „Хармидѣ“ дается красочное изображеніе аѳинской палестры и подвергается обсужденію сущность нравственнаго воспитанія молодежи, которую грекъ сосредоточивалъ въ своемъ прекрасномъ словѣ sôphrosyne, очень недостаточно передаваемомъ нами смежными терминами „цѣломудріе“ (буквальный, но по смыслу слишкомъ узкій переводъ), „скромность“, „разсудительность“; въ „Лахетѣ“ разбирается спеціальный вопросъ изъ области гимнастическаго образо-

*) Ограничиваясь здѣсь этимъ краткимъ очеркомъ, отсылаю читателя за подробностями къ слѣдующимъ спеціальнымъ сочиненіямъ: 1) Freeman, Schools of Hellas, 1907; 2) Ziebarth. Griechiches Schulwesen, 2 изд. 1914; 3) Girard, L'éducation athénienne, 2 изд. 1891; 4) Dumont, Essai sur l'ephébie attique, 1876; 5) В. П. Бузескулъ, Античность и современность, 2 изд. 1914 стр. 147 сл.

ванія молодежи, а именно вопросъ о желательности обученія въ фехтовальномъ искусствѣ, причемъ его послѣдовательное развитіе ведетъ къ постановкѣ вопроса о мужествѣ; въ „Менонѣ“ дается образчикъ „евристическаго“ метода въ примѣненіи къ преподаванію геометріи, причемъ и здѣсь практическій примѣръ расширяется въ теоретическое обсужденіе вопроса о томъ, не есть ли возникновеніе знанія путемъ ученія на самомъ дѣлѣ лишь воскрешеніе того знанія, которымъ человѣкъ обладалъ въ прабытіи; въ „Протагорѣ“ и „Евтидемѣ“ передъ нами выводится высшее образованіе аѳинской молодежи въ его софистической разновидности на двухъ примѣрахъ: сравнительно почтенномъ и явно несостоятельномъ, причемъ первый опять таки даетъ поводъ къ постановкѣ центральнаго вопроса о научимости добродѣтели. Но все же обстоятельный разборъ педагогической проблемы Платонъ далъ въ двухъ своихъ крупнѣйшихъ твореніяхъ—именно тѣхъ, выдержки изъ которыхъ читатель найдетъ въ дальнѣйшемъ: эти творенія представляютъ собою два послѣдовательныхъ и параллельныхъ осуществленія одной и той же идеи, болѣе прочихъ тревожившей эллинскихъ мыслителей IV вѣка—идеи государства, въ которомъ царитъ справедливость. Это, съ одной стороны, „Государство“ (Politeia), съ другой—„Законы“ (Nomoi).

...Параллельныхъ, сказали мы. Итакъ, Платонъ повторялся? Нѣтъ. Цѣлое поколѣніе отдѣляетъ „Государство“ отъ „Законовъ“: тамъ,—голосъ смѣлой вѣры, здѣсь—голосъ разочарованности и осторожности, тамъ—утопія, здѣсь—поссибилизмъ; тамъ—

Юноша съ тысячной силой уплылъ въ безпредѣльное море,

здѣсь—

На одинокомъ челнѣ въ гавань вернулся старикъ.

Начнемъ съ голоса несломленной жизненными неудачами отваги—съ „Государства“.

Между Сократомъ и его собесѣдниками—изъ которыхъ выдѣляются оба брата Платона, Главконъ и Адимантъ, а также и смѣлый софистъ Ѳрасимахъ—возникаетъ споръ о сущности справедливости. Ѳрасимахъ, возмущенный слишкомъ благонравными опредѣленіями этой мнимой добродѣтели, утверждаетъ, что справедливость не что иное, какъ „польза сильнѣйшаго“, будь то отдѣльное лицо или толпа, и въ противоположность къ ней прославляетъ несправедливую силу, творящую то, что угодно ей, въ особенности же совершенную несправедливость—тиранію. Не будучи въ состояніи ни согласиться съ подобнымъ опредѣленіемъ, ни опровергнуть его, собесѣдники обращаются къ Сократу съ просьбою взять на себя защиту справедливости. Тотъ согласенъ. Слишкомъ мелко написанную грамоту, говоритъ онъ, мы легче разберемъ, если намъ дадутъ второй ея экземпляръ, написанный болѣе крупными буквами; точно также мы скорѣе узнаемъ справедливость въ нравственномъ организмѣ отдѣльнаго человѣка, если сначала изучимъ ее въ крупномъ организмѣ—государствѣ. Итакъ, попробуемъ прослѣдить возникновеніе государства. Призвало его къ жизни, очевидно,

сознаніе не самодовлѣнія отдѣльнаго человѣка: чѣмъ производить самому всю работу, необходимую для поддержанія жизни—лучше, соединившись, подѣлить эту работу между собою съ тѣмъ, чтобы каждый взялъ на себя опредѣленную ея часть. Такъ возникла первоначальная община—и вмѣстѣ съ ней и ея справедливость, ибо справедливость состоитъ именно въ томъ, чтобы каждый членъ общины дѣлалъ свое дѣло и не вмѣшивался въ чужое. Но съ развитіемъ общины развиваются и потребности ея членовъ, что въ свою очередь ведетъ къ расширенію общинной земли и къ необходимости ея обезпеченія отъ захватовъ со стороны сосѣдей; возникаетъ, другими словами, необходимость государственной обороны. Кому же ее поручить? Всѣмъ ли гражданамъ? Таково было дѣйствительно мнѣніе греческихъ общинъ. Но Платонъ съ ними рѣзко расходится. Нѣтъ, и здѣсь должно быть соблюдено основное требованіе государственной справедливости: каждый дѣлай свое дѣло и не вмѣшивайся въ чужое. Государственная оборона—такое же дѣло, какъ и другія, и пожалуй еще болѣе сложное и отвѣтственное нельзя ее совмѣщать съ земледѣліемъ, ремеслами и др., она требуетъ спеціалистовъ. И здѣсь пунктъ, въ которомъ Платонъ отдѣляется отъ почвы греческой дѣйствительности; отсюда онъ пускается въ плаваніе на тысячѣ кораблей, въ безпредѣльное море утопіи.

Выводъ изъ сказаннаго тотъ, что въ государствѣ должно быть особое сословіе, посвятившее себя исключительно дѣлу государственной обороны. Его членовъ Платонъ называетъ стражами (phylakes); во всѣхъ дальнѣйшихъ частяхъ сочиненія рѣчь идетъ почти только о нихъ. Въ этомъ многіе усматриваютъ пренебреженіе философа-аристократа къ производительному труду; но это ошибка. Не слѣдуетъ забывать, что Платонъ не былъ политикомъ по призванію; для него политика—только часть философіи. Положеніе представителей производительнаго труда само по себѣ философской проблемы не возбуждало; философъ и оставляетъ его въ сторонѣ, признавая за этимъ сословіемъ всѣ права, которыми оно пользовалось въ Греціи, съ семейнымъ бытомъ и частной собственностью включительно. Другое дѣло—стражи; ихъ положеніе содержитъ въ себѣ философскую проблему и даже дилемму самаго мучительнаго характера. Вѣдь они—вооруженная сила государства; какъ достигнуть того, чтобы эта сила дѣйствовала только противъ враговъ государства, а не противъ его гражданъ? Чтобы она не осуществила той „совершенной несправедливости“, которой увлекался Ѳрасимахъ, и не превратилась изъ защитницы гражданъ въ ихъ поработительницу? Устрашающіе примѣры на лицо, это—Спарта, граждане-воины которой, спартіаты, присвоили себѣ всѣ политическія права и обратили производителей отчасти въ подчиненныхъ (періэковъ), отчасти въ рабовъ (илотовъ). Какъ же этого избѣгнуть?

Природа даетъ намъ въ этомъ отношеніи поучительное указаніе. Народы еще Гомеръ сравнивалъ со стадами: такъ вотъ стада охраняютъ пастухи съ помощью собакъ-овчарокъ. Эти овчарки—оруженная (зубами) сила стада; какъ же разрѣшается здѣсь эта

мучительная дилемма? Какъ достигаемъ мы, чтобы овчарки отражали и грызли волковъ, но ласково относились къ овцамъ? Что мѣшаетъ имъ осуществить и со своей стороны „совершенную несправедливость“ Ѳрасимаха и сожрать своихъ опекаемыхъ?

Отвѣтъ Платона на этотъ вопросъ продиктованъ тѣмъ особымъ свойствомъ его и вообще греческаго ума, которое насъ не разъ озадачиваетъ. То, въ чемъ мы видѣли-бы проявленіе природнаго инстинкта, ничего этимъ въ сущности не объясняя,—Платонъ понимаетъ какъ плодъ сугубой сознательности овчарокъ, или, какъ онъ выражается, бравируя наши улыбки, какъ послѣдствіе ихъ сугубо „философской“ природы. Итакъ фактъ на лицо, стражи должны, подобно овчаркамъ, усвоить себѣ эту повышенную сознательность, эту особо философскую природу. А какъ это достигнуть?

Платонъ отвѣчаетъ вполнѣ послѣдовательно: путемъ воспитанія. И тутъ основная задача сочиненія въ третій разъ мѣняетъ свой аспектъ: изъ этической она уже раньше превратилась въ политическую—теперь она на время изъ политической превращается въ педагогическую.

Спѣшу, однако, оговориться: отвѣчая на указанный вопросъ въ указанномъ смыслѣ, Платонъ ничуть не преувеличиваетъ значенія педагогики, не предваряетъ увлеченія XVIII в., будто можно путемъ воспитанія создать новую породу людей. Въ своемъ мѣстѣ онъ оцѣнилъ надлежащимъ образомъ значеніе рожденія и врожденнаго нрава; съ той замѣчательной прозорливостью, которая его отличаетъ вездѣ, онъ поставилъ вопросъ объ условіяхъ наилучшей рождаемости и выдвигаетъ важность той науки, о которой вплоть до послѣдняго времени, да и понынѣ, общественное ханжество не позволяетъ говорить открыто—„евгеники“; онъ выставилъ извращеніе здоровыхъ государственныхъ формъ результатомъ вырожденія, а вырожденіе—результатомъ несоблюденія евгеническихъ условій. Его стражи въ большинствѣ случаевъ рождены таковыми, и все же это не замкнутое сословіе. Если вслѣдствіе несоблюденія евгеническихъ условій отъ отца-стража рождается несоотвѣтствующій своему назначенію ребенокъ, то Платонъ требуетъ его исключенія изъ сословія—и наоборотъ, включенія въ него соотвѣтствующаго его назначенію ребенка, рожденнаго въ другомъ сословіи. Итакъ, его политическое міровоззрѣніе—аристократизмъ, но аристократизмъ не сословный, а біологическій. А біологическій аристократизмъ неопровержимъ, такъ какъ это—слово природы, скрѣпленное наукой.

Все это такъ, но ходъ разсужденія таковъ, что Платону пришлось заняться педагогической проблемой раньше евгенической. И здѣсь начинается тотъ ходъ мыслей, который читатель можетъ прослѣдить по выпискамъ въ текстѣ настоящаго изданія—конецъ второй книги и третья. Ихъ содержаніе—прошу это помнить—воспитаніе стражей и только ихъ.

Традиціонное дѣленіе воспитанія на мусическое и гимнастическое философъ оставляетъ въ силѣ. Съ мусическаго онъ начинаетъ—оно находится въ ближайшей связи съ той дилеммой, которая привела его къ вопросу о воспитаніи. На первомъ планѣ стоитъ тутъ тотъ предметъ, который мы называемъ Закономъ Божіимъ: грекъ проходилъ его не на катихизисѣ, а практически на обрядности богослуженія, теоретически же на сказкахъ и миѳахъ, по которымъ онъ составлялъ себѣ представленіе о богахъ и ихъ отношеніи къ людскимъ дѣламъ. Первой Платона не касается, но второе подвергаетъ очень вѣской и подчасъ рѣзкой критикѣ. Начинаетъ онъ со сказокъ; мы рады этому признанію ихъ образовательнаго значенія и ждемъ, благо представился случай, характеристики греческой народной сказки,—но, къ нашему глубокому разочарованію, критикъ и здѣсь переводитъ насъ отъ мелкихъ письменъ къ крупнымъ и предлагаетъ намъ косвенно построить критику сказки изъ его критики гомерическихъ миѳовъ. Ихъ онъ справедливо со своей нравственно-воспитательной точки зрѣнія находитъ несостоятельными; но предложеніе замѣнить ихъ другими онъ отклоняетъ—„мы здѣсь не поэты-миѳотворцы, а политики“ и соглашается только намѣтить принципы, которымъ должны удовлетворять педагогически допустимые миѳы. Ихъ два: 1) Боги ввиду свой всеблагости не должны быть представляемы совершителями зла, а только добра. Это не значитъ, что они никогда не посылаютъ на людей несчастій, но эти несчастья должны принадлежать къ тѣмъ, которыя ведутъ къ исправленію людей и такимъ образомъ оказываются въ конечномъ итогѣ не зломъ, а благомъ.—2) Боги въ силу своей правдивости не должны быть представляемы „кудесниками“, т. е. измѣняющими свою наружность и вообще обманывающими людей—чѣмъ въ осторожной формѣ упраздняется антропоморфизмъ боговъ.—Къ этимъ двумъ богословскимъ требованіямъ примыкаетъ третье, касающееся потусторонняго міра: философъ требуетъ исключенія изъ дѣла воспитанія всѣхъ эсхатологическихъ миѳовъ, такъ какъ они выращиваютъ въ людяхъ страхъ передъ смертью, недопустимый для будущихъ стражей. Это требованіе насъ удивляетъ: не Платонъ ли яснѣе, чѣмъ кто-либо, спаялъ эсхатологію съ философіей, включивъ въ нее ученіе о загробномъ судѣ и потусторонней возмездіи? Правда, его критика касается здѣсь только гомеровскихъ представленій объ одинаково грустной для всѣхъ обители Аида; но все же было бы желательно, во избѣжаніе недоразумѣній, по крайней мѣрѣ противопоставить имъ тѣ, которыя самъ философъ считаетъ желательными. Вѣдь несомнѣнно, что увѣренность въ загробномъ возмездіи дѣйствительнѣе, чѣмъ какое бы то ни было иное соображеніе, можетъ удержать человѣка на пути справедливости, и въ особенности стража, представителя вооруженной силы государства... Вотъ въ этомъ и заключается, вѣроятно, причина, почему Платонъ здѣсь этого пункта не коснулся: его цѣлью было выставить справедливость, какъ здоровое состояніе души, которое для насъ желательно само по себѣ, подобно здоровью тѣла, и независимо отъ всякой посторонней награды на этомъ ли или на томъ свѣтѣ.

Послѣ богословія—поэзія, какъ образовательный предметъ.

Она дѣлится на собственно повѣствовательную (съ нашей лирикою включительно) и подражательную, т. е. драматическую и полудраматическую, разумѣя подъ послѣдней гомеровскій эпосъ съ его діалогами выступающихъ въ немъ лицъ. Изъ этихъ двухъ поэтическихъ формъ Платонъ вторую отвергаетъ безусловно и притомъ по двумъ соображеніямъ: 1) Самый принципъ подражанія противорѣчитъ основному правилу государственной справедливости, чтобы каждый дѣлалъ свое дѣло и значитъ былъ только самимъ собой, а не въ то же время и другимъ и третьимъ человѣкомъ.—2) Подражаніе худшему—а вѣдь и оно встрѣчается въ подражательной поэзіи—не сходитъ безнаказанно для подражающаго: человѣкъ отчасти и взаправду становится тѣмъ, кѣмъ онъ временно выступаетъ.—Интересно отмѣтить, что нашъ философъ тутъ сходится съ врачемъ—съ Гуфеландомъ, который тоже въ своей „Макробіотикѣ“ отрицательно относился къ подражательной поэзіи, какъ нарушающей необходимое условіе душевнаго здоровья—единство характера. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ безъ боли читать этихъ его разсужденій; несомнѣнно, что Платонъ въ своемъ чрезмѣрномъ стремленіи къ послѣдовательности разрушаетъ здѣсь одинъ изъ главныхъ источниковъ эллинской красоты—героическій эпосъ и всю драму.

За поэзіей—м у з ы к а въ нашемъ смыслѣ слова. Эта часть программы для насъ малопонятна, почему и представилось желательнымъ ее въ переводѣ немного сократить. Одно ясно—большое значеніе, которое авторъ приписывалъ музыкѣ въ ея какъ ритмической, такъ и мелодической области. Она дѣйствуетъ непосредственно на чувство и волю, помимо разсудка — Шопенгауеръ вполнѣ сходится съ Платономъ въ оцѣнкѣ этой ея исключительной силы. Тѣмъ болѣе необходимо разсудку заранѣе обдумать, какіе аффекты желательно и какіе нежелательно внушить людямъ съ ея помощью. Итакъ, прочь все разслабляющее, изнѣживающее; и здѣсь авторъ дѣйствуетъ съ чрезмѣрной на нашъ взглядъ послѣдовательностью, исключая изъ обихода не только отдѣльные лады и ритмы, но и цѣлыя области инструментальной музыки—всѣ духовые инструменты, какъ возбуждающіе страсти и нарушающіе душевное равновѣсіе. А впрочемъ, русскій читатель не безъ интереса сличитъ съ его разсужденіями нѣкоторыя мѣста изъ „Крейцеровой сонаты“ Толстого, гдѣ проводятся родственные взгляды.

Этимъ кончается развитіе мусическаго воспитанія будущихъ стражей; остается сказать о г и м н а с т и ч е с к о м ъ. На него однако, Платонъ не тратитъ много словъ; практика вѣковъ выработавшая для Греціи послѣдовательный курсъ физическаго, укрѣпленія человѣка отъ палестры къ гимназіи и отъ гимназіи къ эфебіи, не вызывала со стороны философа принципіальныхъ возраженій, а въ частности онъ и здѣсь не пускается. Зато онъ считаетъ полезнымъ напомнить, что гимнастическое воспитаніе имѣетъ помимо физическаго и нравственный характеръ, что его исключительное примѣненіе ведетъ къ огрубѣнію души точно также, какъ исключительное примѣненіе мусическаго къ ея разслабленію, и что

поэтому только соединеніе обоихъ создаетъ ту гармонію, которая здѣсь особенно желательна.

Все ли этимъ сказано? Мы какъ будто забыли о той дилеммѣ, которая дала поводъ ко всему этому разсужденію. Вѣдь задачей было воспитать въ стражахъ тотъ соціальный инстинктъ или, съ точки зрѣнія Платона, ту сугубую сознательность, въ силу которой они, будучи страшны для враговъ, будутъ въ то же время кротки и ласковы для своихъ безоружныхъ согражданъ производительнаго сословія. Повидимому, именно соединеніемъ мусическаго и гимнастическаго воспитанія и имѣлось въ виду удовлетворить этой двойной цѣли; удалось ли это автору? Чувствуется все-таки, нѣкоторый пробѣлъ; разбирая отдѣльныя части мусическаго воспитанія, авторъ гораздо болѣе возстаетъ противъ ихъ якобы разслабляющихъ элементовъ, чѣмъ обнаруживаетъ тѣ, которые могутъ воздѣйствовать на естественную склонность сильнаго использовать свою силу для своихъ личныхъ выгодъ. Казалось бы, для вщепленія будущему стражу той сугубой сознательности, той „философской природы“, которая заставитъ его обуздать свои страсти и прихоти, требовались бы и философскія дисциплины. Но было бы праздно стараться заполнить этотъ пробѣлъ, разъ этого не сдѣлалъ самъ авторъ.

Зато вотъ что онъ сдѣлалъ и чѣмъ онъ заслужилъ благодарность всѣхъ вѣковъ: онъ поставилъ вопросъ ребромъ и для мужской и для ж е н с к о й половины населенія. Есть ли основаніе, допуская стражей, не допускать въ то же время и стражницъ? Мы должны были бы это признать въ томъ случаѣ, если бы мы нашли въ природѣ женщины такія черты, которыя дѣлали бы ее неспособной къ дѣлу государственной обороны; но именно ихъ то мы не находимъ. Внимательное сравненіе природы обоихъ половъ учитъ насъ, что женщина, будучи к о л и ч е с т в е н н о въ общемъ итогѣ слабѣе мужчины (именно въ общемъ итогѣ—чѣмъ не исключается количественное преимущество отдѣльныхъ женщинъ передъ отдѣльными мужчинами), к а ч е с т в е н н о ему вполнѣ однородна. Отсюда логическій выводъ: допустить женщину ко всѣмъ областямъ труда, но во всѣхъ требовать отъ нея меньше, чѣмъ отъ мужчины. Итакъ, женщины-стражницы вполнѣ пріемлемы; а если такъ, то и въ воспитаніи онѣ должны быть сравнены съ мужчинами. Это развивается въ замѣчательномъ мѣстѣ пятой книги, которое читатель найдетъ въ текстѣ нашей книгѣ со стр. 30.

Довольно объ овчаркахъ; пора заняться и пастухами. Стражи со стражницами только тогда будутъ полезны, если ими будутъ хорошо управлять: кто же такіе эти п р а в и т е л и (archontes)? Ясно одно: если уже отъ стражей требуется „философская природа“, то правителямъ эта философская природа должна быть свойственна въ наивысшей степени. Другими словами—Платонъ глубоко и съ глубокой горечью чувствуетъ тотъ вызовъ, который онъ здѣсь бросаетъ общественному мнѣнію—только то государство будетъ совершеннымъ, въ которомъ или философы будутъ правителями или правители всей душей отдадутся философіи.

А разъ это такъ, то для будущихъ правителей требуется особое образованіе: оно ляжетъ верхнимъ наслоеніемъ на то общее, которое они получили вмѣстѣ со стражами, своей окружающей средой. И здѣсь начинается второй педагогическій экскурсъ въ „Государствѣ“ Платона, занимающій добрую часть его седьмой книги (въ текстѣ стр. 36).

Его пониманіе дается нелегко; до такой степени развитые здѣсь принципы связаны съ самой интимною частью философіи Платона. Какъ чистый раціоналистъ, онъ относился отрицательно ко всѣмъ эмпирическимъ наукамъ—и этотъ его изъянъ былъ бы въ то же время и изъяномъ всей греческой философіи, если бы его направленіе не нашло своего антипода въ направленіи Демокрита и оба свой синтезъ въ направленіи Аристотеля. Пусть же читателя не смущаетъ односторонность, отъ которой страдаютъ слѣдующія разсужденія; пусть онъ лучше полюбуется на убѣжденность идеализма, о которой они свидѣтельствуютъ, на вѣру въ человѣческій разумъ и его самодовлѣющую, независимую отъ данныхъ опыта силу.

Итакъ, пусть стражъ, имѣющій быть когда-то правителемъ, погрузится прежде всего въ изученіе ариѳметики и теоріи чиселъ, пусть онъ учится чистому счету, отвлекаясь отъ считаемыхъ предметовъ, отъ всего міра эмпиріи и чувственной смуты. Числа—это величины безъ измѣренія, какъ бы совокупности точекъ; оттого то имъ и принадлежитъ первое мѣсто въ наукахъ разума. Второе мы отведемъ величинамъ одного и двухъ измѣреній, величинамъ плоскости и ихъ наукѣ, которую Платонъ называетъ геометріей, мы же нарекли латиногреческимъ терминомъ, планиметріей. Для третьей ступени требуется наука о величинахъ, прибавившихъ къ тѣмъ двумъ измѣреніямъ еще и третье, о тѣлахъ, какъ мы ихъ называемъ; въ эпоху Платона она еще не существовала, но слѣдующее столѣтіе оправдало пророчество о ней Платона и оставило ее въ наслѣдіе намъ: мы называемъ ее стереометріей. Четвертая ступень представляетъ эти самыя тѣла въ движеніи, изучаетъ условія и законы этого движенія; это будетъ, стало быть, механика? Да, пожалуй, но только не земная механика, тогда еще не выбредшая изъ смуты опыта, а небесная, астрономія. Правда, и она еще недостаточно чиста, недостаточно независима отъ видимости и чувственнаго наблюденія: Платонъ мечтаетъ о болѣе чистой, исключительно умозрительной астрономіи. И вотъ, послѣ этого долгаго, постепеннаго восхожденія по лѣстницѣ раціональныхъ наукъ, учащемуся откроется видъ на высшую и чистѣйшую изъ нихъ, на ученіе объ идеяхъ-понятіяхъ, первообразахъ видимаго міра; онъ постигнетъ науку, посвященную анализу идей-понятій, діалектику, а она, ведя его послѣдовательно отъ низшей идеи къ высшей, наконецъ, покажетъ ему наивысшую, озаряющую ихъ всѣ, какъ солнце озаряетъ предметы видимости—идею добра.

Теперь мы понимаемъ Платона. Кругъ развитія завершенъ: отъ этики къ политикѣ, отъ политики къ педагогогикѣ, отъ педагогики опять къ этикѣ. Вѣдь правители — это тѣ, которые ведутъ государство къ намѣченной ему цѣли, къ осуществленію идеи добра; вотъ почему познаніе этой идеи — высшая цѣль ихъ образованія.

И само по себѣ разумѣется, что оцѣнка этой педагогики Платона должна зависѣть отъ пониманія этой его центральной идеи: она въ принципѣ отвращена отъ опыта, умозрительна, идеалистична. Человѣчество же оказалось не въ силахъ выбрести изъ опытной смуты; примирившись съ ней, оно обратило на нее свое научное вниманіе, оно стало изучать ея законы и теперь видитъ свою задачу въ томъ, чтобы, изслѣдовавъ всѣ области эмпирической психологіи, основать на ней эмпирическую педагогику, а тамъ, Богъ дастъ, и эмпирическую соціологію и эмпирическую политику. Но пока все это еще—чаянія будущаго, такая же утопія, какъ и та, которая волновала въ свое время и умозрительную душу Платона.

III.

На исходѣ своей благословенной годами и успѣхами жизни Платонъ вернулся къ проблемамъ своего „Государства“. Повторный опытъ убѣдилъ его въ томъ, что для этого идеальнаго устройства общество еще не созрѣло, да и не скоро созрѣетъ; а, между тѣмъ, ему хотѣлось оставить своимъ землякамъ, какъ наслѣдіе своей жизни, и болѣе осуществимый проектъ.

Такъ возникли его „Законы“. Все-же авторъ не отрекается въ нихъ отъ идеаловъ своего „Государства“ — они остаются для него таковыми, т. е. идеалами. Но онъ считаетъ не лишнимъ, въ ожиданіи того времени, когда они станутъ достижимыми, предложить своимъ землякамъ устройство „второго по достоинству“ и поэтому пріемлемаго хотя-бы и нынѣ государства.

Отъ перваго оно—что можетъ показаться страннымъ — отличается своимъ невоинственнымъ характеромъ. Конечно, и его гражданамъ придется защищать свое отечество, на это намекается не разъ, но авторъ устами своего „аѳинянина“ упрекаетъ его собесѣдниковъ, спартанца Мегилла и критянина Клинія, въ исключительно военномъ характерѣ ихъ государственнаго строя. Оборона стоитъ на заднемъ планѣ, а потому и двусословность (или трехсословность) упразднена; передъ нами просто граждане. Не всѣ они равноправны, но предполагаемый законодателемъ цензъ самый демократическій изъ всѣхъ—цензъ возраста. Неравномѣрность имуществъ не упразднена (какъ среди стражей „Государства“), но введена въ предѣлы и не имѣетъ особаго вліянія на пользованіе гражданскими правами. Единобрачіе и семейная жизнь возстановлены, дѣти знаютъ своихъ родителей; и вотъ ихъ то, принципіально равноправныхъ будущихъ членовъ своей общины, и касается воспитаніе.

Оно начинается съ пеленокъ и даже раньше; гигіеническое значеніе движенія побуждаетъ автора предписывать его уже беременнымъ въ видахъ лучшаго развитія ихъ плода. Тѣмъ болѣе оно признается полезнымъ для младенцевъ. Это—зародышъ гимнастическаго образованія; зародышемъ мусическаго является убаюкиваніе посредствомъ колыбельныхъ пѣсенъ, за которыми признается благотворное вліяніе на будущій характеръ ребенка, такъ какъ, устраняя страхъ и недовольство, онѣ не даютъ въ немъ развиться такимъ наклонностямъ, которыя позднѣе сдѣлали-бы его трусливымъ или угрюмымъ.

Младенчество продолжается до трехъ лѣтъ; затѣмъ начинается настоящее д ѣ т с т в о, съ его требованіемъ коллективныхъ игръ. Платонъ предлагаетъ учредить для таковыхъ нѣчто вродѣ дѣтскаго сада: дѣти того-же околотка собираются въ общей храмовой оградѣ подъ надзоромъ своихъ нянекъ,—какъ у насъ; но сами няньки находятся подъ надзоромъ особыхъ государственныхъ блюстительницъ, избираемыхъ, подобно большинству прочихъ должностныхъ лицъ, на одинъ годъ. Онѣ наблюдаютъ за тѣми играми, которыя дѣти выдумываютъ сами, и устраиваютъ таковыя и отъ себя. Онѣ же опредѣляютъ и наказанія для шалуновъ, причемъ авторъ совѣтуетъ избѣгать такихъ, которыя, будучи унизительны для самолюбія дѣтей, заранѣе какъ бы порабощаютъ ихъ души. Само собою разумѣется, что эти дѣтскіе сады—общіе для дѣтей обоего пола.

Съ шести лѣтъ мальчики отдѣляются отъ дѣвочекъ—въ этомъ отношеніи Платонъ, какъ видитъ читатель, отступаетъ отъ того принципа, который онъ въ „Государствѣ“ проводитъ съ полною строгостью. Но именно только въ этомъ; на равномъ же воспитаніи для обоихъ половъ онъ настаиваетъ и теперь. Онъ даже дополняетъ свое требованіе равноправія интереснымъ положеніемъ, впервые здѣсь встрѣчающимся въ европейской литературѣ и культурѣ: какъ въ „Государствѣ“ онъ называлъ половинчатой силу общины, въ которой женское населеніе не развито вровень съ мужскимъ, такъ здѣсь ему кажется половинчатой сила человѣческой особы, не развивающей свою лѣвую руку наравнѣ съ правой. Требованіе равномѣрнаго развитія обѣихъ рукъ нерѣдко затѣмъ поднималось и въ позднѣйшей педагогикѣ вплоть до новѣйшихъ временъ; но данныя современной психофизіологіи, неизвѣстныя Платону, заставили насъ признать врожденной ту неравномѣрность, которую онъ имѣлъ еще право считать результатомъ неправильнаго, основаннаго на предразсудкахъ, воспитанія.

Какъ бы то ни было, требованіе одинаковаго, хотя и не совмѣстнаго, воспитанія для подростковъ обоего пола философъ побѣдоносно отстаиваетъ и здѣсь; старость въ этомъ отношеніи ничуть не поколебала его убѣжденій. Оно касается, прежде всего, воспитанія г и м н а с т и ч е с к а г о, о которомъ онъ здѣсь говоритъ подробнѣе, чѣмъ въ „Государствѣ“. Распадается оно на двѣ части, собственно гимнастику и хорею—послѣдняя стоитъ вѣдь на рубежѣ

между гимнастическимъ и мусическимъ образованіемъ. Въ гимнастикѣ онъ отличаетъ дѣйствительно полезные элементы отъ грубаго и нездороваго спорта; обстоятельнѣе онъ распространяется о хореѣ. Онъ различаетъ (ниже стр. 65) военную и мирную хорею, признавая за обѣими одинаковыя достоинства; отъ обѣихъ онъ отличаетъ хорею страстную, экстатическую, принятую въ нѣкоторые культы, особенно въ діонисическій. Его аполлонической натурѣ она глубоко антипатична, но въ силу той осторожности, которую онъ вообще соблюдаетъ по отношенію къ культамъ, онъ не рѣшается ее открыто осудить; онъ просто ее оставляетъ въ сторонѣ.

Хорея заключаетъ въ себѣ и мимику, т. е. подражаніе. Платонъ въ „Государствѣ“ таковое отвергалъ, какъ противорѣчащее его основному требованію, чтобы каждый человѣкъ былъ только самимъ собою. Отъ этой рѣзкости онъ теперь отказывается. Подражать можно либо хорошему, либо дурному; первую цѣль преслѣдуетъ серьезная, вторую—комическая хорея. Первая безусловно благотворна и допустима; вторая косвенно тоже благотворна, поскольку она, изображая дурное въ смѣшномъ и этимъ самымъ въ неодобрительномъ видѣ, отваживаетъ зрителей отъ него. Она, поэтому, тоже допустима, но подъ условіемъ, чтобы ее исполняли не граждане и не дѣти гражданъ, а платные хоревты изъ иностранцевъ или рабовъ... Послѣдняя оговорка насъ озадачиваетъ: да гдѣ же идеалъ человѣчности? Для насъ вполнѣ естественно требовать тутъ къ отвѣту Грецію, которая намъ его подарила; но не будемъ слишкомъ строги. Его значеніе въ нашу эпоху еще только расширялось, и Платонъ не могъ его еще объять въ такой универсальности, какъ позднѣе эллинская стоя, а за нимъ—эллинское христіанство.

Возвращаясь къ подражательной хореѣ, мы легко поймемъ, что, допуская ее, поэтъ уже не могъ отнестись къ ея дочери т р а г е д і и, такъ же отрицательно, какъ въ „Государствѣ“. И, дѣйствительно, онъ ее допускаетъ, но подвергаетъ тщательной цензурѣ. Этой самой цензуры онъ требуетъ и для другихъ литературныхъ произведеній. Насъ это требованіе смущаетъ, но только потому, что мы слишкомъ часто встрѣчаемся съ нимъ на практикѣ въ государствахъ, ничего общаго съ платоновскимъ не имѣющихъ. Платоновское преслѣдуетъ—объ этомъ слѣдуетъ постоянно помнить—исключительно этическую цѣль. А такъ какъ возможности возникновенія этически вредной литературы принципіально отрицать нельзя, то нельзя принципіально возражать и противъ цензуры—иначе пришлось бы возражать также и противъ государственнаго надзора за доброкачественностью пищевыхъ продуктовъ. Но почему-же мы, тѣмъ не менѣе, враждебно настроены по отношенію къ цензурѣ? Во-первыхъ, потому, что наши государства преслѣдуютъ цѣль не нравственную, а политическую, и цензура является въ рукахъ ихъ правительствъ орудіемъ въ видахъ обузданія общественнаго мнѣнія и закрѣпленія власти въ рукахъ правящей партіи — этого мы не хотимъ. Во-вторыхъ, по-

тому, что даже въ области нравственности она примѣняется черезъ людей, далеко не приспособленыхъ судить о томъ, поскольку литературное произведеніе этически полезно или вредно,—и вообще сомнительно, чтобы такое сужденіе было по силамъ человѣку. О пользѣ и вредѣ пищевого продукта насъ поучаетъ его химическій анализъ; но методъ этическаго анализа еще далеко не изобрѣтенъ. Вотъ почему мы—выдѣляя очевидныя крайности—предпочитаемъ свободу слова цензурѣ, не какъ добро, а какъ меньшее зло.

Хорея, какъ уже было сказано, стоитъ на рубежѣ между гимнастическимъ и мусическимъ образованіемъ. Послѣднее должно начинаться съ десятилѣтняго возраста и продолжаться на первой ступени—какъ обученіе грамотности—три года. Къ поэтамъ, читавшимся въ греческихъ школахъ, Платонъ попрежнему относится отрицательно, такъ какъ у нихъ хорошее смѣшано съ дурнымъ; онъ требуетъ новой книги для чтенія, составленной въ духѣ своихъ разсужденій въ предыдущемъ; составить ее должна особая комиссія, отыскивая во всей литературѣ, поэтической и прозаической, подходящей матеріалъ. На второй ступени—отъ тринадцати до шестнадцати лѣтъ—центръ тяжести перемѣщается съ поэзіи на музыку въ тѣсномъ смыслѣ—но исключительно въ смыслѣ кіоаредики, а не кіоаристики (выше стр. X).

Высшая ступень, не всѣмъ доступная, посвящена научному образованію, подъ каковымъ Платонъ и здѣсь, вѣрный провозглашеннымъ въ „Государствѣ“ принципамъ, разумѣетъ образованіе математическое. Исключительное значеніе этихъ наукъ, какъ уже разъ было сказано, состоитъ, согласно Платону, въ ихъ дедуктивномъ, сверхопытномъ характерѣ. Итакъ, пусть молодые люди изучаютъ науки о числѣ, пространствѣ и движеніи, т. е., согласно сказанному выше (стр. XX), ариѳметику, геометрію и астрономію,—притомъ избранные—въ совершенствѣ, но до нѣкоторой степени—всѣ. Стыдно взрослому человѣку не знать разницы между соизмѣримостью и несоизмѣримостью величинъ; стыдно также имѣть неправильныя представленія о движеніи свѣтилъ. Особенно послѣднее: вѣдь свѣтила божественны, и кто о нихъ судитъ неправильно, тотъ умаляетъ величіе и достоинство боговъ.

Это неожиданное заключеніе знаменуетъ собою новую перемѣну, происшедшую въ міровоззрѣніи Платона за тотъ промежутокъ времени, который отдѣляетъ „Государство“ отъ „Законовъ“. Тамъ ариѳметика, геометрія и астрономія были лишь тремя ступенями, ведущими къ храмовой террассѣ діалектики; она же была настоящимъ храмомъ съ колоннадою своихъ идей, надъ которыми возвышалась величавымъ фронтономъ идея добра. Здѣсь діалектика покинута вмѣстѣ съ ея представителемъ Сократомъ: Платонъ послѣ многихъ попытокъ разочаровался въ ея плодотворности, мѣсто Сократа занялъ Пиѳагоръ, съ ученіемъ котораго онъ все болѣе и болѣе сближался за послѣднее десятилѣтіе своей жизни. Онъ утвердился въ его мнѣніи о божественности свѣтилъ; теперь, астрономія

стала уже не высшей ступенью къ діалектикѣ, а сама вѣнцомъ прочихъ наукъ, наукой о свѣтлыхъ богахъ, рѣющихъ въ строгомъ порядкѣ въ надземныхъ сферахъ, образцахъ и блюстителяхъ такой же законности на землѣ.

Таковъ общій ходъ воспитанія въ послѣднемъ сочиненіи Платона, но какова, можно спросить, его цѣль? Та, которая витала передъ авторомъ „Государства“, какъ мы видимъ, оставлена вмѣстѣ съ сословіемъ „стражей“, на которое вся система была разсчитана; трудная дилемма, разрѣшеніе которой автору подсказывала „философская“ натура собаки-овчарки, не существуетъ для государства „Законовъ“, не признающаго спеціалистовъ государственной обороны. Нѣтъ, конечно; но этическая цѣль государства продолжаетъ существовать. И соотвѣтственно ей существуетъ и этическая цѣль воспитанія: „Хорошее воспитаніе—это то, которое даетъ тѣлу и душѣ всю ту красоту, все то совершенство, на которыя они способны“ (p. 788 c.).

Общность цѣли, преслѣдуемой и политикой и педагогикой, дозволяетъ законодателю подчинить послѣднюю первой—мы уже выше имѣли случай говорить объ этомъ идеалистическомъ принципѣ, который государства дѣйствительности осуществили пока только въ видѣ карикатуры, согласно глубокому слову Ѳомы Аквинскаго: corruptio optimi pessima. Тамъ, гдѣ все направлено къ нравственной цѣли, преимущество должно принадлежать тѣмъ орудіямъ, которыя обладаютъ наибольшею силой. Государственная иниціатива сильнѣе частной; поэтому государственные органы должны пользоваться преимуществомъ передъ частными, передъ семьей. Ихъ „Законы“ предполагаютъ цѣлую іерархію, начиная тѣми „дѣтскими садовниками“, которыхъ мы видѣли въ храмовыхъ оградахъ, заботящимися объ общихъ играхъ дѣтей отъ трехъ до шести лѣтъ, продолжая тѣми магистратами, которымъ ввѣренъ школьный и внѣшкольный надзоръ за мальчиками и дѣвочками, и кончая высшимъ сановникомъ, которому должно принадлежать завѣдываніе общимъ дѣломъ воспитанія молодежи обоего пола—„министромъ народнаго просвѣщенія“, какъ его давно уже прозвали современные изслѣдователи Платона. Онъ долженъ быть одинъ на все государство, не моложе пятидесяти лѣтъ; необходимо, чтобы онъ былъ отцомъ дѣтей обоего пола, или, по крайней мѣрѣ, того или другого; слѣдуетъ помнить, что среди всѣхъ высокихъ должностей государства его должность самая высокая. Законодатель долженъ считать воспитаніе дѣтей первой и серьезнѣйшей изъ своихъ заботъ; если онъ хочетъ исполнить свой долгъ—онъ, первымъ дѣломъ, выберетъ среди гражданъ наиболѣе совершеннаго во всѣхъ добродѣтеляхъ, чтобы его поставить во главѣ дѣла воспитанія молодежи.

Такъ училъ Платонъ. Сравните съ этимъ практику реальныхъ государствъ,—и вы убѣдитесь, что сказанное выше о „карикатурѣ“ не было преувеличеніемъ.

V.

Трезвый духъ Аристотеля утопіями никогда не занимался; его скорѣе можно упрекнуть въ противоположномъ недостаткѣ—что онъ, связанный результатами своего наблюденія, недостаточно отдавалъ себѣ отчетъ въ условномъ характерѣ окружающей его дѣйствительности и считалъ, поэтому, естественными такія явленія, которыя были только повсемѣстными, какъ, напримѣръ, рабство. Но все же не намъ его въ этомъ упрекать; это право получать другія, болѣе счастливыя, поколѣнія, которыя уничтожатъ самую сущность рабства, а не одно только его имя.

Свои идеи о воспитаніи Аристотель развилъ въ своихъ книгахъ о государствѣ (Politika)—въ концѣ седьмой и во всей восьмой, къ сожалѣнію, неоконченной. Это значитъ, что и онъ, подобно своему учителю Платону, подчинялъ педагогику политикѣ—и добавимъ тотчасъ, по той же причинѣ. Но корни его теоріи воспитанія покоятся въ другихъ областяхъ—въ этикѣ, съ одной стороны, и въ психологіи—съ другой. И то и другое само собою понятно.

Разъ государство—сосудъ осуществленія добродѣтели, то необходимо прежде всего знать, что такое добродѣтель, и какъ она достается человѣку. Подъ добродѣтелью Аристотель разумѣетъ то поведеніе, которое предполагается первоначальнымъ значеніемъ этого русскаго слова—способность дѣлать добро и видѣть въ этой дѣятельности свое удовлетвореніе, а не только воздерживаться отъ зла; его добродѣтель—положительная, а не отрицательная. Возникновеніе же добродѣтели тройкое: во-первыхъ, природа; во-вторыхъ, навыкъ; въ-третьихъ, наука, — причемъ самый дѣйствительный и важный путь — второй. Такъ-то Аристотель примиряетъ старинный споръ о природности или научимости добродѣтели: она и то и другое, но главнымъ образомъ третье—навыкъ. Важность навыка явствуетъ изъ свойствъ человѣческой души. Не правы тѣ, кто ограничивается противопоставленіемъ тѣлу души; въ самой душѣ необходимо отличать безсознательную часть, органъ и источникъ нашихъ вожделѣній, отъ сознательной. Насколько первая сильнѣе и распространеннѣе второй, настолько навыкъ важнѣе науки. Воспитаніе состоитъ главнымъ образомъ въ передачѣ человѣку хорошихъ навыковъ; это и должно быть первой обязанностью законодателя.

Почему именно законодателя, почему не семьи? Какъ мы видѣли выше, къ этой дилеммѣ сводится разница между аѳинской и спартанской системой воспитанія. Платонъ въ обоихъ своихъ основныхъ сочиненіяхъ стоитъ рѣшительно на спартанской точкѣ зрѣнія; Аристотель менѣе крутъ—или, если угодно, менѣе послѣдователенъ. Правда, въ „Политикѣ“ онъ отстаиваетъ государственный принципъ: такъ какъ цѣль воспитанія едина для всей общины, то и воспитаніе должно быть единымъ и тѣмъ же для всѣхъ ея членовъ; отсюда слѣдуетъ необходимость общаго руководителя, т. е.

законодателя. Но въ „Этикѣ“ онъ допускаетъ иниціативу семьи и приписываетъ ей то значеніе, которое мы нынѣ назвали бы „индивидуализирующимъ“.

Какъ бы то ни было, въ „Политикѣ“ идетъ рѣчь о воспитаніи государственномъ, единомъ и общемъ для всѣхъ, регулируемомъ по иниціативѣ законодателя. Его цѣль — вести членовъ общины къ добродѣтели; а такъ какъ ея источникъ тройной—природа, навыкъ и наука,—то и свои заботы онъ долженъ распредѣлить соотвѣтственнымъ образомъ.

Итакъ, прежде всего, природа. Ея работа завершена актомъ рожденія и даже актомъ зачатія человѣка; поэтому первой заботой законодателя должна быть та, чтобы условія рожденія и зачатія были возможно лучшія. Другими словами, во главѣ педагогики стоитъ евгеника; въ этомъ принципѣ онъ съ Платономъ вполнѣ согласенъ. Но, какъ сынъ врача, рано присмотрѣвшійся къ врачебной наукѣ, онъ даетъ рядъ практическихъ совѣтовъ, очень интересныхъ для насъ.

Послѣдовательное развитіе евгеническихъ принциповъ ведетъ къ утопіи; дѣйствительность — это міръ непослѣдовательностей и компромиссовъ. Въ данномъ случаѣ участіе въ компромиссѣ принимаютъ: 1) строгая евгеника, 2) потребности половой жизни брачущихся и 3) соціально-экономическія условія. Пусть же для женщинъ брачный возрастъ начинается съ 18 лѣтъ, но для мущинъ лишь съ 37; тогда супруги въ одно время достигнутъ предѣльнаго возраста своей половой жизни, и родившійся сынъ, первенецъ, именно къ тому времени обзаведется семьей, когда его отецъ станетъ слишкомъ старъ для веденія хозяйства. Дальнѣйшее развитіе тѣхъ же предпосылокъ ведетъ Аристотеля къ установленію извѣстныхъ нормъ для аборта и устраненія неудачныхъ и нежелательныхъ дѣтей, которыя противны нашему нравственному сознанію—и тѣмъ не менѣе сплошь и рядомъ возникали и возникаютъ также и въ нашемъ обществѣ (вспомнимъ мальтузіанство и неомальтузіанство) подъ гнетомъ все тѣхъ же неразрѣшенныхъ и неразрѣшимыхъ проблемъ.

Ближе къ педагогикѣ подходитъ авторъ въ своихъ совѣтахъ объ уходѣ за беременными и новорожденными (VII **14**,9—**15**,3) это—совѣты, вообще благоразумные, подсказанные опытомъ и подтвержденные наукою нашихъ временъ. До 5 лѣтъ не слѣдуетъ приступать къ обученію ребенка; но такъ какъ и до этого предѣльнаго года онъ многому учится непроизвольно, то надобно наблюдать за тѣмъ, чтобы это ученіе не пошло ему во вредъ. И здѣсь мы знакомимся и съ тѣмъ государственнымъ институтомъ, которому Аристотель желаетъ ввѣрить надзоръ за воспитаніемъ даже растущаго въ семьѣ ребенка; это—педономы (VII **15**,5). Слѣдуя Платону, и Аристотель имъ поручаетъ цензуру дѣтскихъ сказокъ, при знавая этимъ косвенное ихъ значеніе для развитія дѣтской души.

Настоящее воспитаніе и настоящая педагогика начинаются съ пятилѣтняго возраста; этому предмету философъ посвятилъ восьмую

книгу своего труда. Мы ждемъ отъ него, судя по предыдущимъ разсужденіямъ, пространнаго и плодотворнаго анализа четырехъ предметовъ, изъ которыхъ состояло воспитаніе его эпохи... Именно четырехъ: къ тѣмъ тремъ старымъ—гимнастикѣ, грамотѣ съ поэзіей и музыкѣ—прибавился еще одинъ, хотя и не повсемѣстно: рисованіе. Къ сожалѣнію, наше ожиданіе не сбывается; послѣ немногихъ, хотя и здравыхъ словъ о гимнастикѣ (гл. 3, 3—4, 2), среди которыхъ насъ интересуетъ предостереженіе противъ увлеченія атлетизмомъ въ отроческомъ возрастѣ, авторъ переходитъ къ музыкѣ, говоритъ объ ея значеніи въ умственной жизни человѣка, отмежевываетъ ея воспитательную часть отъ той, которая должна остаться достояніемъ виртуозовъ, затѣмъ переходитъ къ малопонятному для насъ разсужденію о характерѣ различныхъ ладовъ—и тутъ его разсужденіе прекращается. Даже музыкальная часть не кончена, а то, что относилось къ поэзіи, организаціи преподаванія и, повидимому, еще много другого безвозвратно погибло въ той пропасти, которая поглотила весь конецъ восьмой книги.

VI.

Имена Платона и Аристотеля обезпечивали также и ихъ теоріямъ воспитанія извѣстный интересъ, хотя и значительно меньшій, чѣмъ другимъ частямъ, собственно философскимъ, ихъ ученія. Спеціально той теоріей, которая развита въ „Государствѣ“ Платона, очень увлекался Жанъ-Жакъ Руссо; „если вы желаете получить представленіе объ общественномъ воспитаніи,—говоритъ онъ въ началѣ своего „Эмиля“,—прочтите „Государство“ Платона. Это вовсе не политическое сочиненіе, какъ думаютъ тѣ, которые судятъ о сочиненіяхъ только по ихъ заглавіямъ; это—самое прекрасное разсужденіе о воспитаніи, которое когда-либо было написано“. Увлеченіе Руссо вполнѣ понятно: авторъ „Эмиля“ былъ также и авторомъ „Общественнаго договора“. Утопія не смущала утописта; а направленіе именно этой утопіи не могло не прійтись по сердцу тому, который, по выраженію Тэна, не прочь былъ превратить и современное ему общество въ „спартанскій монастырь“.

На другой и отчасти противоположной точки зрѣнія стоитъ Алекс. Мартенъ (Martin) авторъ старательнаго и разсудительнаго сочиненія о „педагогическихъ ученіяхъ грековъ“. Говоря о теоріяхъ Платона и Аристотеля, онъ наоборотъ, примѣняетъ къ нимъ мѣрку своей современности; гдѣ онѣ съ ней несогласны, тамъ онъ склоненъ думать: „тѣмъ хуже для нихъ“.

И, кажется, его точка зрѣнія—точка зрѣнія большинства. Утопичность „Государства“, малая доступность „Законовъ“, отрывочность „Политики“ во всѣ времена мѣшали успѣху развитыхъ въ нихъ педагогическихъ ученій. Античность, правда, сама по себѣ имѣла огромное вліяніе на новѣйшую педагогику уже начиная со

времени Возрожденія; къ ней восходитъ вся либеральная постановка воспитанія, всѣ теоріи, кладущія въ его основу аксіому не принципіальной испорченности, а принципіальнаго благородства человѣческой природы, считающія его главнымъ орудіемъ не устрашеніе и укрощеніе, а возбужденіе соревнованія поученіемъ и примѣромъ. Но та античность, которая произвела въ педагогикѣ этотъ благотворный переворотъ, устраняя средневѣковый кошмаръ, говорила не устами Платона и Аристотеля; ея представителями въ дѣлѣ воспитанія были другіе, болѣе скромные писатели, принадлежащіе исходу I в. по Р. Х.—Квинтиліанъ и Плутархъ.

Къ нимъ и нынѣ долженъ обратиться тотъ, кого интересуетъ исторія возникновенія современныхъ педагогическихъ идей; но это не значитъ, чтобы онъ имѣлъ право относиться съ пренебреженіемъ къ тѣмъ двумъ героямъ греческой мысли. Слишкомъ часто это, къ сожалѣнію, дѣлается: въ многотомныхъ изложеніяхъ педагогики Шмидта и Шмида о нихъ почти не говорится, какъ не говорится и въ тоже многотомномъ нѣмецкомъ педагогическомъ словарѣ. Ужъ слишкомъ впилось въ современное сознаніе это самодовольное и близорукое „тѣмъ хуже для нихъ“.

Нѣтъ, это не такъ—или, во всякомъ случаѣ, не обязательно такъ. И нынѣ, когда мы всѣ страдаемъ подъ гнетомъ педагогической проблемы, болѣе чѣмъ когда либо, слѣдуетъ помнить, что судящіе будутъ судимы и осуждающіе будутъ осуждены. Будемъ же вчитываться въ скрижали прошлаго, не торопясь отвергнуть тотъ голосъ, который при разногласіи будетъ намъ строго нашептывать: тѣмъ хуже для насъ!

Ѳ. Зѣлинскій.

Платонъ.

Отрывки изъ произведеній „Государство“ и „Законы“.

„Государство“.

Кн. II, гл. 16, кон.

Сократъ. Какъ бы разсказывая на досугѣ сказку, бу- (376)
демъ на словахъ воспитывать этихъ людей.

Адимантъ. Да, надо это сдѣлать. (E)

Гл. 17. Сокр. Каково же будетъ это воспитаніе? Трудно найти лучше найденнаго путемъ долговременнаго опыта, а это вѣдь для тѣла—гимнастика, для души—музыка.

— Такъ.

— И не начнемъ ли мы раньше воспитывать ихъ посредствомъ музыки, чѣмъ посредствомъ гимнастики?

— Конечно.

— А къ музыкѣ относишь ты разсказы, или нѣтъ?

— Да.

— Разсказы же бываютъ двухъ родовъ, одни истинные, другіе вымышленные?

— Да.

— И надо воспитывать посредствомъ и тѣхъ и другихъ, и сначала посредствомъ вымышленныхъ? (377)

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

—Ты не понимаешь, что сначала мы разсказываемъ дѣтямъ сказки? а онѣ, я думаю, вообще говоря,—вымыселъ, хотя въ нихъ заключается и истина. Раньше, чѣмъ гимнастику, мы примѣняемъ для воспитанія дѣтей сказки.

— Это правда.

— Это я и имѣлъ въ виду, говоря, что надо раньше браться за музыку, чѣмъ за гимнастику.

—Правильно.

— А ты, конечно, знаешь, что начало—самое важное во всякомъ дѣлѣ, въ особенности для всего молодого и нѣжнаго, такъ какъ тогда главнымъ образомъ, оно формируется и на каждаго (B)
налагается тотъ отпечатокъ, какой хочетъ наложить на него воспитатель.

— Конечно.

— Такъ неужели же мы съ легкимъ сердцемъ допустимъ, чтобы кто угодно сочинялъ какія угодно сказки, и чтобы дѣти ихъ слушали и ихъ души воспринимали мнѣнія по большой части противоположныя тѣмъ, которыя они, по нашему убѣжденію должны имѣть, когда вырастутъ?

— Ни въ какомъ случаѣ не допустимъ.

— Прежде всего, значитъ, намъ надо установить надзоръ за сочинителями сказокъ и хорошія изъ сочиненныхъ ими одобрять, а дурныя браковать. Мы будемъ внушать кормилицамъ и ма- (C) терямъ, чтобы онѣ разсказывали дѣтямъ только одобренныя сказки и гораздо усерднѣе формировали ихъ души сказками, чѣмъ тѣла руками; а большую часть разсказываемыхъ теперь сказокъ надо отбросить.

— Какія именно?

—Разсматривая бо́льшія, мы распознаемъ и меньшія, такъ какъ вѣдь и большія и меньшія должны носить одинъ характеръ и имѣть одно направленіе. Или ты съ этимъ не согласенъ?

— Конечно, согласенъ, но я не понимаю, какія ты на- (D) зываешь большими.

— Тѣ, которыя намъ разсказывали Гесіодъ съ Гомеромъ и другіе поэты. Вѣдь они сочиняли и разсказывали людямъ и теперь разсказываютъ лживыя сказки.

— Какія именно? что въ нихъ ты осуждаешь?

— То, что надо осуждать прежде всего и больше всего, въ особенности, если вымыселъ къ тому же и некрасивъ.

— Что же это такое?

— Когда кто нибудь въ разсказѣ нехорошо изображаетъ (E) природу боговъ и героевъ, подобно тому, какъ когда художникъ изображаетъ ничуть не похожимъ то, что хочетъ изобразить похожимъ.

— Конечно, справедливо осуждать подобныя вещи, но какъ это понимать, и что именно ты подъ этимъ разумѣешь?

— Прежде всего, нехорошо сочинилъ тотъ, кто разсказалъ величайшую ложь относительно величайшихъ боговъ, будто Уранъ совершилъ то, что говоритъ о немъ Гесіодъ, и какъ Кроносъ наказалъ его. А ужъ, во всякомъ случаѣ, дѣяніе Кроноса и то, что онъ претерпѣлъ отъ сына, даже если бы это было правдой, (378) я не считалъ бы позволительнымъ такъ свободно разсказывать передъ неразумными и молодыми людьми; лучше всего умалчивать объ этомъ, а если бы было почему нибудь необходимо это разсказывать, то пусть бы слышало это какъ можно меньшее число людей, какъ священную тайну, принеся передъ этимъ въ жертву не свинью, а совершивъ какое-нибудь великое и трудное жертвоприношеніе, чтобы лишь немногіе могли это слышать.

— Да, эти разсказы, дѣйствительно, вредны.

— Они не должны разсказываться въ нашемъ городѣ, Адимантъ, и не слѣдуетъ говорить юному слушателю, будто, совер- (B)

шая тягчайшія преступленія, или всячески наказывая хотя бы и преступнаго отца, онъ не совершитъ ничего особеннаго, а сдѣлаетъ только то, что дѣлали первые и величайшіе изъ боговъ.

— Несомнѣнно, и мнѣ кажется, что этого не слѣдуетъ говорить.

— И вообще, непозволительно разсказывать, будто боги враждуютъ между собою и строятъ козни и сражаются—къ тому же это и неправда,—если мы хотимъ, чтобы тѣ, которымъ предстоитъ быть стражами города, считали сварливость самымъ постыднымъ (C) качествомъ. Отнюдь не надо разсказывать имъ и вышивать на тканяхъ миѳовъ о битвахъ гигантовъ и о всевозможныхъ другихъ случаяхъ вражды боговъ и героевъ съ ихъ родственниками и близкими. Но если мы хотимъ убѣдить, что никогда сограждане между собою не враждуютъ, и что такая вражда нечестива, то въ такомъ направленіи должны говорить маленькимъ дѣтямъ старики и (D) старухи, а когда они подрастутъ, то и поэтовъ надо заставлять разсказывать имъ приблизительно это же. А разсказовъ о томъ, какъ Гера была скована своимъ сыномъ, и какъ Гефестъ былъ сброшенъ съ неба отцомъ, когда хотѣлъ защитить мать отъ побоевъ, и всѣхъ разсказовъ о битвахъ боговъ, сочиненныхъ Гомеромъ, нельзя допускать въ городѣ, безразлично, заключается ли въ нихъ аллегорія или нѣтъ, такъ какъ ребенокъ не въ состояніи различить, что является аллегоріей и что нѣтъ, но всѣ мнѣнія, усвоенныя человѣкомъ въ этомъ возрастѣ, обыкновенно съ трудомъ стираются и исчезаютъ. Поэтому надо, можетъ быть, больше (E) всего заботиться, чтобы то, что дѣти слышатъ раньше всего, какъ можно лучше способствовало развитію добродѣтели.

18.—Это справедливо. Но, если бы кто нибудь попросилъ насъ, объяснить ему, какъ мы представляемъ себѣ тѣ сказки, которыя слѣдуетъ разсказывать дѣтямъ,—чтобы мы о нихъ сказали?

— Адимантъ, мы съ тобою сейчасъ выступаемъ не въ роли поэтовъ, а основателей города; основателямъ же города не (379) надо самимъ сочинять сказокъ, а надо знать общій характеръ, какой должны носить разсказы поэтовъ, и, если поэты создадутъ что нибудь не соотвѣтствующее ему, не допускать.

— Правда, но каковъ же долженъ быть общій характеръ ученія о богахъ?

— Вотъ какой: каковъ богъ на самомъ дѣлѣ, такимъ и надо его изображать, будь то въ эпосѣ или въ пѣсняхъ или въ трагедіи.

— Конечно.

— Богъ же по своей природѣ благъ, и такъ, значитъ, надо о немъ и говорить? (B)

— Конечно.

— А вѣдь ничто благое не бываетъ вреднымъ? не такъ ли?

— Мнѣ кажется, что такъ.

— Ну, а то, что не вредно, можетъ вредить?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— А то, что не дѣлаетъ зла, не можетъ вѣдь оказаться причино зла

— Какимъ же образомъ?

— Далѣе: добро—полезно?

— Да.

— И, слѣдовательно, оно является причиной счастья?

— Да.

— Значитъ, добро не есть причина всего, а только причина хорошаго и оно неповинно въ происхожденіи зла?

— Несомнѣнно.

— Слѣдовательно, и богъ, разъ онъ благъ, не является при- (C) чиной всего, что происходитъ съ нами, какъ говоритъ большинство людей, а только немногаго, во многомъ же онъ неповиненъ; такъ какъ вѣдь съ нами случается гораздо меньше хорошаго, чѣмъ дурного. И хорошаго не надо приписывать никому другому, а для зла надо найти какія нибудь другія причины, а не бога.

— Мнѣ кажется, что ты говоришь совершенно правильно.

— Значитъ, не слѣдуетъ соглашаться ни съ какимъ нибудь другимъ поэтомъ, ни съ Гомеромъ, когда онъ неразумно и (D) ошибочно говоритъ о богахъ: будто двѣ бочки

лежатъ предъ порогомъ Зевеса,
Полны даровъ, счастливыхъ одна, несчастныхъ другая.
[Ил. XXIV, 527],

и тотъ, кому Зевсъ дастъ, смѣшавъ, изъ обѣихъ,

Въ жизни своей, перемѣнно, и горесть находитъ и радость

кому же, не смѣшивая, дастъ только изъ второй,

Нужда, грызущая сердце, вездѣ по землѣ того гонитъ,

и будто Зевсъ является для насъ, ключникомъ добра и зла". (E)

19. И если кто нибудь скажетъ, что нарушеніе клятвы и договора Пандаромъ произошло при помощи Аѳины и Зевса, мы его не похвалимъ, такъ же, какъ и того, кто сказалъ, что причиной вражды и суда между богинями были Ѳемида и Зевсъ. (380) Не слѣдуетъ, наконецъ, допускать, чтобы юноши слышали то, что говоритъ Эсхилъ, будто самъ богъ раститъ вину у смертныхъ въ сердцѣ, желая въ корень погубить ихъ домъ [фр. 155 Н.]. Если кто нибудь напишетъ о судьбѣ Ніобеи или Пелопидовъ, или Трои, или что-либо подобное, то ему или нельзя позволять говорить, что это были дѣянія боговъ, или онъ долженъ найти для нихъ приблизительно такое же основаніе, какое мы сейчасъ ищемъ, и сказать, что богъ совершилъ справедливое и благое дѣло, и что наказаніе послужило людямъ на пользу. Но нельзя позволять поэту го- (B) ворить, что наказанные несчастны, если наказалъ ихъ богъ. Если же поэты будутъ говорить, что они нуждались въ наказаніи, такъ какъ дурные люди несчастны, и что наказаніе отъ бога принесло имъ пользу, то это допустимо. Каждый, кто хочетъ, чтобы въ его городѣ сохранялась законность, долженъ всячески стараться, чтобы никто въ немъ не говорилъ, будто богъ, который благъ, явился для кого-либо причиной бѣдствій, и чтобы никто не слушалъ этого, ни

юноша, ни взрослый человѣкъ, разсказывается ли это въ сти- (C) хахъ или въ прозѣ, такъ какъ говорить это и нечестиво, и неполезно для насъ, и, кромѣ того, въ этомъ заключается противорѣчіе.

— Я готовъ голосовать вмѣстѣ съ тобою за такой законъ, онъ мнѣ нравится.

— Таковъ, значитъ, будетъ одинъ изъ законовъ относительно боговъ и одинъ изъ принциповъ, по которому разсказчикамъ придется говорить и поэтамъ писать, а именно, что богъ является причиной не всего, а только добра.—И этого вполнѣ достаточно.

— А что ты думаешь о слѣдующемъ второмъ законѣ? Считаешь ли ты бога кудесникомъ, способнымъ изъ хитрости по- (D) являться то въ одномъ видѣ, то въ другомъ, то дѣйствительно испытывая превращенія и мѣняя свой собственный видъ на разные образы, то лишь обманывая насъ и дѣлая такъ, чтобы намъ это казалось? Или же богъ—существо простое, никогда немѣняющее своего образа.

— На это я не могу сразу отвѣтить.

— А что ты думаешь вотъ о чемъ: не необходимо ли, чтобы тотъ, кто мѣняетъ свой образъ, измѣнялся либо по собственной волѣ, либо подъ вліяніемъ посторонней силы?

— Необходимо.

— Но вѣдь чѣмъ это совершеннѣе, тѣмъ менѣе оно способно измѣняться и двигаться подъ вліяніемъ посторонней силы. Такъ (E) наиболѣе здоровое и сильное тѣло менѣе всего измѣняется подъ вліяніемъ пищи, питья и труда и всякое вообще живое существо подъ вліяніемъ зноя, бури и тому подобнаго. (381)

— Конечно.

[Слѣдуютъ еще другіе примѣры]. Такъ все, что хорошо либо по природѣ, либо въ силу искусства, либо въ силу того и дру- (B) гого вмѣстѣ, менѣе всего подвергается измѣненіямъ подъ вліяніемъ извнѣ.

— Повидимому, это такъ.

— Но вѣдь богъ и все, что относится къ богу, во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе совершенно.

— Конечно.

— Значитъ, богъ съ этой точки зрѣнія, менѣе всего можетъ принимать разные образы?

— Да, менѣе всего.

20. —Но, можетъ быть, богъ самъ—причина своихъ превращеній?

— Очевидно, если только богъ измѣняется.

— Что же? измѣняетъ онъ себя въ сторону лучшаго и прекраснаго, или въ сторону худшаго и безобразнаго?

— Конечно, въ сторону худшаго, если онъ вообще измѣняется. Вѣдь не скажемъ же мы, что богу недостаетъ красоты или (C) добродѣтели?

— Ты правильно говоришь, а если такъ, неужели ты думаешь, Адимантъ, что кто нибудь изъ боговъ или изъ людей добровольно сдѣлаетъ себя худшимъ?

— Это невозможно.

— Слѣдовательно, невозможно и то, чтобы богъ захотѣлъ измѣняться, но, вѣроятно, каждый изъ нихъ, будучи настолько прекраснымъ и совершеннымъ, насколько это возможно, остается постоянно и неизмѣнно въ своемъ собственномъ образѣ.

— Такой выводъ кажется мнѣ совершенно неизбѣжнымъ.

— Такъ пусть же, мой другъ, никто изъ поэтовъ не говоритъ намъ, будто (D).

Боги нерѣдко, облекшися въ образъ людей чужестранныхъ,
Входятъ въ земныя жилища. [Од. XVII, 485 сл.],

пусть никто не клевещетъ намъ на Протея и Ѳетиду и не изображаетъ ни въ трагедіяхъ, ни въ другихъ произведеніяхъ Геру переодѣтой въ жрицу и собирающей подаяніе „для дарующихъ жизнь дѣтей аргивской рѣки Инаха“ [Эсхилъ, фр. 168. Н.], и пусть поэты не сочиняютъ намъ многаго другого, подобнаго этому; пусть, въ (E) свою очередь, матери подъ ихъ вліяніемъ не пугаютъ дѣтей, разсказывая нехорошія сказки, будто какіе то боги блуждаютъ по ночамъ, уподобляясь всевозможнымъ чужестранцамъ; онѣ не должны этого дѣлать, чтобы, съ одной стороны, не богохульствовать, съ другой, не дѣлать дѣтей трусливыми.

— Конечно, не должны.

— Или, можетъ быть, сами боги дѣйствительно неизмѣняемы, но, обманывая и очаровывая насъ, они заставляютъ насъ думать, будто являются въ различныхъ образахъ?

— Можетъ быть.

— Какъ? Развѣ богъ станетъ обманывать или словомъ (382) или дѣломъ, создавая призраки?

— Не знаю.

— Ты не знаешь, что истинную ложь (если только можно такъ выразиться) ненавидятъ всѣ боги и всѣ люди?

— Что ты хочешь сказать?

— То, что обманывать самую главную часть своего существа относительно самаго главнаго никто добровольно не захочетъ, но каждый больше всего боится допустить туда ложь.

— И сейчасъ, не понимаю.

— Ты думаешь, что я говорю что то мудреное, а я хочу (B) сказать, что обманывать душу относительно истины и быть обманутымъ и невѣждой и въ душѣ носить ложь всѣ менѣе всего желаютъ и тамъ ненавидятъ ее больше всего.

— Даже очень.

— То, о чемъ я сейчасъ сказалъ, невѣдѣніе души обманутаго человѣка, по справедливости надо назвать истинной ложью, такъ какъ ложь на словахъ является лишь подражаніемъ тому, что происходитъ въ душѣ, и возникающимъ позднѣе образомъ, а не чистой ложью. Развѣ не такъ?

(C)

— Такъ.

21.—Итакъ, истинную же ложь ненавидятъ не только боги, но и люди.

— Я думаю.

— А ложь на словахъ? Когда и кому оказывается она настолько полезной, чтобы не заслуживать ненависти? Не бываетъ ли она полезна, подобно лекарству, по отношенію къ врагамъ и для того, чтобы отклонить такъ называемыхъ друзей, когда они въ помѣшательствѣ или неразуміи собираются совершить какое-нибудь зло? А также въ разсказахъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили? (D) Вслѣдствіе незнанія истины относительно древности, мы, уподобляя, насколько возможно, ложь истинѣ, дѣлаемъ ее такимъ образомъ полезной.

— Конечно, это такъ.

— Въ какомъ же изъ этихъ случаевъ ложь можетъ оказаться полезной богу? будетъ ли онъ, не зная того, что было въ древности, обманывать уподобленіями?

— Это было бы смѣшно.

— Значитъ, въ существѣ бога нѣтъ лживаго поэта?

— Мнѣ кажется, что нѣтъ.

— Или, можетъ быть, онъ обманываетъ изъ страха передъ врагами? (E)

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Или вслѣдствіе невѣдѣнія и безумія своихъ близкихъ?

— Никого изъ невѣждъ и безумцевъ богъ не любитъ.

— Нѣтъ, значитъ, причины, по какой богъ сталъ бы обманывать.

— Нѣтъ.

— Значитъ, божество совершенно чуждо лжи?

— Совершенно.

— Значитъ, богъ совершенно простъ и правдивъ на дѣлѣ и въ словѣ, и ни самъ не измѣняется, ни другихъ не обманываетъ, ни призраками, ни словами, ни посылаемыми знаменіями, ни на яву, ни во снѣ. (383)

— Мнѣ самому такъ кажется, когда я тебя слушаю.

— Такъ ты соглашаешься, что таковъ долженъ быть второй принципъ, согласно которому надо говорить и писать о богахъ, а именно, что они не кудесники, принимающіе различные образы, и не обманываютъ насъ словомъ или дѣломъ.

— Соглашаюсь.

— Въ такомъ случаѣ, многое хваля у Гомера, мы не похвалимъ того, что Зевсъ посылаетъ Агамемнону ночное видѣніе; не похвалимъ также Эсхила, у котораго Ѳетида говоритъ, что Аполлонъ пѣлъ на ея свадьбѣ.

Отъ сына счастье предвѣщалъ мнѣ онъ:
И долголѣтенъ будетъ, и свободенъ

Отъ всѣхъ болѣзней онъ... чего, чего
Не говорилъ онъ про судьбу мою,
Взлелѣянную божіей любовью;
И въ завершенье даже гимнъ священный
Пропѣлъ онъ льстиво, радуя меня.
И мнила я: глаголъ правдивый Феба
Пророческой исполненъ благодати.
И что же? Мой пѣвецъ, мой сотрапезникъ,
Мой прорицатель—собственой рукою
Убилъ коварно сына моего!

[Эсх. фр. 35 Н.]

Когда кто нибудь будетъ говорить о богахъ подобныя (C) вещи, мы выразимъ ему наше неудовольствіе и не дадимъ хора и не позволимъ учителямъ пользоваться его стихами для воспитанія молодежи, если мы хотимъ, чтобы наши стражи стали благочестивыми и богоподобными, насколько это возможно для человѣка.

— Я вполнѣ согласенъ съ этими принципами и готовъ считать ихъ законами.

Кн. III, гл. 1. Вотъ приблизительно, что слѣдуетъ и (386) чего не слѣдуетъ съ дѣтства слышать о богахъ тѣмъ, о которыхъ, мы желаемъ, чтобы они почитали боговъ и родителей и цѣнили дружбу между собою.

— Я думаю, что наше мнѣніе правильно.

— Теперь далѣе: если мы хотимъ, чтобы они стали храбрыми, развѣ не это надо имъ говорить, а также то, что заставило бы ихъ какъ можно меньше бояться смерти? или ты думаешь, что кто нибудь можетъ стать храбрымъ, если въ немъ живетъ (B) страхъ передъ смертью?

— Конечно, нѣтъ.

— А какъ ты думаешь, тотъ, кто считаетъ, что существуетъ адъ и что онъ страшенъ, будетъ ли чуждъ страха смерти и въ сраженіи предпочтетъ ли смерть пораженію и рабству?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Значитъ мы должны, повидимому, слѣдить и за тѣми, кто берется разсказывать эти миѳы, и просить ихъ не хулить голословно подземнаго міра, а лучше хвалить его, такъ какъ они теперь говорятъ неправду и вредное для будущихъ воиновъ. (C)

— Да, мы должны это дѣлать.

— Итакъ, мы вычеркнемъ все подобное, начиная съ этихъ стиховъ:

Лучше-бъ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая въ полѣ,
Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать мертвый

[Од. XI, 489 сл.],

и

И жилищъ бы его не открыть и безсмертнымъ и смертнымъ, (D).
Мрачныхъ, ужасныхъ, которыхъ трепещутъ и самые боги

[Ил. XX, 64 сл.]

и

такъ подлинно есть и въ Аидовомъ домѣ подземномъ
Духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно безплотный

[Ил. XXIII, 104 сл.].

и

Онъ лишь съ умомъ, всѣ другіе безумными тѣнями рѣютъ

[Од. X, 495]

и

Тихо душа, изъ устъ излетѣвши, нисходитъ къ Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крѣпость

[Ил. XVI, 856 сл.]

(387)

и

душа какъ облако дыма, сквозь землю
Съ воемъ ушла [Ил. XXIII, 100]

и

какъ мыши летучія, въ нѣдрѣ глубокой пещеры,
Цѣпью къ стѣнамъ прикрѣпленныя—если одна оторвавшись,
Свалится наземь съ утеса—визжатъ, въ безпорядкѣ порхая:
Такъ завизжавъ полетѣли... тѣни. [Од. XXIV, 6 сл.].

Мы попросимъ Гомера и остальныхъ поэтовъ не сердиться, (B) если мы вычеркнемъ это и все подобное, не потому, чтобы это не было поэтично и пріятно слуху толпы, нѣтъ; но, чѣмъ оно поэтичнѣе, тѣмъ менѣе слѣдуетъ это слышать дѣтямъ и мужамъ, которые должны быть свободными и больше бояться рабства, чѣмъ смерти.

— Конечно.

2. И всѣ относящіяся сюда ужасныя и страшныя имена надо отбросить: рѣки плача и рѣки ненависти, жителей подземнаго (C) царства и безкровныхъ и всѣ тому подобныя имена, заставляющія трепетать слушателей. Можетъ быть, это для чего-нибудь и хорошо, но мы боимся за стражей, какъ бы, вслѣдствіе этого трепета, они не стали слишкомъ чувствительными и нѣжными.

— И справедливо боимся.

— Такъ, значитъ, ихъ надо отбросить?

— Да.

— И сочинить и употреблять имена противоположнаго характера?

— Очевидно.

— Не исключимъ-ли мы также слезъ и жалобъ въ честь знаменитыхъ людей?

— Приходится, если мы исключили то. (D)

— Посмотри же, правильно ли мы поступимъ, исключивъ ихъ, или нѣтъ: вѣдь мы говоримъ, что хорошій человѣкъ не будетъ

считать смерть страшной для другого хорошаго человѣка, хотя бы онъ былъ его другомъ?

— Да, мы говоримъ такъ.

— Значитъ, онъ не будетъ оплакивать его, какъ потерпѣвшаго что-то ужасное?

— Конечно, нѣтъ.

— Но мы говоримъ еще, что такой человѣкъ наиболѣе самодовлѣющъ для хорошей жизни и менѣе всѣхъ нуждается въ (E) чужой помощи.

— Правильно.

— Значитъ, ему менѣе, чѣмъ всякому другому, страшно лишиться сына, или брата, или денегъ, или чего-либо подобнаго?

— Менѣе.

— Значитъ, если подобное несчастье постигнетъ его, онъ менѣе другихъ будетъ плакать и перенесетъ его самымъ спокойнымъ образомъ?

— Конечно.

— Слѣдовательно, справедливо будетъ исключить слезы знаменитыхъ мужей и предоставитъ ихъ женщинамъ, и то не лучшимъ, и плохимъ мужчинамъ, чтобы тѣ, которыхъ мы, какъ гово- (388) римъ, воспитываемъ для охраны страны, не желали поступать подобно имъ?

— Справедливо.

— И опять мы попросимъ Гомера и остальныхъ поэтовъ не говорить, что Ахиллъ, сынъ богини,

То на хребетъ ложился, то на бокъ, то, ницъ обратяся,
Къ ложу лицомъ припадалъ [Ил. XXIV, 10 сл.],

то, вставъ,

Берегомъ моря бродилъ онъ тоскующій

и что, „въ обѣ руки схвативши нечистаго пепла, голову всю (B) имъ осыпалъ“, и плакалъ и стоналъ такъ, какъ говоритъ о немъ Гомеръ. Мы попросимъ также не говорить, что Пріамъ, близкій потомокъ боговъ, „умолялъ“ и „разстилался по праху“,

называя по имени каждаго мужа [Ил. XXII, 415].

А тѣмъ болѣе мы будемъ просить, чтобы они не изображали боговъ плачущими и говорящими:

Горе мнѣ бѣдной, на горе несчастной героя родившей! (C) [Ил. XVIII, 54], а если ужъ они говорятъ такія вещи о богахъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, не рѣшаются такъ непохоже изображать величайшаго изъ боговъ, чтобы онъ говорилъ:

Горе! любезнаго мужа, гонимаго около града,
Видятъ очи мои, и болѣзнь проходитъ мнѣ сердце [Ил. XXII, 168 сл.]

или

Горе! я зрю, Сарпедону, дражайшему мнѣ между смертныхъ
Днесь суждено подъ рукою Патрокловой пасть побѣжденнымъ
[Ил. XVI, 433 сл.].

3. Если, милый Адимантъ, наши юноши будутъ серьезно слушать это и не будутъ надъ этимъ смѣяться, какъ надъ чѣмъ то недо-

стойнымъ боговъ, едва-ли кто-нибудь изъ нихъ сочтетъ это недостойнымъ себя, человѣка, и едва-ли будетъ упрекать себя, если ему самому тоже случится говорить или дѣлать что-нибудь подобное; нисколько не стыдясь и не сдерживая себя, по поводу ничтожнаго страданія онъ будетъ проливать обильныя слезы и рыдать.

— Ты правильно говоришь.

— А этого не должно быть, какъ показало намъ сейчасъ (E) наше разсужденіе, и ему надо вѣрить, пока кто-нибудь не убѣдитъ насъ посредствомъ другого лучшаго.

— Да, этого не должно быть.

— Однако наши юноши не должны быть и слишкомъ смѣшливыми. Почти всегда, когда человѣкъ даетъ волю сильному смѣху, это влечетъ за собою столь же сильную реакцію.

— Да, я думаю.

— Поэтому не надо допускать изображенія того, какъ смѣхъ овладѣваетъ знаменитыми людьми, а тѣмъ болѣе, богами. (389)

— Несомнѣнно.

— Слѣдовательно такого изображенія боговъ у Гомера мы не допустимъ:

Стиховъ:

Смѣхъ несказанный воздвигли блаженные жители неба,
Видя, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогу вокругъ суетился
[Ил. I, 599 сл.]

нельзя допускать, согласно твоимъ словамъ.

— Да, если тебѣ угодно считать это моими словами—несомнѣнно, (B). нельзя допускать.

А воздержанность развѣ не нужна нашимъ юношамъ?

— Конечно, нужна.

— А воздержанность массъ не проявляется ли, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы повиноваться властямъ, а самимъ властвовать надъ страстью къ питью, любовнымъ наслажденіямъ и ѣдѣ? (E)

— Да, я думаю.

—Мы одобримъ, я думаю, то, что говоритъ у Гомера Діомедъ:

Молча стой, Капанидъ, моему повинуясь совѣту [Ил. IV, 412]

и то, что слѣдуетъ за этимъ:

приближались въ безмолвіи, боомъ дыша, Аргивяне [Ил. III 8].
почитая начальниковъ [Ил. IV, 431],

и все подобное этому.

— Одобримъ.

— А это:

О, винопійца, со взорами пса, но съ душою оленя! [Ил. I 225]

и то, что слѣдуетъ за этимъ, хорошо? и все, что сказано въ (390) прозѣ и въ поэзіи дерзкаго отъ лица частныхъ лицъ по адресу властей?

— Нехорошо.

— Я думаю, что съ точки зрѣнія воздержанности это, во всякомъ случаѣ, неполезно слушать юношамъ, но нѣтъ ничего уди-

вительнаго, если это доставляетъ какое-нибудь иное удовольствіе. Какъ ты думаешь?

— Такъ же.

4. — А думаешь ли ты, что юношамъ полезно съ точки зрѣнія самообладанія слышать, когда поэтъ заставляетъ мудрѣйшаго человѣка говорить, что ему кажется самымъ прекраснымъ, если столы полны

и хлѣбомъ и мясомъ, (B)
изъ кратеръ животворный напитокъ
Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опѣненный разноситъ
[Од. IX, 8 сл.],

или

Но умереть намъ голодною смертью всего ненавистнѣй
[Од. XII, 342].

Полезно-ли слышать разсказъ о томъ, что Зевсъ, подъ вліяніемъ любви, такъ легко забываетъ все, что онъ рѣшилъ, бодрствуя одинъ въ то время, какъ спали всѣ боги и люди, и что онъ такъ пора- (C) женъ, видя Геру, что не соглашается даже войти въ чертогъ, но тутъ же на землѣ хочетъ наслаждаться ея любовью, и говоритъ, что страсть до такой степени овладѣла имъ, какъ не овладѣвала даже тогда, когда они „наслаждались первымъ супружескимъ ложемъ отъ милыхъ родителей тайно“ [Ил. XIV, 296]? Полезно-ли слышать, какъ Гефестъ опуталъ Афродиту сѣтью за нѣчто подобное же?

— Конечно, мнѣ это не кажется полезнымъ.

— Но если гдѣ нибудь, знаменитые люди говорятъ о воз- (D) держанности по отношенію ко всему или осуществляютъ ее въ жизни, то это надо смотрѣть и слушать, напримѣръ:

Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу;
„Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло
[Од. XX, 17 сл.].

— Конечно.

— Нельзя допускать, чтобы наши стражи были подкупны и любили богатство.

— Конечно, нельзя. Имъ, значитъ, не должно пѣть, будто (E) „дары подкупаютъ боговъ, подкупаютъ и высокочтимыхъ царей“. Нельзя похвалить и совѣта учителя Ахилла Феника, принявъ дары, помочь Ахейцамъ, а безъ даровъ не смягчать гнѣва. Мы сочтемъ это недостойнымъ Ахилла и не согласимся съ тѣмъ, будто онъ былъ настолько стяжателенъ, чтобы взять дары отъ Агамемнона, и равнымъ образомъ чтобы выдать тѣло, лишь получивъ выкупъ. (391)

— Конечно, нельзя хвалить этого.

— Уважая Гомера, я неохотно упоминаю, что и нечестиво говорить такія вещи объ Ахиллѣ и вѣрить, когда другіе это говорятъ, напримѣръ, что онъ сказалъ Аполлону:

Такъ обманулъ ты меня, зловреднѣйшій между богами!
Я отомстилъ бы тебѣ, когда бъ то возможно мнѣ было.
[Ил. XXII, 15, 20],

и какъ онъ не повиновался рѣкѣ, хотя она была богомъ, и готовъ былъ сражаться съ нею; и будто онъ сказалъ, что волосы, (B) посвященные другой рѣкѣ, Сперхею, онъ отдаетъ герою Патроклу, мертвому, и дѣйствительно, сдѣлалъ это. Всему этому не надо вѣрить. Относительно того, что онъ волочилъ тѣло Гектора вокругъ костра Патрокла и убилъ на кострѣ плѣнныхъ, мы скажемъ, что это— неправда, и не допустимъ, чтобы наши юноши вѣрили, будто Ахиллъ, сынъ богини и Пелея, цѣломудреннѣйшаго человѣка и внука (C) Зевса, воспитанный мудрымъ Хирономъ, былъ настолько неуравновѣшенъ, что въ немъ уживались два противоположные порока: низкій образъ мыслей, связанный съ алчностью, и надменность по отношенію къ богамъ и къ людямъ.

— Ты правъ.

5. Слѣдовательно, мы не станемъ также вѣрить и не позволимъ разсказывать, будто Θесей, сынъ Посидона, и Периѳой, сынъ Зевса, предприняли такое ужасное похищеніе, и что кто—(D) нибудь другой изъ сыновей боговъ или героевъ отважился на какое— нибудь страшное и безбожное дѣло, какъ о нихъ теперь лживо разсказываютъ. Мы заставимъ поэтовъ или не говорить, что это были ихъ дѣла, или не называть ихъ дѣтьми боговъ, но не говорить того и другого заразъ и не пытаться убѣдить нашихъ дѣтей, что боги порождаютъ зло, и что герои ничуть не лучше людей; какъ мы сказали раньше, это и нечестиво и неправда. Вѣдь (E) мы доказали, что отъ боговъ не можетъ происходить зло.

— Конечно.

— И кромѣ того, это вредно слушателямъ, такъ какъ каждый будетъ снисходителенъ къ своимъ порокамъ въ убѣжденіи, что то же дѣлаютъ и дѣлали родичи боговъ, потомки Зевса, коихъ на горѣ Идейской жертвенникъ стоитъ въ эѳирѣ въ честь Зевса-праотца, и въ коихъ жилахъ течетъ понынѣ божеская кровь. [Эсх. фр. 162].

Поэтому надо положить конецъ подобнымъ миѳамъ, чтобы они не развили у насъ среди молодежи легкаго отношенія къ (392) пороку.

— Очевидно.

— Какой же еще видъ разсказовъ осталось намъ разсмотрѣть, разъ мы предприняли разграниченіе того, какіе изъ нихъ можно разсказывать и какихъ нельзя? Вѣдь уже сказано, какъ надо говорить о богахъ, а также о духахъ, геройхъ и загробномъ мірѣ.

— Да.

— Значитъ, оставалось бы сказать, какъ надо говорить о людяхъ?

— Очевидно.

— Но вѣдь сейчасъ это установить невозможно.

— Почему?

— Потому что, я думаю, намъ придется сказать, что поэты (B) и прозаики, говоря о людяхъ, дѣлаютъ основную ошибку, утверждая, что многіе несправедливы, но счастливы, а справедливые несчастны, и что несправедливость приноситъ пользу, если она не

открывается, а справедливость для другихъ хороша, а для себя невыгодна. Намъ придется запретить говорить это и велѣть воспѣвать и изображать въ миѳахъ обратное. Или нѣтъ.?

— Да, я знаю, что это такъ.

— Если ты подтверждаешь, что я правильно говорю, я буду считать тебя согласнымъ съ тѣмъ, чего мы давно ищемъ.

— Твое возраженіе справедливо.

— Значитъ что о людяхъ надо говорить такимъ образомъ, (C) прежде чѣмъ соглашаться, что такое справедливость, и что она по самой своей природѣ полезна обладающему ею, нѳзависимо отъ того, кажется ли онъ справедливымъ или нѣтъ.

— Правда.

6. — На этомъ покончимъ съ содержаніемъ разсказовъ. Теперь мы должны, я думаю, разсмотрѣть способъ выраженія; тогда у насъ будетъ вполнѣ разсмотрѣно и что надо говорить и какъ говорить.

— Я не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать. (D)

— Но надо, чтобы ты понялъ.

[*На началѣ Иліады Сократъ выясняетъ разницу между „изложеніемъ, когда авторъ говоритъ отъ своего лица и „подражаніемъ“, когда онъ говоритъ отъ лица своихъ героевъ*].

— Это самое я и хотѣлъ сказать, что намъ надо со- (394 D) гласиться, позволимъ ли мы вообще поэтамъ пользоваться въ разсказахъ подражаніемъ, или въ одномъ случаѣ да, въ другомъ нѣтъ, и въ какомъ именно, или совсѣмъ не позволимъ.

— Я предвижу, что ты поднимешь вопросъ о томъ, допустимъ ли мы въ нашъ городъ трагедію и комедію или нѣтъ.

— Можетъ быть, а можетъ быть дѣло идетъ о большемъ. Я еще не знаю этого; куда понесетъ насъ разсужденіе (logos), подобно вѣтру, туда и надо идти.

— Это ты хорошо сказалъ.

— Подумай же, Адимантъ, должны ли наши стражи быть (E) подражателями, или нѣтъ? А впрочемъ, отвѣтъ на это вытекаетъ изъ предшествующаго утвержденія, что человѣкъ можетъ хорошо дѣлать только одно дѣло, а не много, и если онъ возьмется за многое, то, испробовавъ, во всемъ потерпитъ неудачу и ни въ чемъ не выдвинется?

— Конечно.

— Не такъ же ли дѣло обстоитъ и съ подражаніемъ: одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ такъ же хорошо подражать многому, какъ чему нибудь одному.

— Да, не можетъ.

— Едва ли, слѣдовательно, человѣкъ можетъ одновременно дѣлать какое нибудь серьезное дѣло и многому подражать, (395) если даже, повидимому родственныхъ вещей, двухъ видовъ подражанія не могутъ одновременно хорошо создавать одни и тѣ же люди, какъ напримѣръ, комедію и трагедію. Вѣдь ты сейчасъ назвалъ ихъ видами подражанія?

— Да, и ты правильно говоришь, что одни и тѣ же люди не могутъ писать комедіи и трагедіи.

— И рапсоды не бываютъ одновременно актерами?

— Правда.

— И даже комическіе и трагическіе актеры разные, а между тѣмъ все это—только разные виды подражанія. Не такъ ли? (B)

— Да.

—Мнѣ представляется, Адимантъ, что человѣческая природа даже здѣсь размѣняла себя на еще болѣе мелкую монету, такъ что хорошо подражать разнообразной дѣятельности еще труднѣе, чѣмъ заниматься ею въ серьезъ.

— Правда.

8. — Итакъ, если мы хотимъ остаться при томъ, къ чему мы пришли въ началѣ нашей бесѣды, что наши стражи должны быть освобождены отъ всѣхъ другихъ работъ и быть усердными работниками надъ свободой города, и не заниматься ничѣмъ, что не направлено (C) къ этому, то они не должны ничего другого дѣлать и ничему другому подражать; а если же имъ нужно чему нибудь подражать, то пусть подражаютъ съ дѣтства тому, что соотвѣтствуетъ ихъ назначенію: храбрымъ, цѣломудреннымъ, благочестивымъ, благороднымъ людямъ и всему такому; ничего же низкаго они не должны умѣть дѣлать и не должны умѣть подражать этому, какъ и ничему дурному, чтобы черезъ подражаніе не усвоить себѣ этихъ качествъ. Вѣдь ты понимаешь, что подражаніе, если оно продолжительно и (D) начинается съ юныхъ лѣтъ, становится характеромъ и природой человѣка, оставляя слѣдъ и на его тѣлѣ, и на голосѣ и на образѣ мыслей?

— Конечно.

—Такъ мы не позволимъ чтобы тѣ, которые, какъ мы утверждаемъ, составляютъ предметъ нашей заботы, и должны стать хорошими мужами, будучи мужчинами, подражали женщинѣ, ни молодой, ни старой, ни спорящейся съ мужемъ, ни возстающей противъ боговъ и хвалящейся передъ ними, считая себя счастливой, ни женщинѣ въ несчастьѣ, печали и слезахъ, тѣмъ менѣе страдающей отъ болѣзни, или любви и родовъ. (E)

— Конечно.

— И не позволимъ имъ подражать рабамъ и рабынямъ, поступающимъ по рабски.

— Да, и этого не позволимъ.

— А также, очевидно, дурнымъ мужчинамъ, трусливымъ и поступающимъ обратно тому, что мы сейчасъ говорили, бранящимъ и высмѣивающимъ другъ друга, сквернословящимъ въ пьяномъ или даже въ трезвомъ видѣ, оскорбляющимъ другъ друга и (396) унижающихъ самимъ себя, какъ это обыкновенно дѣлаютъ подобные люди въ рѣчахъ и дѣлахъ. Я думаю, что не слѣдуетъ пріучаться уподоблять себя также сумасшедшимъ, ни въ рѣчахъ, ни въ дѣлахъ. Надо, конечно, умѣть узнавать сумасшедшихъ и дурныхъ мужчинъ и женщинъ, но не слѣдуетъ изображать ихъ и подражать имъ,

— Правда.

— А кузнецамъ и другимъ ремесленникамъ, гребцамъ и подающимъ имъ команду, и тому подобнымъ людямъ можно по- (B) дражать?

— Конечно, нѣтъ, если имъ будетъ запрещено даже интересоваться чѣмъ нибудь подобнымъ.

— А ржанію лошадей, мычанію быковъ, шуму рѣкъ, гулу моря, грому и всему такому будутъ они подражать?

— Нѣтъ, вѣдь имъ запрещено безумствовать и уподобляться безумнымъ.

— Итакъ, сказалъ я, если я правильно понимаю твои слова, существуетъ видъ рѣчи и изложенія, которымъ будетъ пользоваться дѣйствительно хорошій человѣкъ каждый разъ, какъ ему надо будетъ что нибудь разсказать, и существуетъ другой видъ, проти- (C) воположный этому, который усваиваетъ себѣ и которымъ пользуется человѣкъ противоположный первому по природѣ и по воспитанію.

— Что же это за виды?

— Мнѣ кажется, что порядочный человѣкъ, когда онъ дойдетъ въ разсказѣ до рѣчи или поступка хорошаго человѣка, захочетъ передать ихъ такъ, какъ будто бы онъ самъ былъ имъ, и не постыдится такого подражанія. Больше всего онъ будетъ подражать хорошему человѣку, когда тотъ дѣйствуетъ безошибочно и разумно, рѣже и въ меньшей степени, когда онъ ошибается подъ влія- (D) ніемъ болѣзни, страсти, опьяненія или какого нибудь другого несчастья. Если же онъ встрѣтится съ человѣкомъ недостойнымъ себя, онъ не захочетъ серьезно уподоблять себя худшему или развѣ на короткое время, когда тотъ дѣлаетъ что нибудь хорошее; онъ будетъ стыдиться подражанія такимъ людямъ, какъ вслѣдствіе неопытности въ ихъ образѣ дѣйствій, такъ и потому, что ему будетъ непріятно отливать себя въ худшую форму, которую онъ въ душѣ презираетъ; а если онъ это сдѣлаетъ, то только ради шутки. (E)

— Вѣроятно.

9. — Значитъ, онъ будетъ пользоваться такимъ родомъ изложенія, о какомъ мы только что говорили по поводу эпоса Гомера; въ его рѣчь будутъ входить оба элемента, и подражаніе и простое изложеніе, но въ длинномъ разсказѣ подражаніе будетъ составлять только малую часть. Или я не такъ говорю?

— Такъ;таковъ неизбѣжно будетъ характеръ подобнаго разсказчика.

— А другого рода человѣкъ, чѣмъ онъ будетъ хуже, (397) тѣмъ больше будетъ всему подражать и ничего не сочтетъ недостойнымъ себя; всему онъ будетъ пытаться подражать серьезно и въ присутствіи многихъ, также и тому, что мы сейчасъ упоминали, грому и шуму вѣтра, звукамъ града, осей, воротовъ, трубъ, флейтъ, свирѣлей и всѣхъ инструментовъ, а также голосамъ собакъ, овецъ и птицъ. И не будетъ ли вся рѣчь такого человѣка подражаніемъ (B)

при помощи голоса и жестовъ, а изложенія въ ней не будетъ ли очень мало?

— И это непремѣнно будетъ такъ.

— Вотъ, значитъ, тѣ двавида рѣчи, которые я имѣлъ въ виду.

— Да.

— Неправда ли, что одинъ изъ нихъ допускаетъ мало разнообразія, и если желать придать рѣчи соотвѣтствующую гармонію и ритмъ, то правильно говорящему придется говорить почти одинаково и въ одномъ тонѣ—тутъ возможно мало разнообразія—а также почти въ одномъ ритмѣ?

— Повидимому, это такъ.

— А какъ же дѣло обстоитъ съ другимъ видомъ? не тре- (C) буетъ ли онъ, напротивъ, всѣхъ тоновъ, всѣхъ ритмовъ, если пользоваться имъ согласно его природѣ, такъ какъ ему свойственны всѣ формы разнообразія?

— Конечно, это такъ.

— Не всѣ ли поэты, и вообще, всѣ говорящіе что нибудь сталкиваются или съ однимъ изъ этихъ двухъ видовъ или съ соединеніемъ ихъ?

— Конечно.

— Какъ же мы поступимъ? Допустимъ ли мы въ нашъ городъ ихъ всѣ, или только одинъ изъ не смѣшанныхъ, или только (D) смѣшанный?

— По моему мнѣнію, несмѣшанную рѣчь подражателя хорошему. Но вѣдь, Адимантъ, пріятна и смѣшанная рѣчь, а дѣтямъ и ихъ дядькамъ, также какъ и народнымъ массамъ, всего болѣе нравится противоположная той, которую ты выбираешь.

— Конечно, она имъ болѣе всего нравится.

— Но ты, вѣроятно, скажешь, что она не соотвѣтствуетъ нашему государственному строю, такъ какъ у насъ человѣкъ не (E) двоится и не можетъ быть многостороннимъ, но каждый дѣлаетъ одно дѣло.

— Да, не соотвѣтствуетъ.

— Поэтому мы именно въ такомъ городѣ и только въ немъ найдемъ сапожникомъ лицо, занимающееся исключительно сапожнымъ дѣломъ, а не мореходнымъ сверхъ сапожнаго, и земледѣльцемъ земледѣльца, не состоящимъ судьею въ придачу къ земледѣлію, а воиномъ воина, не совмѣщающаго военное дѣло съ торговыми оборотами и такъ во всемъ.

— Правда.

— Какъ же поступимъ мы съ человѣкомъ, который вслѣдствіе своего дарованія способенъ являться во всевозможныхъ (398) образахъ и всему подражать, если бы онъ пришелъ въ нашъ городъ самъ со своими твореніями, желая ихъ намъ представить? Я думаю, мы преклонились бы предъ нимъ, какъ передъ человѣкомъ священнымъ, удивительнымъ и обаятельнымъ, но сказали бы ему, что для такихъ мѣста въ нашемъ городѣ нѣтъ и быть не должно; мы отправили бы его въ другой городъ, помазавъ ему голову му-

ромъ и увѣнчавъ его святой повязкой, а сами вернулись бы, пользы ради, къ тому своему суровому и мало плѣнительному поэту и (B) разсказчику, который сталъ бы намъ воспроизводить слова честности и вести свою рѣчь сообразно съ тѣми правилами, которыя мы установили вначалѣ, когда собирались воспитывать нашихъ воиновъ.

— Именно такъ мы бы и поступили, если бы дѣло зависѣло отъ насъ.

— Итакъ. мой другъ, мы какъ будто разобрали основательно ту часть „музыки“, которая касается слова и повѣствованія: мы изложимъ, и что говорить, и какъ говорить—я и самъ такъ полагаю.

10. — Послѣ этого, остается сказать о характерѣ пѣнія (398 C) и о мелодіяхъ.

— Очевидно.

— Но теперь всѣмъ уже ясно, что мы должны сказать о ихъ качествахъ, чтобы не противорѣчить сказанному раньше.

На это Главконъ, улыбаясь сказалъ:

— *Главконъ.* Повидимому, Сократъ, я не принадлежу къ этимъ всѣмъ: я не могъ бы сейчасъ сообразить, что мы должны сказать, и только догадываюсь.

— Но ты можешь, во всякомъ случаѣ, сказать, во первыхъ, что пѣсня состоитъ изъ трехъ элементовъ: словъ, музыкальнаго (D) лада и ритма.

— Да, это я могу.

— Не ясно ли, что, поскольку она состоитъ изъ словъ, она ничѣмъ не отличается отъ произведенія, которое не поется, и должна сочиняться по тому же образцу, о какомъ мы сейчасъ говорили, и такимъ же образомъ?

— Правда.

— А ладъ и ритмъ должны согласоваться со словами?

— Конечно.

— Но вѣдь мы сказали, что въ разсказахъ не должно быть мѣста слезамъ и жалобамъ.

— Да.

— Скажи же мнѣ, какіе лады являются жалобными, вѣдь ты музыкантъ.

— Смѣшанно-лидійскій, и напряженно-лидійскій и нѣко (E) торые другіе подобные имъ.

—Значитъ ихъ, надо исключить; они вредны даже женщинамъ, если онѣ должны быть хорошими, а не только мужчинамъ.

— Конечно.

— Но вѣдь самое недостойное стражей, это—опьяненіе, изнѣженность и праздность.

— Несомнѣнно.

— Какіе же лады являются нѣжными и пригодны для пирушекъ?

— Іонійскій, и опять нѣкоторые изъ лидійскихъ, называемые распущенными.

—Есть ли въ нихъ, мой другъ, что-нибудь полезное для (399) воиновъ?

— Ничего, повидимому, у тебя остается только дорійскій и фригійскій.

— Я не знаю ладовъ, но оставь тотъ, которые соотвѣтствующимъ образомъ изображалъ бы голосъ и напѣвы человѣка, проявляющаго храбрость въ битвѣ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, гдѣ дѣйствуютъ силой, идущаго на раны и смерть, потерпѣвъ неудачу, или постигнутый какимъ-нибудь другимъ несчастьемъ, и при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ во всеоружіи и съ сильнымъ духомъ противостоящаго судьбѣ. И оставь еще другой ладъ, подражающій (B) человѣку въ его мирной и свободной дѣятельности, когда онъ или убѣждаетъ или проситъ, бога ли при помощи молитвы или человѣка при помощи наставленія и увѣщанія, или, напротивъ, уступаетъ просьбѣ и наставленію другого и позволяетъ себя переубѣждать, а затѣмъ поступаетъ согласно своему убѣжденію; человѣку не самонадѣянному, но дѣйствующему во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ разумно и съ чувствомъ мѣры и довольствующемуся результа- (C) томъ. Оставь эти два лада, соотвѣтствующіе силѣ и миролюбію и наилучшимъ образомъ изображающіе восклицанія счастливыхъ и несчастныхъ, умѣренныхъ и храбрыхъ.

— Ты просишь оставить какъ разъ тѣ самые, которые я только что назвалъ.

— Значитъ, намъ не понадобится ни многострунныхъ инструментовъ, ни разнообразія въ пѣсняхъ и мелодіяхъ.

— Мнѣ кажется, что не понадобится.

— Значитъ, мы не будемъ содержать мастеровъ треугольниковъ и пектидъ и вообще многострунныхъ и многоголосыхъ (D) инструментовъ.

— Повидимому, не будемъ.

— Ну, а фабрикантовъ флейтъ и флейтистовъ ты примешь въ городѣ? или развѣ флейта не является наиболѣе „многострунымъ“ инструментомъ, и всякое разнообразіе ладовъ не есть ли подражаніе флейтѣ?

— Очевидно.

— Значитъ у тебя остаются только лира и кіѳара, какъ инструменты, полезные въ городѣ; а въ деревнѣ для пастуховъ могла бы оказаться полезной, напримѣръ, свирѣль.

— Да, къ этому, во всякомъ случаѣ, приводитъ наше разсужденіе.

— Но вѣдь, мой другъ, не мы первые отдаемъ предпочтеніе (4) Аполлону и его инструментами передъ Марсіемъ и его инструментами.

— Конечно, и я такъ думаю.

— Однако, клянусь собакой, мы не замѣтили, какъ стали очищать предавшійся, какъ мы сказали, роскоши городъ.

— И правильно поступаемъ.

11. — Ну хорошо, будемъ очищать и остальное. Вслѣдъ за ладами, намъ слѣдуетъ сказать о ритмахъ. Не должно стремиться къ пестротѣ ихъ и къ разнообразію стопъ, но надо разсмотрѣть, какіе ритмы соотвѣтствуютъ порядочной и смѣлой жизни. Найдя ихъ, надо согласовать тактъ и мелодію со словами такого (400) человѣка, а не слова съ тактомъ и мелодіей. А что это за ритмы, твое дѣло сказать, такъ же, какъ раньше, ты назвалъ лады.

— Но, право же, я не могу этого сказать. Что существуютъ три вида, изъ которыхъ составляются стопы, какъ среди звуковъ существуютъ четыре ноты, изъ которыхъ получаются всѣ лады, это я на основаніи изученія, пожалуй, могъ бы сказать, но подражаніемъ какой жизня является каждый изъ нихъ, я не въ состояніи опредѣлить.

— Мы посовѣтуемся съ Дамономъ, о томъ, какіе изъ нихъ соотвѣтствуютъ низости, гордости, безумію и другимъ порокамъ, и какіе ритмы надо оставить для противоположныхъ этимъ качествъ. Но въ этомъ ты можешь, во всякомъ случаѣ, разобраться, что красота и безобразіе соединены съ ритмичностью и отсутствіемъ ритма?

— Конечно.

— Вѣдь ритмичность и отсутствіе ритма соотвѣтствуютъ (D) одна хорошимъ словамъ, уподобляясь имъ, другое—противоположнымъ; также гармоничность и отсутствіе гармоніи, если правильно сейчасъ было сказано, что ритмъ и гармонія должны согласоваться со словами, а не наоборотъ.

— Да, конечно, они должны согласоваться со словами.

— А какъ, сказалъ я, дѣло обстоитъ со стилемъ и съ содержаніемъ произведенія? не соотвѣтствуютъ ли они характеру души?

— Конечно.

— А стилю остальное?

— Да.

— Значитъ, хорошій стиль, гармоничность, красота и ритмичность соотвѣтствуютъ добродушію — не тому добродушію, которое, будучи глупостью, иронически такъ называется, но тому на- (E) строенію, которое создаетъ дѣйствительно добрая и благородная душа.

— Конечно.

— Не слѣдуетъ ли юношамъ во всемъ стремиться къ этому, если мы хотимъ, чтобы они въ будущемъ дѣлали свое дѣло?

— Конечно, слѣдуетъ стремиться.

— Вѣдь этимъ полна живопись и всѣ подобныя ей искус- (401) ства, полно также ткацкое искусство, вышиваніе и архитектура, а также выдѣлка всей утвари и даже природа нашего тѣла и другихъ живыхъ существъ, такъ какъ во всемъ этомъ есть красота и безобразіе. И при этомъ безобразіе и отсутствіе ритма и гармоніи родственны дурному нраву, а противоположныя качества—противоположному нраву, умѣренному и хорошему, являясь подражаніемъ ему.

— Конечно.

12. — А если такъ, должны ли мы наблюдать только за поэтами (B)

и заставлять ихъ либо давать въ своихъ произведеніяхъ образцы нравственности, либо создавать ихъ не у насъ, или же мы должны наблюдать и за другими художниками и не позволять имъ воплощать безнравственнаго ни въ изображеніяхъ животныхъ, ни въ зданіяхъ, ни въ другихъ произведеніяхъ? Если же кто-нибудь изъ нихъ окажется неспособенъ къ другому творчеству, не должны ли мы запретить ему творить у насъ, чтобы наши стражи не воспитывались среди образовъ порока, какъ на дурномъ пастбищѣ? иначе, (C) каждый день, срывая себѣ понемногу отовсюду такую пищу и питаясь ею, они незамѣтно накопятъ въ своей душѣ единое большое зло. Не надо ли поэтому искать такихъ художниковъ, которые, благодаря хорошо направленнымъ дарованіямъ, могли бы вскрыть сущность красоты и благообразія? тогда юноши, живя какъ бы въ здоровой мѣстности, будутъ извлекать пользу отовсюду, откуда только отъ прекрасныхъ произведеній на ихъ зрѣніе и слухъ будетъ вѣять какъ бы вѣтеръ, который, подобно вѣтру, приносящему здоровье изъ хорошей мѣстности, незамѣтно съ ранняго дѣтства будетъ (D) вести ихъ къ равенству, дружбѣ и согласію со здоровымъ разумомъ (logos).

— Дѣйствительно, это было бы наилучшимъ воспитаніемъ.

— Не потому ли, Главконъ, воспитаніе посредствомъ музыки является наиболѣе пригоднымъ, что ритмъ и гармонія лучше всего проникаютъ вглубь души и сильнѣе всего захватываютъ ее, принося съ собою красоту, и дѣлаютъ душу правильно воспитаннаго человѣка красивой, въ противномъ же случаѣ противоположной этому? и еще потому, что воспитанный посред- (E) ствомъ музыки должнымъ образомъ остро почувствуетъ всякій недостатокъ и въ томъ, что нехорошо создано художниками, и въ томъ, что нехорошо отъ природы; справедливо негодуя на это, онъ будетъ хвалить прекрасное и, съ радостью воспринимая его душой, будетъ питаться имъ и становиться совершеннымъ человѣкомъ; а безобразіе онъ будетъ справедливо бранить и ненавидѣть еще (402) ребенкомъ, прежде, чѣмъ будетъ въ состояніи усвоить разсужденіе, а когда оно придетъ, воспитанный такимъ образомъ будетъ привѣтствовать его, узнавъ его по сродству.

— Да, я думаю, что именно поэтому музыкѣ приписываютъ воспитательное значеніе.

— Вѣдь мы только тогда считаемъ себя достаточно грамотными, когда замѣчаемъ буквы, хотя ихъ и мало, вездѣ, куда они входятъ, и ни въ маломъ, ни въ великомъ не пренебрегаемъ ими, какъ не- (B) достойными того, чтобы ихъ замѣчать, но стремимся повсюду узнавать ихъ, сознавая, что, не достигнувъ этого, мы не будемъ грамотными.

— Правильно.

— Не правда ли, что изображенія буквъ, отраженныя гдѣнибудь въ водѣ или въ зеркалѣ, мы не узнаемъ, пока не будемъ знать ихъ самихъ, а это относится къ тому же искусству и занятію?

— Несомнѣнно.

— Такъ и въ томъ, о чемъ мы говоримъ, можетъ ли мы стать мусически образованными—мы ли сами, или тѣ стражи, которыхъ мы собираемся воспитывать,—если мы не будемъ узнавать (C) повсюду встрѣчающихся проявленій умѣренности, мужества, благородства, великодушія и всего родственнаго этому, а также противоположнаго ему, и если не будемъ чувствовать ихъ присутствія тамъ, гдѣ они имѣются, или сами, или ихъ отраженія. Мы не должны пренебрегать этимъ ни въ маломъ, ни въ великомъ, но должны считать это относящимся къ одному искусству и занятію.

— Очевидно.

— Неправда ли, что, когда хорошія свойства души совпадутъ съ соотвѣтствующей имъ и согласующейся съ ними внѣшностью, (D) обладающей тѣмъ же характеромъ, то получается прекраснѣйшее зрѣлище для способнаго имъ любоваться?

— Даже очень.

— А вѣдь то, что наиболѣ прекрасно, наиболѣе вызываетъ любовь?

— Конечно.

— Людей, въ наибольшей степени обладающихъ этимъ свойствомъ, полюбитъ мусически образованный, а тѣхъ, у кого наружность и душа не соотвѣтствуютъ другъ другу, не полюбитъ.

— Не полюбитъ, сказалъ онъ, если у нихъ будетъ какой-нибудь душевный недостатокъ, если же тѣлесный, то онъ съ нимъ, пожалуй, помирится настолько, чтобы быть готовымъ любить такого человѣка.

— Понимаю, у тебя есть или былъ такой любимецъ; я согласенъ съ тобою, Но скажи мнѣ, можетъ ли сочетаться крайняя (E) страсть съ воздержанностью?

— Какъ же это возможно, когда она лишаетъ человѣка разсудка не меньше, чѣмъ горе?

— А можетъ ли она сочетаться съ какой-нибудь другой добродѣтелью?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— А съ невоздержанностью и распущенностью? (403)

— Лучше всего.

— А можешь ли ты назвать страсть болѣе сильную и болѣе острую, чѣмъ любовь?

— Нѣтъ, не могу, и не могу также назвать болѣе близкой къ безумію.

— А правильная любовь не заключается ли въ томъ, чтобы цѣломудренно и гармонично любить нравственное и красивое?

— Да.

— Значитъ, не надо привносить въ правильную любовь ничего безумнаго и близкаго къ распущенности?

— Не надо.

— Не надо, слѣдовательно, привносить въ нее и этой страсти правильно любящій и любимый, любовникъ и любимецъ не (B) должны имѣть съ нею ничего общаго.

— Конечно, не надо привносить, Сократъ.

— Очевидно, ты такой законъ и установишь въ устраиваемомъ тобою городѣ, чтобы любовникъ цѣловалъ своего любимца и обращался съ нимъ и прикасался къ нему, какъ къ сыну, ради красоты, если ему удастся склонить его къ такой любви; вообще же, онъ долженъ такъ относиться къ тому, кѣмъ онъ плѣненъ, чтобы не могло возникнуть подозрѣнія, будто ихъ отношенія заходятъ дальше этого: иначе онъ подвергнется упреку какъ человѣкъ, чу- (C) ждый музыкѣ и красотѣ.

— Такъ.

— Не кажется ли тебѣ, что наша рѣчь о музыкѣ окончена? И она закончилась тѣмъ, чѣмъ ей и слѣдовало закончиться: музыка должна заканчиваться любовью къ красотѣ.

— Я согласенъ съ этимъ.

13. — Послѣ же „музыки“ надо воспитывать юношей при помощи гимнастики.

— Конечно.

— Эта часть воспитанія должна вестись также тщательно, начиная съ дѣтства, въ теченіе всей жизни; а состоитъ она, какъ мнѣкажется, въ слѣдующемъ—впрочемъ, подумай и (D) ты. Я не думаю, чтобы тѣло, если оно хорошо, своими хорошими качествами дѣлало и душу хорошей, но, напротивъ, хорошая душа своими хорошими качествами дѣлаетъ тѣло насколько возможно лучшимъ. А, тебѣ какъ кажется?

— И мнѣ кажется такъ же.

— Итакъ, не поступимъ ли мы правильно, если, воспитавъ достаточно умъ, мы ему предоставимъ частности заботы о тѣлѣ, а сами, чтобы не быть многословными, намѣтимъ лишь общій характеръ, какой должна носить эта забота?

— Конечно.

—Мы уже сказали, что они должны воздерживаться отъ (E) опьяненія, такъ какъ стражу менѣе всего позволительно въ опьяненіи не сознавать, гдѣ онъ находится.

— Смѣшно, если стражъ самъ нуждается въ стражѣ.

— А какъ же относительно пищи? не являются ли эти люди атлетами, готовящимся къ величайшему состязанію? или нѣтъ?

— Да.

— Такъ не окажется ли для нихъ подходящимъ образъ жизни обычныхъ атлетовъ?

— Можетъ быть.

— Нѣтъ, это—сонный образъ жизни и опасный для здо- (404) ровья. Развѣ не видишь, что эти тренирующіе себя люди спятъ всю жизнь, и если немного отступятъ отъ установленнаго режима, то сильно болѣютъ?

— Вижу.

— Очевидно, нашимъ военнымъ атлетамъ нужна какая-то лучшая тренировка, разъ имъ необходимо быть какъ бы бодрствующими собаками, обладать какъ можно болѣе зоркими глазами

и тонкимъ слухомъ и такимъ здоровьемъ, которое не страдало бы въ походахъ отъ рѣзкихъ перемѣнъ въ питьѣ и пищѣ, отъ зноя и зимы.

—Мнѣ кажется, что это такъ.

— Не будетъ ли самая лучшая гимнастика подобна той (B) простой „музыкѣ“, какую мы только-что обрисовали?

— Что ты хочешь сказать?

— Хорошая гимнастика тоже будетъ простой и прежде всего гимнастикой военной.

— Какимъ образомъ?

— Этому можно научиться и у Гомера. Вѣдь ты знаешь, что на трапезахъ героевъ въ походѣ онъ кормитъ ихъ не рыбой, несмотря на то, что они находятся на берегу моря у Геллеспонта, и не варенымъ мясомъ, а только жаренымъ, которое является, (C) очевидно, наиболѣе легко приготовляемой пищей для воиновъ, такъ какъ вѣдь вездѣ легче воспользоваться непосредственно огнемъ, чѣмъ носить съ собою котлы.

— Несомнѣно.

— И, если я не ошибаюсь, Гомеръ нигдѣ не упоминаетъ о приправахъ. Впрочемъ, это знаютъ всѣ тренирующіе себя люди, что для здоровья надо воздерживаться отъ всего такого.

— И правильно поступаютъ, думая такъ и воздерживаясь.

— Повидимому, мой другъ, ты не одобряешь сиракузскаго стола и сицилійскаго разнообразія яствъ, если считаешь это (D) правильнымъ?

— Нѣтъ, не одобряю.

— Ты не одобришь, значитъ, и того, чтобы люди, желающіе быть здоровыми, имѣли подругъ изъ кориноскихъ дѣвушекъ?

— Конечно, нѣтъ.

— И мнимаго удовольствія отъ аттическихъ печеній?

— Конечно.

— Мы справедливо могли бы сравнить такую пищу и такой образъ жизни съ мелодіями и пѣснями, содержащими многообразіе ладовъ и ритмовъ.

— Да.

— Тамъ разнообразіе порождаетъ распущенность, здѣсь— (E) болѣзнь; напротивъ, простота въ музыкѣ—воздержаніе души, простота въ гимнастикѣ—здоровье тѣла.

— Правда.

— А когда распущенность и болѣзни умножаются въ городѣ, развѣ не открываются въ немъ многочиленные суды и лѣчеб- (405) ницы? судебное искусство и медицина не оказываются ли въ такомъ почетѣ, ими начинаютъ заниматься, и притомъ очень усердно, даже многіе свободные люди?

— Конечно, это такъ.

14. — Можешь ли ты найти еще большее доказательство другого и постыднаго воспитанія въ городѣ, чѣмъ необходимость въ проницательныхъ врачахъ и судьяхъ, не только для простыхъ людей и ремесленниковъ, но и для считающихъ, что они получили свободное воспитаніе? Развѣ не позоръ и не явный признакъ (B) отсутствія воспитанія, когда человѣкъ со стороны, какъ бы отъ господъ и судей доженъ искать правды, не имѣя своей?

— Да, это—самое позорное.

— А не кажется ли тебѣ, еще болѣе позорнымъ, когда человѣкъ не только проводитъ большую часть жизни въ судахъ, какъ обвиняемый и обвинитель, но еще, по своему невѣжеству, считаетъ нужнымъ этимъ хвастаться, разсказывая, какъ онъ искусенъ въ причиненіи обидъ и какъ онъ знаетъ всѣ входы и выходы, такъ (C) что, благодаря своей изворотливости, бываетъ оправданъ и не подвергается наказанію? все это онъ продѣлываетъ ради пустяковъ, не понимая, насколько прекраснѣе и лучше устраивать свою жизнь, не нуждаясь въ дремлющемъ судьѣ.

— Да, это еще болѣе постыдно, чѣмъ то.

— А не кажется ли тебѣ постыднымъ, нуждаться въ медицинѣ не вслѣдствіе полученныхъ ранъ или болѣзней, приходящихъ со смѣной временъ года, а вслѣдствіе бездѣйствія и обрисованнаго (D) нами образа жизни, когда человѣкъ, подобно болотамъ, наполняется теченіями и газами и искуснымъ Асклепіадамъ приходится давать болѣзнямъ такія названія, какъ вѣтряная оспа или отеки?

— Да, это, дѣйствительно, новыя и странныя названія болѣзней.

— Такихъ, не было, я думаю, при Асклепіи. Въ доказательство я могу привести то, что его сыновья подъ Троей не порицали той женщины, которая дала раненому Еврипилу прамнійскаго вина, насыпавъ въ него большое количество ячменя и натертаго сыра, (E) напитокъ, какъ ты знаешь, считающійся возбуждающимъ (406) жаръ; они не порицали и Патрокла, лѣчившаго его.

— Однако, это—странный напитокъ для такого больного.

— Ничуть не странный, если ты вспомнишь, что нынѣшней медицины, холящей болѣзни, Асклепіады прежде не примѣняли. Ея, говорятъ, не было до Геродика; Геродикъ же, будучи учителемъ гимнастики и заболѣвъ, соединилъ гимнастику съ медициной и измучилъ прежде всего и больше всего (B) самого себя, а затѣмъ и многихъ другихъ.

— Какимъ образомъ?

— Онъ причинилъ себѣ длинную смерть. Не разставаясь со своей болѣзнью, которая была смертельна, онъ, не могъ вылечиться и прожилъ всю жизнь, не имѣя ни для чего, времени лѣчась и страдая, если отступалъ въ чемъ-нибудь отъ привычнаго режима; такъ, сопротивляясь смерти, благодаря своей мудрости, онъ дожилъ до старости.

— Прекрасную же награду, получилъ онъ за свою науку.

— Какую и естественно было получить, человѣку, не понимающему, что Асклепій не изъ невѣдѣнія или неопытности въ (C) этой области медицины не открылъ ея своимъ потомкамъ, а зная, что въ хорошо устроенномъ государствѣ всякому назначено какое-нибудь дѣло, которое онъ долженъ выполнять, и ни у кого нѣтъ

времени въ теченіе всей жизни болѣть и лѣчиться. Мы же, какъ это ни смѣшно, понимаемъ это, когда дѣло касается ремесленни ковъ, а когда рѣчь идетъ о людяхъ богатыхъ и считающихся счастливыми, не понимаемъ.

— Какъ?

15. — Заболѣвшій плотникъ, требуетъ отъ врача, чтобы (D) тотъ при помощи рвотнаго или слабительнаго или прижиганія или операціи освободилъ его отъ болѣзни. Если же тотъ пропишетъ ему продолжительный режимъ, одѣнетъ ему на голову войлочную шляпу и тому подобныя вещи, онъ сейчасъ же отвѣтитъ ему, что ему некогда болѣть и что ему нѣтъ пользы отъ такой жизни, при которой ему придется все вниманіе сосредоточить на болѣзни и забросить ремесло. Распростившись съ такимъ врачомъ и вернувшись къ обычному образу жизни, онъ или выздоровѣетъ (E) и будетъ жить, дѣлая свое дѣло, или, если тѣло его не выдержитъ, смерть освободитъ его отъ его дѣлъ.

— Такому человѣку приходится, конечно, такъ относиться къ медицинѣ.

— Почему?

— Потому, что у него есть дѣло, бросивъ которое, ему нѣтъ расчета жить?

— Очевидно.

— А богатый, скажемъ мы, не имѣетъ такого дѣла, (407) чтобы жизнь стала ему не въ жизнь, если бы ему пришлось отказаться отъ него?

— Говорятъ вѣдь, что это такъ.

— Значитъ, ты не слышалъ, что говоритъ Фокилидъ; когда у человѣка есть уже средства къ жизни, онъ долженъ упражняться въ добродѣтели?

— Я думаю, что и раньше.

— Объ этомъ не будемъ съ нимъ спорить, а выяснимъ самимъ себѣ, дѣйствительно ли богатый человѣкъ долженъ упражняться въ добродѣтели, и тому, кто не дѣлаетъ этого, не стоитъ жить, или лелѣяніе своихъ болѣзней мѣшаетъ только зани- (B) маться ремесломъ плотника и другими ремеслами, а тому, къ чему призываетъ Фокилидъ, не мѣшаетъ.

— Конечно, мѣшаетъ, и, пожалуй, больше всего, эта чрезмѣрная забота о тѣлѣ, идущая дальше гимнастики. Она вредна и для занятія хозяйствомъ, и для военнаго дѣла, и для исправленія гражданскихъ должностей въ городѣ; важнѣе же всего то, что она препятствуетъ и всякому ученію, сосредоточенію мысли и размышленію съ самимъ собою, заставляя всегда опасаться напряженія мозга и головокруженій и приписывая ихъ занятію наукой. Такъ она (C) повсюду мѣшаетъ осуществленію и изслѣдованію добродѣтели. Она заставляетъ человѣка всегда считать себя больнымъ и не даетъ ему ни на минуту освободиться отъ мучительнаго страха за свое тѣло.

— Конечно.

— Не скажемъ ли мы, что и Асклепій, зная это, изобрѣлъ

врачеваніе для тѣхъ людей и для того состоянія ихъ здоровья, когда они отъ природы здоровы тѣломъ и ведутъ образъ жизни здоровыхъ людей, а страдаютъ только какой-нибудь мѣстной болѣзнью? (D) При помощи лѣкарствъ и операцій онъ устраняетъ ихъ болѣзни и предписываетъ имъ обычный режимъ, чтобы не нарушать государственной жизни. Когда же все тѣло оказывается внутри больнымъ, онъ не пытается продлить человѣку его жалкое существованіе, понемногу отливая и вливая посредствомъ особаго режима, и не даетъ ему произвести потомства, которое естественно будетъ такое же, какъ онъ самъ; если человѣкъ не можетъ жить при обычномъ режимѣ, онъ не считаетъ нужнымъ лѣчить его, такъ какъ это (E) не приноситъ пользы ни ему, ни государству.

— Ты говоришь объ Асклепіи, какъ о государственномъ человѣкѣ.

— Онъ, очевидно, и былъ такимъ; это доказали и его дѣти. Они проявили и храбрость на войнѣ подъ Троей и врачебное искусство примѣняли именно такъ, какъ я говорю. Или ты не пом- (408) нишь, что они Менелаю изъ раны, нанесенной ему Пандаромъ, выжали кровь и поверхъ положили кроткаго зелья, а что надо пить или ѣсть послѣ этого, они не предписывали, такъ же, какъ и Еврипилу, считая, что лѣкарствъ достаточно, чтобы вылѣчить человѣка, который до раненія былъ здоровъ и велъ умѣренный образъ жизни, даже, если онъ сейчасъ же послѣ этого выпьетъ вина Жизнь же (B). человѣка, болѣзненнаго отъ природы и невоздержнаго, они считали безползной и для него самого и для другихъ; считали, что не для такихъ людей должно существовать врачебное искусство и что лѣчить ихъ не надо, даже если бы они были богаче Мидаса.

— Очень мудрыми считаешь ты сыновей Асклепія.

17. — Итакъ, не установишь ли ты въ твоемъ государствѣ такую медицину, какую мы обрисовали, и такой же судъ, которые будутъ лѣчить здоровыхъ тѣломъ и душой гражданъ, а нездоровымъ тѣломъ предоставятъ умирать, нездоровыхъ же и неизлѣчи- (410) мыхъ душой сами будутъ убивать.

— Да, выяснилось, что это—самое лучшее и для государства.

— Ясно, что наши юноши, занимаясь той простой музыкой, которая, какъ мы сказали, вселяетъ въ человѣка умѣренность, будутъ остерегаться имѣть дѣло съ судебнымъ искусствомъ.

— Конечно.

— Не по тому же ли пути пойдетъ питомецъ „музыки“ и усваивая гимнастику, если онъ вообще захочетъ это дѣлать, а (B) именно, съ намѣреніемъ по возможности не имѣть нужды въ медицинѣ?

— Да, я думаю.

— Самыя гимнастическія упражненія и физическій трудъ онъ будетъ предпринимать, имѣя болѣе въ виду пылкій элементъ своей природы и стремясь возбудить его, чѣмъ силу, въ противоположность остальнымъ атлетамъ, которые ѣдятъ и трудятся ради пріобрѣтенія силы.

— Совершенно правильно.

— Вообще мнѣ кажется, Главконъ, что установившіе воспитаніе посредствомъ музыки и гимнастики, не для того установили (C) его, какъ нѣкоторые думаютъ, чтобы при помощи одной воспитывалось тѣло, а другой—душа.

— А для чего же?

— Повидимому, они и ту и другую установили, главнымъ образомъ, для души.

— Какимъ образомъ?

— Развѣ ты не представляешь себѣ, каковъ будетъ душевный складъ людей, которые въ теченіе всей жизни будутъ заниматься гимнастикой и останутся совершенно чужды музыкѣ, и тѣхъ, которые поступятъ обратно?

— О чемъ ты говоришь?

— О суровости и жестокости и, съ другой стороны, объ изнѣженности и чувствительности. (D)

— Я знаю, что занимающіеся и слючительно гимнастикой становятся болѣе суровыми, чѣмъ слѣдуетъ, а занимающіеся только музыкой дѣлаются, напротивъ, мягче, чѣмъ подобаетъ.

— Однако, суровость обнаруживаетъ пылкій элементъ природы и при хорошемъ воспитаніи она превращается въ мужество, получивъ же большее развитіе, чѣмъ слѣдуетъ, становится, естественно, жестокостью и грубостью.

— Да, я думаю.

— А чувствительность? Не свойственна ли она философской части человѣка? Если она слишкомъ предоставлена самой себѣ человѣкъ становится мягче, чѣмъ это желательно, при хорошемъ (E) же воспитаніи онъ дѣлается кроткимъ и скромнымъ.

— Да, это такъ.

— Вѣдь мы хотимъ, чтобы стражи обладалиобоими этими элементами?

— Хотимъ.

— Такъ не должны ли эти элементы находиться въ гармоніи между собою?

— Конечно.

— И у такого гармоничнаго человѣка душа одновременно скромна и мужественна?

— Да.

— А у негармоничнаго труслива и груба?

— Даже очень. (411)

18. — Итакъ, если человѣкъ позволяетъ музыкѣ убаюкивать свою душу и изливать на нее черезъ уши, какъ черезъ воронку, сладкія, нѣжныя и плачевныя мелодіи, которыя мы только-что упоминали, если онъ всю жизнь напѣваетъ и наслаждается пѣснями, то имѣющійся въ немъ пылкій элементъ онъ сначала размягчитъ, какъ желѣзо, и сдѣлаетъ полезнымъ изъ ни къ чему непригоднаго и твердаго; (B) если же онъ не остановится и будетъ продолжать усыплять его, то начнетъ уже расплавлять его и выливать, пока не вытопитъ изъ

души пылкости, не вырѣжетъ ее, какъ жилы, и не сдѣлаетъ своей души „слабымъ воиномъ“.

— Конечно.

—И если, онъ получилъ душу отъ природы не пылкую, это произойдетъ скоро; если же пылкую, то, сдѣлавъ ее безсильной, онъ сдѣлаетъ ее вспыльчивой, легко возбуждаемой и успокаивающейся изъ-за мелочей. Такія люди изъ пылкихъ становятся раздражительными и гнѣвными, полными недовольства. (C)

— Естественно.

— А если человѣкъ, напротивъ, много занимается гимнастикой и ведетъ роскошный образъ жизни, но остается совершенно чуждъ музыкѣ ифилософіи, то, хорошо чувствуя себя физически, не исполняется ли онъ сначала чувствомъ собственнаго достоинства и пылкостью и не становится ли мужественнѣе, чѣмъ былъ раньше?

— Очевидно.

— А если онъ не будетъ дѣлать ничего другого и не будетъ общаться съ Музой, то надо полагать, если въ его душѣ и была (D) нѣкоторая любознательность, она не ослабнетъ и не притупится, не наслаждаясь никакимъ знаніемъ или исканіемъ, не пріобщившись рѣчи и другимъ видамъ музыки, не пробуждаемая и не питаемая, а также потому, что чувства такого человѣка не подвергаются очищенію?

— Да, это такъ.

— Я думаю, что такой человѣкъ долженъ стать врагомъ слова и чуждымъ Музъ; онъ уже не пользуется для убѣжденія рѣчью, а всего достигаетъ, какъ звѣрь, насиліемъ и грубостью, и живетъ въ невѣжествѣ и косности, чуждый ритма и красоты. (E)

— Это совершенно справедливо.

— Для этихъ двухъ элементовъ нѣкій богъ, сказалъ бы я, далъ людямъ и два искусства, музыку и гимнастику, одну для пылкаго, другую для философскаго элемента не для души и тѣла, или развѣ лишь между прочимъ для послѣдняго,—чтобы привести ихъ въ гармонію между собою, въ должныхъ предѣлахъ напрягая и ослабляя ихъ. (412)

— Повидимому, это такъ

— Слѣдовательно, человѣка, наилучшимъ образомъ сочетающаго музыку и гимнастику и въ должной мѣрѣ сообщающаго ихъ душѣ, мы съ наибольшей справедливостью можемъ назвать самымъ музыкальнымъ и гармоничнымъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ это можно сказать о томъ, кто настраиваетъ струны.

— Понятно, Сократъ.

— И въ нашемъ государствѣ намъ понадобится, Главконъ, такой надзиратель, если мы хотимъ, чтобы нашъ государственный строй былъ проченъ.

— Даже очень понадобится. (B)

19. Общій характеръ воспитанія дѣтей и отроковъ, слѣдовательно, таковъ. Относительно же ихъ танцевъ, разныхъ видовъ охоты, состязаній гимнастическихъ и верховыхъ, зачѣмъ пространно го-

ворить? Вѣдь ясно, что все это должно согласоваться съ изложенными общими принципами, и, такимъ образомъ, это уже нетрудно найти.

— Пожалуй нетрудно.

Кн. V, гл. 3. Сократъ. Для людей, рожденныхъ и воспитанныхъ такъ, какъ мы сказали, не можетъ, по моему мнѣ- (4510)
нію, существовать другого правильнаго способа пріобрѣтенія женъ и дѣтей и жизни съ ними, кромѣ, какъ идя по тому пути, который мы имъ указали. Мы вѣдь, кажется, назвали въ нашей бесѣдѣ этихъ людей стражами стада?

Главконъ. Да.

— Пойдемъ же дальше, давая имъ соотвѣтствующее рожденіе и воспитаніе, и посмотримъ, подойдетъ ли это намъ или нѣтъ. (D)

— Какъ?

— Вотъ какъ: считаемъ ли мы, что самки сторожевыхъ собакъ должны сторожить все, что сторожатъ самцы, участвовать въ охотѣ и вообще дѣлать все вмѣстѣ съ ними, или онѣ должны сидѣть дома, какъ неспособныя къ этому, вслѣдствіе рожденія и воспитанія щенковъ, а самцы должны трудиться и нести на себѣ всю заботу о стадѣ?

— Они должны все дѣлать вмѣстѣ, съ тою только разницей, что самками мы пользуемся, какъ болѣе слабыми, а самцами, какъ болѣе сильными.

— А можно ли примѣнять какія-нибудь живыя существа (E)
къ одной работѣ, не давая имъ одинаковаго воспитанія и образованія?

— Нельзя.

— Слѣдовательно, если мы будемъ пользоваться женщинами для того же, для чего и мужчинами, надо и учить ихъ тому же.

— Да.

— А мужчинамъ мы дали мусическое и гимнастическое (452)
воспитаніе.

— Да.

— Значитъ, и женщинамъ надо сообщить эти два искусства, а также военное, и примѣнять ихъ къ тому же, къ чему и мужчинъ.

— Это вытекаетъ изъ твоихъ словъ.

— Но, можетъ быть, многое изъ сказаннаго сейчасъ покажется необычнымъ и смѣшнымъ, если будетъ осуществлено такъ, какъ мы сейчасъ говорили?

— Даже очень.

— А что въ этомъ представляется тебѣ наиболѣе смѣшнымъ?

— Не то ли, что женщины полуобнаженныя будутъ заниматься въ палестрахъ гимнастикой вмѣстѣ съ мужчинами, и притомъ не только молодыя, но даже и пожилыя, подобно тому, какъ можно (B)
видѣть въ гимназіяхъ морщинистыхъ и непріятныхъ на видъ стариковъ, увлекающихся упражненіями?

— Да, дѣйствительно, это можетъ показаться смѣшнымъ, по крайней мѣрѣ, сейчасъ.

— Но вѣдь разъ ужъ мы начали говорить, мы не должны

бояться насмѣшекъ шутниковъ, всего, что они стали бы говорить, если бы произошелъ такой переворотъ въ гимназіяхъ, въ музыкѣ и) больше всего въ вооруженіи и верховой ѣздѣ. (C,

— Ты правильно говоришь.

— Разъ ужъ мы начали говорить, мы должны подойти къ самому суровому пункту закона, а ихъ просить, чтобы они, вопреки своему обычаю, отнеслись къ дѣлу серьезно. Мы напомнимъ имъ, что не такъ давно эллинамъ, какъ и теперь еще большинству варваровъ, казалось постыдно и смѣшно видѣть обнаженными мужчинъ, и когда, сначала критяне, а затѣмъ, лакедемоняне, впервые ввели у себя гимнастическія состязанія обнаженныхъ людей, (D)
остроумные люди того времени могли это осмѣивать. Или ты не думаешь, что это было такъ?

— Да, я думаю.

— Но когда на опытѣ обнаружилось, что обнажать тѣло лучше, чѣмъ прикрывать одеждой, смѣшное для глаза исчезло, благодаря выяснившейся путемъ разсужденія большой пользѣ; это показало, что безуменъ тотъ, кто считаетъ смѣшнымъ-что либо другое, кромѣ дурного, и пытается вызвать смѣхъ какимъ-нибудь другимъ смѣшнымъ зрѣлищемъ, кромѣ зрѣлища глупости и зла, или, напротивъ, кто стремится къ красотѣ, поставивъ себѣ въ качествѣ образца что либо другое, кромѣ добра. (E)

— Конечно.

4. — Не слѣдуетъ ли намъ прежде всего притти къ соглашенію относительно осуществимости нашего предложенія и позволить спорить съ нами—все равно, захочетъ ли это сдѣлать какой-нибудь шутникъ или серьезный человѣкъ—о томъ, можетъ ли женская природа принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ мужского пола, (453)
или ни въ одномъ, или только въ нѣкоторыхъ, и въ послѣднемъ случаѣ, принадлежитъ ли къ такимъ военное дѣло. Не съ этого ли лучше всего начать, чтобы имѣть надежду лучше всего кончить?

— Да, это будетъ самое лучшее.

— Хочешь, будемъ вмѣсто другихъ сами себѣ возражать, чтобы и другое мнѣніе не осталось безъ защитниковъ?

— Я не вижу къ этому никакого препятствія.

— Итакъ, скажемъ за нихъ: Сократъ и Главконъ, вамъ (B)
не надо искать другихъ противниковъ, кромѣ васъ самихъ: вы сами вначалѣ, основывая государство, согласились, что по самой природѣ каждый долженъ дѣлать только свое дѣло.

— Я думаю, мы это признаемъ; какъ же иначе?

— А развѣ женщина по своей природѣ не отличается въ очень многомъ отъ мужчины?

— Конечно, отличается.

— Такъ не слѣдуетъ ли каждому полу дать особое дѣло, соотвѣтствующее его природѣ?

— Конечно.

— А въ такомъ случаѣ, развѣ вы не ошибаетесь теперь (C)
и не противорѣчите самимъ себѣ, утверждая, напротивъ, что

мужчины и женщины должны дѣлать одно и то же, хотя природа ихъ очень различна?

— Будешь ли въ состояніи, другъ, сказать на это что нибудь въ свою защиту?

— Сразу это не легко сдѣлать. Но я буду просить тебя и прошу изложить и нашъ отвѣтъ, каковъ бы онъ ни былъ.

—Изъ-за этого-то, Главконъ, и изъ-за многаго другого, что я давно предвидѣлъ, я боялся и не рѣшался касаться закона о (D) бракѣ и рожденіи и воспитаніи дѣтей.

— Богъ свидѣтель, что это, дѣйствительно, дѣло не легкое,

— Конечно, не легкое, но вѣдь все равно, упадетъ ли человѣкъ въ маленькій бассейнъ или въ средину огромнаго моря, ему одинаково приходится плыть.

— Конечно.

— Такъ и намъ надо плыть и пытаться спасаться отъ возраженій, въ надеждѣ, что или какой нибудь дельфинъ возьметъ насъ на свою спину, или явится какое нибудь другое чудесное спасеніе.

— Повидимому. (E)

— Посмотримъ же, не найдемъ ли мы гдѣ-нибудь выхода. Вѣдь мы согласились, что у различныхъ по природѣ людей должна быть различная дѣятельность, и что природа мужчины и женщины различна, а теперь говоримъ, что различные по природѣ люди должны заниматься однимъ и тѣмъ же. Въ этомъ вы насъ обвиняете?

— Вотъ именно.

— Удивительнымъ свойствомъ, Главконъ, обладаетъ (454) искусство спора!

— Какимъ?

— Тѣмъ, что многіе, какъ мнѣ кажется, даже противъ воли оказываются спорящими, а думаютъ, что они не спорятъ, а разсуждаютъ; это происходитъ оттого, что они не умѣютъ различать того, о чемъ говорятъ, по родамъ, но возражаютъ только противъ словъ и, такимъ образомъ, ведутъ споръ, а не разсужденіе.

— Дѣйствительно, со многими это случается; но неужели это относится и къ намъ въ настоящую минуту?

— Несомнѣнно, такъ какъ мы, повидимому, помимо воли, начали спорить. (B)

— Какимъ образомъ?

— Мы очень рѣшительно и непримиримо настаиваемъ на словахъ, что люди разные по своей природѣ не должны заниматься однимъ дѣломъ, но мы ни разу не разсмотрѣли, въ чемъ заключается различіе и тожество природы, и какъ мы понимали его тогда, когда различнымъ людямъ предоставили различную дѣятельность, а одинаковымъ—одинаковую.

— Дѣйствительно, мы этого не разсмотрѣли.

— Въ такомъ случаѣ, мы можемъ, повидимому, спросить (C) самихъ себя, одинаковая ли природа у плѣшивыхъ людей и у имѣющихъ волосы, или противоположная, и, согласившись, что противоположная, мы не позволимъ людямъ, имѣющимъ волосы, заниматься сапожнымъ ремесломъ, если имъ занимаются плѣшивые, а если имъ занимаются люди, имѣющіе волосы, мы не позволимъ этого плѣшивымъ.

— Это было бы смѣшно.

— Но вѣдь это смѣшно только потому, что мы тогда говорили не объ одинаковой и разной природѣ вообще, а имѣли въ виду только то различіе и тожество, которое касается именно дѣятельности. (D) Мы подразумѣвали, напримѣръ, что два врача имѣютъ одинаковую природу. Или нѣтъ?

— Да.

— А врачъ и плотникъ разную?

— Конечно.

5.—Такимъ образомъ, если окажется, что мужской или женскій полъ превосходитъ другой въ какомъ-нибудь искусствѣ или занятіи, то мы скажемъ, что это занятіе и надо ему предоставить; если же окажется, что они отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что женщина рождаетъ, а мужчина оплодотворяетъ ее, то мы скажемъ, что этимъ еще ничего не доказано относительно той разницы между мужчиной и женщиной, о какой мы гово- (E) римъ, и мы будемъ продолжать считать, что стражи и ихъ жены должны дѣлать одно дѣло.

— И это будетъ правильно.

— Не предложимъ ли мы послѣ этого утверждающему противное показать намъ, въ отношеніи какого искусства или (455) какой дѣятельности, связанной съ управленіемъ государствомъ, природа мужчины и женщины не тожественна, а различна?

— Такое требованіе было бы справедливо.

— Пожалуй, и другой скажетъ намъ то же, что ты недавно сказалъ, что сразу удовлетворительно отвѣтить на этоне легко, но, обдумавъ, совсѣмъ не трудно.

— Пожалуй, скажетъ.

— Хочешь, попросимъ нашего противника выслушать насъ, не докажемъ ли мы ему, что для женщины не существуетъ (B) никакой особой дѣятельности въ управленіи государствомъ.

— Хочу.

— Ну, скажемъ мы ему, отвѣчай: не то ли ты разумѣлъ подъ способнымъ къ чему нибудь и подъ неспособнымъ, что одинъ легко научается чему нибудь, другой съ трудомъ, одинъ оказывается изобрѣтательнымъ въ томъ, чему онъ учился, а другой и послѣ долгаго ученія и упражненія ничего не удерживаетъ въ памяти, и у одного дѣло въ достаточной степени служитъ уму, у другого про- (C) тивится? Развѣ есть какой нибудь другой признакъ, по которому ты различаешь способнаго къ чему нибудь отъ неспособнаго?

— Никто не назоветъ другого.

— А знаешь ли ты какое нибудь человѣческое занятіе, въ которомъ мужчины не превосходили бы женщинъ? Стоитъ ли останавливаться на ткацкомъ искусствѣ и на приготовленіи печеній

и вареній, въ чемъ женщины, повидимому, достигли извѣстныхъ результатовъ, и въ чемъ, поэтому, особенно смѣшно, когда онѣ (D) оказываются позади мужчинъ?

— Ты говоришь правду, что одинъ полъ, такъ сказать, много ниже другого во всемъ; правда, многія женщины во многихъ отношеніяхъ лучше многихъ мужчинъ, но въ общемъ дѣло обстоитъ такъ, какъ ты говоришь.

— Слѣдовательно, мой другъ, нѣтъ ни одной такой спеціальности въ дѣлѣ управленія государствомъ, которая принадлежала бы женщинѣ, какъ таковой или мужчинѣ какъ таковому; способности одинаково распредѣлены между обоими полами, и всѣ занятія доступны по природѣ и женщинѣ и мужчинѣ, но во всѣхъ женщина слабѣе мужчины. (E)

— Да.

— Такъ что же? неужели мы предоставимъ мужчинѣ все, а женщинѣ ничего?

— Почему же?

— Напротивъ, мы скажемъ, я думаю, что существуютъ и женщины, способныя къ медицинѣ и неспособныя, музыкальныя и немузыкальныя по природѣ.

— Конечно.

— И однѣ, способныя къ гимнастикѣ и воинственныя, другія невоинственныя и не любящія гимнастики? (456)

— Я думаю.

— И любознательныя и нелюбознательныя, смѣлыя и малодушныя?

— И это правильно.

— Значитъ, есть среди женщинъ и стражи, другія же не пригодны къ этому. Вѣдь и среди мужчинъ мы выбирали способныхъ къ этому по природѣ.

— Да.

— Слѣдовательно, природа женщины и мужчины одинаково пригодна для охраны государства съ тѣмъ ограниченіемъ, что она слабѣе, а онъ сильнѣе.

— Очевидно.

6.—Такихъ, значитъ, женщинъ надо выбирать для совмѣстной жизни и совмѣстной сторожевой службы съ такими мужчинами; (B) онѣ способны на это и родственны имъ по природѣ.

— Да.

— А одинаковой природѣ не надо ли предоставлять и одинаковое занятіе?

— Да, одинаковое.

— Такимъ образомъ, мы обходнымъ путемъ пришли къ тому, съ чего начали, и согласились, что не противно природѣ давать женамъ стражей мусическое и гимнастическое образованіе.

— Конечно.

— Значитъ, нашъ законъ возможенъ и осуществимъ, разъ онъ

согласенъ съ природой; скорѣе обратное, то, что дѣлается (C) теперь, происходитъ, какъ будто, вопреки природѣ.

— Повидимому.

— Мы хотѣли изслѣдовать, является ли наше предложеніе возможнымъ и наилучшимъ?

— Да.

— И убѣдились, что оно, дѣйствительно, возможно?

— Да.

— А теперь должны убѣдиться, что оно и наилучшее?

— Очевидно.

— Не правда ли, что женщину можетъ сдѣлать стражемъ только такое же воспитаніе, какое дѣлаетъ имъ и мужчину, тѣмъ болѣе, что природа ихъ одинакова?

— Да, такое же. (D)

— А каково твое мнѣніе относительно слѣдующаго?

— Относительно чего?

— Считаешь ли ты одного мужчину лучшимъ, другого худшимъ, или всѣхъ одинаковыми?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— А въ основанномъ нами государствѣ кто лучше, стражи ли, получившіе описанное нами воспитаніе, или сапожники, обученные сапожному ремеслу?

— Смѣшной вопросъ.

— Понимаю. Не стражи ли самые лучшіе изъ всѣхъ (E) гражданъ?

— Идемъ далѣе: несравненно лучшіе.

— Далѣе: изъ женщинъ не эти ли будутъ самыми лучшими?

— Далѣе: эти тоже будутъ несравненно лучше.

— А есть ли что нибудь болѣе полезное для государства, какъ имѣть возможно лучшихъ женщинъ и мужчинъ?

— Нѣтъ ничего.

— А такими они сдѣлаются, какъ мы выяснили, благодаря общенію съ музыкой и гимнастикой? (459)

— Да.

— Значитъ, мы установили не только осуществимый, но и самый полезный для государства законъ?

— Да.

— Итакъ, пусть жены стражей смѣло сбрасываютъ верхнюю одежду; онѣ облекутся, вмѣсто плаща, добродѣтелью; и пусть онѣ участвуютъ въ войнѣ и въ другихъ видахъ охраны государства и не дѣлаютъ ничего другого. Но надо налагать на нихъ въ этой области болѣе легкія обязанности, чѣмъ на мужчинъ, вслѣдствіе слабости ихъ пола. А мужчина, смѣющійся надъ полуобнаженными женщинами, занимающимися гимнастикой ради наилучшей цѣли, (B) срываетъ незрѣлый плодъ смѣха и явно не знаетъ ни того, надъ чѣмъ смѣется, ни того, что дѣлаетъ. Вѣдь справедливо говорятъ и всегда будутъ говорить, что полезное прекрасно, а вредное постыдно.

— Несомнѣнно.

Кн. VIII, гл. 6. Сократъ. Хочешь, разсмотримъ теперь, какъ появятся такіе люди, и какъ ихъможно вывести на свѣтъ, (521C) подобно тѣмъ, которые, по преданію, изъ обители Аида вознеслись къ богамъ?

— Конечно, хочу.

— Это вѣдь, будетъ очевидно, не верченіемъ черепка, а обращеніемъ души отъ дня, подобнаго ночи, къ настоящему, т. е. восхожденіемъ къ бытію, которое мы назовемъ истинной философіей.

— Да.

— Не должны ли мы разсмотрѣть, какая наука обладаетъ этимъ — свойствомъ?

— Конечно.

— Какая же наука, Главконъ, влечетъ душу отъ міра ста- (D) новленія къ бытію? Мнѣ сейчасъ приходитъ въ голову еще вотъ что: не говорили ли мы, что этимъ людямъ въ юности необходимо подвизаться на войнѣ?

— Да, говорили.

— Значитъ, та наука, которую мы ищемъ, должна, кромѣ указаннаго свойства обладать еще этимъ.

— Какимъ?

— Быть полезной воннамъ.

— Да, конечно, по возможности должна.

— Въ гимнастикѣ и въ музыкѣ они были уже воспитаны (E) раньше?

— Да.

— Но гимнастика имѣетъ дѣло съ возникающимъ и гибнущимъ; она вѣдь наблюдаетъ за ростомъ и разрушеніемъ тѣла.

— Очевидно.

— Значитъ, она явно не можетъ быть искомой нами наукой.

— Не можетъ.

— А музыка, какъ мы ее раньше описали?

— Но вѣдь она, если помнишь, соотвѣтствовала гимнастикѣ; (522) она воспитывала стражей посредствомъ навыковъ, прививая имъ путемъ гармоніи гармоничность, а не знаніе, и путемъ ритма ритмичность; нѣчто подобное заключали въ себѣ и разсказы, какъ вымышленные, такъ и болѣе близкіе къ истинѣ. Науки же, полезной для чего нибудь такого, что ты сейчасъ ищешь, въ ней не было.

— Ты мнѣ отлично это напомнилъ; дѣйствительно, въ ней не заключалось ничего такого. Но, милый Главконъ, что это будетъ (B) за наука? вѣдь всѣ техническія знанія мы признали низменными?

— Конечно.

— Но какая же наука еще остается, если исключить музыку, гимнастику и техническія знанія?

— Что же? Если ты не можешь ничего выбрать внѣ ихъ, возьмемъ что нибудь имѣющее отношеніе къ нимъ всѣмъ.

— Что же это?

— Напримѣръ, то общее, чѣмъ пользуются и искусства, и разсужденія, и науки, и съ чѣмъ каждый долженъ знакомиться (C) прежде всего.

— Что же это такое?

—Простая вещь: различать одно, два и три. Я называю это кратко числомъ и счетомъ. Развѣ не правда, что каждое искусство и каждая наука неизбѣжно должны это усвоить?

— Даже очень.

— Значитъ, и военное искусство?

— Непремѣнно.

7, Такъ не установимъ ли мы, что умѣніе считать и раз- (E) считывать является необходимымъ знаніемъ для военнаго человѣка?

— Болѣе, чѣмъ что либо другое, если онъ хочетъ хоть что-либо понимать въ тактическомъ искусствѣ, или вѣрнѣе, если онъ хочетъ вообще быть человѣкомъ.

— Значитъ, ты того же мнѣнія объ этой наукѣ, какъ и я?

— А именно?

— Что она, повидимому, по своей природѣ принадлежитъ къ ведущимъ къ постиженію того, что мы ищемъ, но никто не пользуется ею правильно, между тѣмъ, какъ она всячески влечетъ (523) съ созерцанію бытія.

— Что ты имѣешь въ виду?

— Я постараюсь, выяснить мою мысль.

Противорѣчія въ чувственныхъ воспріятіяхъ ведутъ къ мышленію: если, напримѣръ, смотрѣть на три пальца, то зрѣнія достаточно, чтобы установить, что это пальцы, но въ опредѣленіи ихъ качествъ получаются противорѣчія: второй кажется большимъ по сравненію съ первымъ, и маленькимъ по сравненію съ третьимъ, и т. п. Въ такихъ случахъ душа обращается за разрѣшеніемъ противорѣчія къ мышленію.

8. Это то я и имѣлъ сейчасъ въ виду, говоря, что одни (524D) ощущенія ведутъ къ размышленію, другія нѣтъ, опредѣляя такія ощущенія, которыя передаются сознанію одновременно противоположнымъ себѣ, какъ ведушія къ размышленію, а тѣ, при которыхъ этого не случается, какъ не пробуждающія мысли.

— Теперь я понимаю и согласенъ съ тобою.

— А какъ тебѣ кажется, къ которымъ изъ двухъ принадлежитъ число и единство?

— Не могу сообразить.

— Обдумай, на основаніи только что сказаннаго. Если единство, какъ таковое, можно достаточно воспринимать зрѣніемъ или какимъ нибудь чувствомъ, то оно, конечно, не будетъ тол- (E) кать къ познанію бытія, какъ мы это говорили по поводу пальца. Если же вмѣстѣ съ нимъ мы всегда видимъ и его противоположность, такъ что ничто не представляется намъ единымъ, не представляясь въ то же время и многимъ, тогда, очевидно, требуется судья и душа неизбѣжно недоумѣваетъ въ такомъ случаѣ, ищетъ, приводя въ движеніе мысль, и спрашиваетъ, что такое самое

единство. Тогда ученіе объ единствѣ окажется однимъ изъ тѣхъ, которыя ведутъ и обращаютъ къ созерцанію бытія.

— Дѣйствительно, этимъ свойствомъ въ сильной сте- (525)
пени обладаетъ зрительное воспріятіе единства, такъ какъ одно и то же мы одновременно видимъ какъ единство и какъ безчисленное множество.

— А если это происходитъ съ единицей, то тоже происходитъ и со всякимъ числомъ.

— Конечно.

— А не весь ли счетъ и ариѳметика имѣютъ дѣло съ числомъ?

— Конечно.

— И такимъ образомъ, онѣ оказываются ведущими къ истинѣ.

— Въ сильной степени.

— Слѣдовательно, они принадлежатъ, повидимому, къ тѣмъ (B)
наукамъ, какія мы ищемъ. Военному человѣку ихъ необходимо знать ради строя, а философу ради соприкосновенія съ бытіемъ и выхода изъ міра становленія, иначе онъ никогда не будетъ счислителемъ.

— Это вѣрно.

— А нашъ стражъ—воинъ и философъ.

— Да.

— Очевидно слѣдуетъ, Главконъ, закономъ ввести эту науку и убѣждать тѣхъ, кому предстоитъ принять участіе въ руководствѣ государствомъ, обратиться къ счисленію и взяться за него не въ качествѣ диллетантовъ, но заниматься имъ до тѣхъ поръ, пока (C)
они не достигнутъ созерцанія одной только мыслью природы чиселъ, а также не въ качествѣ купцовъ и торговцевъ ради купли и продажи, но ради войны и ради облегченія самой душѣ обращенія отъ становленія къ истинѣ и бытію.

— Ты прекрасно говоришь.

— Теперь только, послѣ сказаннаго о счетѣ я вижу, какъ хороша эта наука и въ сколькихъ отношеніяхъ она полезна для (D)
нашихъ цѣлей, если только заниматься ею ради знанія, а не ради торговли.

— Въ чемъ же именно?

— Въ томъ самомъ, о чемъ мы только что говорили: она сильно влечетъ душу въ высь, заставляя ее разсуждать о числахъ самихъ по себѣ, и не терпитъ, чтобы съ нею разсуждали, указывая ей на числа, связанныя съ видимыми или осязаемыми тѣлами. Вѣдь ты знаешь, что спеціалисты осмѣиваютъ человѣка, пытающагося на словахъ раздѣлить единицу, и не соглашаются съ (E)
нимъ, но если ты будешь дѣлить ее, они будутъ множить, принимая мѣры противъ того, чтобы единица не показалась какъ нибудь не единицей, а совокупностью многихъ частей.

— Совершенно правильно.

— Какъ ты думаешь, Главконъ, если бы кто нибудь спро- (526)
силъ ихъ: странные люди, о какихъ числахъ говорите вы, въ которыхъ единица такова, какъ вы предполагаете, равна всякой другой, ничѣмъ не отличается отъ нея и не имѣетъ въ себѣ никакой части? какъ ты думаешь, что бы они отвѣтили?

— Я думаю, они отвѣтили бы, что говорятъ о такихъ числахъ, которые можно только мыслить, а относиться къ нимъ какъ нибудь иначе нельзя.

— Видишь, мой другъ, что эта наука намъ, повидимому, дѣйствительно, необходима, такъ какъ ясно, что она заставляетъ душу пользоваться однимъ только разумомъ для достиженія самой (B)
истины.

— Дѣйствительно, она въ сильной степени это дѣлаетъ.

— Ты, вѣроятно, замѣчалъ уже и то, что люди, обладающіе отъ природы математическими способностями, оказываются воспріимчивыми ко всѣмъ наукамъ, и несообразительные, будучи воспитаны на математикѣ и упражняясь въ ней, даже если они не получатъ отъ этого никакой другой пользы, во всякомъ случаѣ, пріобрѣтаютъ большую воспріимчивость, чѣмъ имѣли раньше.

— Это, дѣйствительно, такъ.

— А кромѣ того, я думаю, не легко найти науку, которая (C)
представляла бы такой трудъ изучающему и занимающемуся ей, какъ эта.

— Да.

— Въ виду всего этого, не слѣдуетъ пренебрегать ею, но надо на ней воспитывать наиболѣе одаренныхъ юношей.

— Согласенъ.

9. Это пусть будетъ у насъ первымъ. Разсмотримъ теперь второе, слѣдующее за этимъ, подходитъ ли оно намъ.

— Что именно? или ты имѣешь въ виду геометрію?

— Именно.

— Поскольку она имѣетъ отношеніе къ военному дѣлу, ясно, что она намъ полезна: при устройствѣ лагеря, захватѣ мѣстности, (D)
сосредоточеніи и развертываніи войскъ и при всѣхъ остальныхъ военныхъ построеніяхъ, какъ во время самыхъ битвъ, такъ и въ походахъ, человѣкъ знакомый съ геометріей и незнакомый съ нею отличаются другъ отъ друга.

— Но вѣдь, для этого достаточно было бы малой части геометріи и счета. Надо разсмотрѣть, помогаетъ ли большая и (E)
дальше идущая ея часть усматривать идею добра; а мы говоримъ, что этому помогаетъ все, что заставляетъ душу обращаться туда, гдѣ находится самое блаженное изъ сущаго, что она непремѣнно должна видѣть.

— Ты правильно говоришь.

— Такимъ образомъ, если она заставляетъ созерцать бытіе, она намъ полезна, если же становленіе, не полезна.

— Такъ мы утверждаемъ.

— Даже мало знакомые съ геометріей, не буду отрицать, (527)
что сущность этой науки совершенно противоположна тѣмъ выраженіямъ, какія употребляютъ занимающіеся ею.

— Какъ?

— Ихъ языкъ очень смѣшенъ и бѣденъ: какъ будто бы дѣйствуя и ради дѣйствія пользуясь словами, они говорятъ, что строятъ четыреугольникъ, удлиняютъ, складываютъ и произносятъ всякія подобныя слова, между тѣмъ, какъ вся эта наука существуетъ (B) ради познанія.

— Безусловно.

— Не надо ли согласиться еще въ слѣдующемъ?

— Въ чемъ?

— Что она существуетъ ради знанія вѣчно сущаго, а не того, что появляется и исчезаетъ.

— Въ этомъ легко согласиться, геометрія есть, дѣйствительно, знаніе вѣчно существующаго.

— А если такъ, почтеннѣйшій, то она влечетъ душу къ истинѣ и создаетъ философское настроеніе, заставляя обращать кверху то, что мы неправильно обращаемъ книзу.

— Да, болѣе, чѣмъ что либо другое.

— Слѣдовательно, болѣе, чѣмъ что либо другое, необхо- (C) димо постановить, чтобы люди въ твоемъ идеальномъ государствѣ ни въ какомъ случаѣ не оставались чужды геометріи. Вѣдь и побочное ея значеніе не мало.

— Какое?

— Да то, которое ты указалъ, относящееся къ войнѣ; а также и по легкости усвоенія другихъ наукъ, какъ мы знаемъ, человѣкъ знакомый съ геометріей всегда будетъ отличаться отъ незнакомаго.

— Да, дѣйствительно, всегда.

— Итакъ мы установимъ, чтобы она была второй наукой для юношей?

— Установимъ.

10. Теперь идемъ далѣе третьей мы постановимъ астро- (D) номію? Или ты иного мнѣнія?

— Нѣтъ, я согласенъ. Вѣдь способность лучше узнавать времена мѣсяца и года полезна не только для земледѣлія и мореплаванія, но не менѣе того и для военнаго дѣла.

— Ты забавенъ, повидимому, ты боишься, какъ бы толпѣ не показалось, что ты заставляешь изучать безполезныя науки. Главное же то,—хотя этому и трудно повѣрить,—что благодаря этимъ наукамъ очищается и вновь воспламеняется органъ души каждаго человѣка, гибнущій и притупляющійся отъ другихъ (E) занятій, а между тѣмъ сохранить его цѣннѣе, чѣмъ тысячу глазъ, такъ какъ имъ однимъ созерцается истина. Раздѣляющіе это мнѣніе найдутъ твои слова удивительно хорошими, а неспособные это понять, конечно, рѣшатъ, что ты говоришь безсмыслицу, такъ какъ они не видятъ отъ этихъ наукъ никакой другой заслуживающей упоминанія пользы. Рѣши же теперь, съ какимъ изъ этихъ двухъ родовъ людей ты говоришь: или, можетъ быть, ни съ (528) тѣми, ни съ другими, а разсуждаешь, главнымъ образомъ, ради самого себя, но охотно предоставляешь и другимъ, если кто можетъ, извлекать изъ сказаннаго пользу.

— Я предпочитаю это послѣднее; ради самого себя, главнымъ образомъ, говорить и спрашивать и отвѣчать.

— Въ такомъ случаѣ, вернись назадъ; мы сейчасъ, очевидно, неправильно выбрали слѣдующую ступень за геометріей.

— Какимъ образомъ?

— Послѣ плоскости, мы взяли сразу тѣло въ движеніи, не взявъ его сначала само по себѣ; а правильно было бы вслѣдъ за вторымъ измѣреніемъ взять третье, то есть, то измѣреніе, которое имѣется въ кубахъ и обозначаетъ глубину.

— Да, это такъ; но вѣдь это, Сократъ, какъ будто еще не изслѣдовано.

— Причина этого двоякая. Во первыхъ, такъ какъ ни одно государство не придаетъ этому должнаго значенія, то, какъ вещь трудная, она изслѣдуется недостаточно энергично; во вторыхъ, изслѣдователи нуждаются въ руководителѣ, безъ котораго они ее едва ли откроютъ, а такому руководителю, съ одной стороны, трудно появиться, съ другой, если бы онъ и появился, то въ настоящее время изслѣдователи этихъ вещей въ своемъ самомнѣніи не стали бы подчиняться ему. Но если бы все государство стало содѣйствовать руководителю, окружая почетомъ эту науку, тогда и они бы подчинились, и сущность этихъ вещей при непрерывномъ и напряженномъ исканіи обнаружилась бы. Вѣдь даже теперь, пренебрегаемая и урѣзываемая толпой, а также и изслѣдователями, непонимающими, въ чемъ заключается ея польза, это наука все-таки, вопреки всему этому, развивается, благодаря присущей ей красотѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что она возникла.

— Дѣйствительно, въ ней есть исключительная красота. (D) Но выскажи яснѣе то, что ты сейчасъ говорилъ. Вѣдь геометріей ты назвалъ изслѣдованіе плоскости.

— Да.

— А затѣмъ ты сначала установилъ послѣ нея астрономію, а потомъ отказался отъ этого.

— Спѣша поскорѣе все изложить, я только больше задержался. Между тѣмъ, какъ слѣдовало изученіе глубины, я пропустилъ его, такъ какъ оно нелѣпо трактуется, и послѣ геометріи назвалъ (E) астрономію, которая занимается движеніемъ глубины.

— Правильно ты говоришь.

— Слѣдовательно, мы поставимъ астрономію на четвертое мѣсто, предполагая, что, если государство возьмется за это, будетъ существовать та наука, которой теперь не достаетъ

— Вѣроятно. Ты сейчасъ упрекнулъ меня, Сократъ, за то, что я похвалилъ астрономію, какъ необразованный человѣкъ; теперь я хвалю ее съ той же точки зрѣнія, съ какой ты подходишь къ ней. Всякому, я думаю, ясно, что она заставляетъ душу взирать кверху и ведетъ ее отъ вещей, находящихся здѣсь, туда. (529)

— Можетъ быть это всякому ясно, но не мнѣ. Я думаю иначе.

— Но какъ же?

— Я думаю, что въ томъ видѣ, въ какомъ берутся за нее же-

лающіе вести людей къ философіи, она какъ разъ заставляетъ смотрѣть внизъ.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты, повидимому, довольно возвышенно толкуешь науку о томъ, что наверху. Если кто нибудь, поднявъ голову кверху и разсматривая украшенія на потолкѣ, что нибудь увидитъ тамъ, ты, пожалуй, тоже будешь считать, что онъ созерцаетъ это разумомъ, а не глазами? Можетъ быть, твое мнѣніе правильно, а мое глупо, но я не могу считать, чтобы какая нибудь другая наука заставляла душу обращаться кверху, кромѣ науки о бытіѣ и невидимомъ; если же человѣкъ стремится познать что либо чувственное, то, безразлично, смотритъ ли онъ съ раскрытымъ ртомъ кверху или съ закрытымъ книзу, я утверждаю, что онъ ничего не познаетъ—такъ какъ никакого знанія этихъ вещей не существуетъ,—и что душа его обращена не кверху, а книзу, хотя бы онъ изучалъ эти вещи, лежа (C) на спинѣ на землѣ или плавая по морю.

11. Ты заслуженно и правильно меня упрекнулъ. Но какъ же, по твоему мнѣнію надо изучать астрономію иначе, чѣмъ ее изучаютъ теперь, чтобы изученіе ея приносило ту пользу, какую мы имѣемъ въ виду?

— Вотъ какъ: эти небесныя украшенія, такъ какъ онѣ видимы, надо считать самыми прекрасными и совершенными изъ видимыхъ, но помнить, что имъ далеко до истинныхъ, до (D) тѣхъ движеній, которыя производитъ между ними истинная скорость и истинная медленность согласно истинному числу и по всѣмъ истиннымъ фигурамъ, нося и все находящееся на нихъ. А это постигается разумомъ и мыслью, а не зрѣніемъ. Или ты думаешь, что зрѣніемъ?

— Ни въ какомъ случаѣ.

— Такимъ образомъ, небесными украшеніями надо пользоваться, какъ подобіемъ того другого, съ учебной цѣлью, также, какъ если бы кто встрѣтилъ геометрическія фигуры, отлично нарисованныя и выполненныя Дедаломъ или какимъ-нибудь другимъ ремесленникомъ или художникомъ. Человѣкъ знакомый (E) съ геометріей, увидя ихъ, нашелъ бы, конечно, что онѣ отлично сдѣланы, но тѣмъ не менѣе смѣшно серьезно смотрѣть на нихъ, какъ будто въ нихъ можно усмотрѣть дѣйствительное равенство или удвоенную величину или какое-нибудь другое соотношеніе (530) величинъ.

— Конечно, это будетъ смѣшно.

— А развѣ ты не думаешь, что настоящій астрономъ будетъ испытывать то же самое, смотря на движенія свѣтилъ, а именно считать, что творецъ неба устроилъ его и все, что на немъ настолько прекрасно, насколько подобныя вещи могутъ быть устроены? Однако, развѣ онъ не сочтетъ страннымъ человѣка, думающаго, что отношеніе ночи къ дню и ихъ обоихъ къ мѣсяцу и мѣсяца къ году и другихъ свѣтилъ ко всему этому и другъ къ другу всегда остается однимъ и тѣмъ же, нисколько не измѣняясь, несмотря (B)

на то, что всѣ они тѣлесны и видимы? развѣ онъ не сочтетъ нелѣпымъ всячески стараться постигнуть ихъ истинную природу?

— Теперь когда я тебя слушаю, мнѣ кажется, что это такъ.

— Значитъ мы и астрономію, какъ и геометрію, будемъ изучать ради тѣхъ задачъ, которыя она ставитъ передъ нами, а явленія, происходящія на небѣ оставимъ, если мы хотимъ, занимаясь, дѣйствительно, астрономіей, сдѣлать разумную отъ природы (C) часть души полезной изъ безполезной.

— Какую трудную задачу ставишь ты, сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ занимается теперешняя астрономія.

— Я думаю, что мы и въ остальномъ будемъ дѣйствовать такъ же, если хотимъ быть сколько-нибудь полезны какъ законодатели.

12. А ты какую подходящую науку можешь предложить?

— Никакой, по крайней мѣрѣ, сейчасъ.

— Однако, я думаю, что движеніе имѣетъ не одинъ видъ, а нѣсколько. Всѣ ихъ назвать въ состояніи, можетъ быть, только (D) спеціалистъ; такихъ же, которые и для насъ ясны, два.

— Какіе именно?

— Кромѣ названнаго, противоположный ему.

— Какой?

— Какъ глаза, направлены къ астрономіи, такъ, повидимому, уши направлены къ гармоническому движенію, и обѣ эти науки родственны между собою, какъ говорятъ пиѳагорейцы, и мы съ ними, Главконъ, согласны. Или нѣтъ?

— Согласны.

— Итакъ, въ виду того, что это—вопросъ трудный, не выслушаемъ ли мы, что они говорятъ объ этомъ и, можетъ быть, (E) еще о чемъ нибудь другомъ; но въ то же время мы будемъ продолжать держаться нашего принципа.

— Какого?

— Чтобы наши воспитанники не изучали чего-нибудь изъ этого не до конца и не съ той цѣлью, къ какой все должно стремиться, какъ мы сейчасъ говорили по поводу астрономіи. Или ты не знаешь, что и по отношенію къ гармоніи они дѣлаютъ то же самое? соизмѣряя другъ съ другомъ слышимые созвучія и (531) звуки, они такъ же безплодно трудятся, какъ и астрономы.

— Правда, при этомъ они употребляютъ такія смѣшныя слова какъ сгущенія, и прикладываютъ уши, какъ бы желая уловить по сосѣдству звукъ; и одни говорятъ, что слышатъ еще промежуточный звукъ, и что это—наименьшій интервалъ, который надо принять за единицу измѣренія, другіе утверждаютъ, что струны звучатъ одинаково, и при этомъ оба отдаютъ предпочтеніе ушамъ передъ разумомъ.

— Ты говоришь о тѣхъ милыхъ людяхъ, которые, на- (B) тягивая струны на колки, не даютъ имъ покоя, и пытаютъ ихъ но, чтобы не продолжать этого сравненія, говоря объ ударахъ плектра и объединеніи струнъ, объ отрицаніи съ ихъ стороны и болтливости, я оставлю, но я буду ссылаться не на этихъ музыкан-

товъ, а на тѣхъ, о которыхъ я сейчасъ сказалъ, что они разскажутъ намъ о гармоніи. Эти дѣлаютъ то же, что и занимающіеся астрономіей, ищутъ чиселъ, заключающихся въ слышимыхъ (C) созвучіяхъ; а не подходятъ къ задачѣ разсматривать, какія числа созвучны между собою, и какія нѣтъ, и почему происходитъ то и другое.

— Ты говоришь о какой то удивительной вещи.

— Во всякомъ случаѣ, о вещи полезной при исканіи красоты добра, если же заниматься ею иначе, она безполезна.

— Вѣроятно.

13. Я думаю, что и занятіе всѣми названными нами науками, если оно приводитъ къ объединенію ихъ между собою и родству (D) и принимаетъ въ соображеніе то, что ихъ сближаетъ, ведетъ къ нашей цѣли, и тогда трудъ затрачивается не безполезно; иначе же онъ безплоденъ.

— Я предполагаю то же, но ты говоришь, Сократъ, о трудной вещи.

— Ты имѣешь въ виду прелюдію, или что-нибудь другое? Вѣдь мы должны знать, что все сказанное—прелюдія къ самой пѣснѣ, которую надо выучить. Ты надѣюсь, не думаешь, что знающіе названныя нами науки—діалектики?

— Конечно, нѣтъ, или развѣ только очень немногіе изъ (E) тѣхъ, кого я встрѣчалъ.

— А тѣ, которые неспособны давать и требовать отвѣты, будутъ ли, по твоему мнѣнію, знать то, что, какъ мы сказали, они должны знать?

— Тоже нѣтъ.

— Значитъ, Главконъ, это уже сама пѣсня, которую (532) исполняетъ діалектика. Этой мыслимой пѣснѣ подражаетъ зрѣніе, о которомъ мы сказали, что оно стремится смотрѣть на самыхъ животныхъ, на самыя свѣтила и, наконецъ, на самое солнце. Такъ и тотъ, кто пытается обратиться къ самой сущности каждой вещи при помощи діалектики, безъ участія чувствъ, но путемъ разума, и не отступаетъ, пока не постигнетъ одной только мыслью сущности добра, находится у самаго предѣла мыслимаго, какъ тотъ(B о комъ мы сейчасъ говорили, находится у предѣла видимаго.

— Конечно.

— Что же? не называешь ли ты этотъ путь діалектикой.

— Да.

—Освобожденіе отъ оковъ и обращеніе отъ тѣней къ образамъ и къ свѣту, выхожденіе изъ подъ земли къ солнцу и тамъ первоначально невозможность смотрѣть на животныхъ, на растенія и солнечный свѣтъ, а только на божественныя отраженія въ водѣ (C) и на тѣни сущаго—но уже не на тѣни образовъ, бросаемыя свѣтомъ, который, по сравненію съ солнцемъ, самъ является лишь образомъ,—вотъ въ чемъ смыслъ занятія перечисленными нами науками; оно возвышаетъ лучшую часть души до созерцанія лучшаго въ сущемъ, подобно тому, какъ раньше самый свѣтлый органъ

тѣла возвышался до созерцанія самаго яснаго въ тѣлесномъ и видимомъ мірѣ.

— Я, согласенъ съ этимъ; правда, мнѣ кажется, что съ этимъ(D) очень трудно согласиться, съ другой стороны, однако, трудно и не согласиться. Тѣмъ не менѣе,—такъ какъ мы не сейчасъ только объ этомъ слышимъ, но и впослѣдствіи часто должны будемъ къ этому возвращаться—допустивъ то, что сейчасъ сказано, перейдемъ къ самой пѣснѣ и разберемъ ее такъ же, какъ разобрали прелюдію. Скажи же, какова сущность діалектики, на какіе виды она распадается и каковы ея пути? Вѣдь это, вѣроятно, пути, ведущіе (E) туда, гдѣ человѣкъ достигаетъ уже какъ бы отдыха и предѣла своего странствія?

— Ты, милый Главконъ, уже не будешь въ состояніи слѣдить за моей мыслью, хотя съ моей стороны не было бы недостатка (533) въ готовности, и ты увидѣлъ бы уже не образъ того, о чемъ мы говоримъ, а самую истину, какою она мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется; а дѣйствительно ли это—истина, или нѣтъ, этого невозможно достовѣрно утверждать, а что нѣчто подобное будетъ истиной, это слѣдуетъ утверждать эту истину.

— Не такъ ли?

— А также и то, что сила діалектики одна можетъ открыть ее человѣку, знающему то, о чемъ мы сейчасъ говорили; никакой другой наукѣ это недоступно.

— И это слѣдуетъ утверждать.

— Никто не усомнится, во всякомъ случаѣ, въ нашихъ (B) словахъ, что какой-то особый методъ систематически пытается постигнуть сущность каждой вещи, остальныя же науки имѣютъ въ виду или человѣческія мнѣнія и желанія, или возникновенія и составленія, или заботу о томъ, что возникло и составилось; тѣ же, о которыхъ мы сказали, что онѣ до извѣстной степени касаются сущаго, геометрія и слѣдующія за нею,—онѣ какъ мы видимъ, только грезятъ о сущемъ, на яву же имъ невозможно его уви- (C) дѣть, пока онѣ, пользуясь гипотезами, оставляютъ ихъ неприкосновенными, не будучи въ состояніи обосновать ихъ. Когда началомъ чему нибудь служитъ неизвѣстное, конецъ и средина составляются также изъ неизвѣстнаго, какъ подобное допущеніе можетъ стать когда-нибудь знаніемъ?

— Никакъ не можетъ.

14. Итакъ, одинъ только діалектическій методъ ведетъ, уничтожая гипотезы, къ самому началу, чтобы утвердить его, и око души, зарытое, дѣйствительно, какъ бы въ варвар- (D) скую грязь, онъ постепенно толкаетъ и поднимаетъ вверхъ, пользуясь въ качествѣ помощницъ и проводницъ упомянутыми раньше искусствами. Ихъ мы часто по привычкѣ называли науками, но имъ надо дать другое имя, которое указывало бы на нѣчто болѣе ясное, чѣмъ мнѣніе, но болѣе смутное, чѣмъ наука; гдѣ то раньше мы называли ихъ разсужденіемъ; спорить объ имени мнѣ кажется

не стоитъ людямъ, которымъ предстоитъ разсмотрѣть такія (E) важныя вещи.

— Конечно, не стоитъ.

— Согласимся же, какъ и раньше, первую часть называть наукой, вторую разсужденіемъ, третью вѣрой, четвертую догадкой, и двѣ (534) послѣднія вмѣстѣ мнѣніемъ, а двѣ первыя вмѣстѣ знаніемъ; мнѣніе имѣетъ дѣло со становленіемъ, знаніе же съ бытіемъ, и какъ бытіе относится къ становленіе, такъ знаніе относится къ мнѣнію, и какъ знаніе къ мнѣнію, такъ наука къ вѣрѣ и разсужденіе къ догадкѣ; а соотношеніе между собою того, къ чему они относятся, представимаго и познаваемаго, и раздѣленіе того и другого на двѣ части мы оставимъ, Главконъ, чтобы такое дѣленіе не завлекло насъ въ еще болѣе длинныя разсужденія, чѣмъ предшествовавшія.

— Я согласенъ со всѣмъ, посколько я могъ усмотрѣть. (B)

— Значитъ ты называешь діалектикомъ человѣка, ищущаго объясненія сущности каждой вещи! У кого такого объясненія нѣтъ, посколько онъ не въ состояніи отдать отчета себѣ и другимъ, постолько ты будешь отрицать за нимъ знаніе въ этомъ отношеніи?

— Какъ же не отрицать?

— Не такъ же ли и относительно добра? О томъ, кто не можетъ на словахъ опредѣлить идею добра, выдѣливъ ее среди всего другого, и кто, какъ бы въ битвѣ, отражая всякія опро- (C) верженія и стремясь доказать свое мнѣніе не при помощи того, что кажется, но того, что есть, не выйдетъ изъ всего этого съ непоколебимымъ убѣжденіемъ, о такомъ человѣкѣ ты скажешь, что онъ не знаетъ ни самого добра, ни вообще чего-нибудь добраго; если онъ уловитъ какой-нибудь образъ его, то лишь въ силу мнѣнія, а не знанія; ты скажешь, что онъ проводитъ эту жизнь въ снахъ и грезахъ и раньше, чѣмъ проснуться здѣсь, придетъ въ обитель Аида, чтобы тамъ окончательно заснуть.

— Конечно, я непремѣнно все это скажу.

— Ты не допустилъ бы, надѣюсь, чтобы твои дѣти, которыхъ ты теперь воспитываешь и учишь на словахъ, если бы ты когда-нибудь воспитывалъ ихъ на самомъ дѣлѣ, чтобы они имѣли власть въ городѣ и распоряжались важнѣйшими дѣлами, будучи безсловесны, какъ начерченныя линіи.

— Нѣтъ.

— Не установилъ ли бы ты законъ, чтобы они получали главнымъ образомъ такое воспитаніе, чтобы умѣть какъ можно лучше задавать вопросы и отвѣчать?

— Установилъ бы, вмѣстѣ съ тобою.

— Не кажется ли тебѣ, что діалектика, какъ ключевой камень, стоитъ наверху всѣхъ наукъ, и никакой нельзя поставить выше ея, но что здѣсь уже ихъ завершеніе

— Кажется.

16. Итакъ, счисленіе и геометрію и всѣ подготови- (536D) тельныя науки, которыя надо преподавать до діалектики, слѣдуетъ

предлагать дѣтямъ, но способъ преподаванія не долженъ быть насильственнымъ.

— Почему?

— Потому, что ни одну науку свободный человѣкъ не долженъ изучать какъ рабъ. Тѣлесныя упражненія, выполняемыя (E) даже противъ воли, нисколько не вредятъ тѣлу, въ душѣ же никакая насильственная наука не остается прочно.

— Правда.

— Поэтому, не насильственно преподавай, милѣйшій, дѣтямъ науки, а посредствомъ игры; тогда ты лучше увидишь, кто къ чему склоненъ.

— То, что ты говоришь, довольно убѣдительно. (537)

— Ты вѣдь помнишь, мы говорили, что дѣтей надо водить и на войну, на коняхъ, въ качествѣ зрителей, а если не представляется опасности, то подводить близко и давать имъ отвѣдать крови, какъ щенкамъ.

— Помню.

— И каждый, кто во всѣхъ этихъ трудахъ, наукахъ и опасностяхъ окажется впереди другихъ, долженъ быть выдѣленъ.

— Въ какомъ возрастѣ?

— (B) Когда они освободятся отъ необходимыхъ гимнастическихъ упражненій, такъ какъ въ это время—длится ли оно два или три года—они не въ состояніи заниматься ничѣмъ другимъ; утомленіе и сонъ враждебны ученію; но въ то же время и это—немаловажное испытаніе, какимъ кто окажется въ гимнастическихъ упражненіяхъ.

— Конечно.

— А послѣ этого, избранные изъ двадцатилѣтнихъ получатъ большія почести чѣмъ другіе, и науки, преподававшіяся дѣтямъ (C) безъ системы, для нихъ должны быть систематизированы, чтобы они могли обозрѣть ихъ взаимное родство и природу сущаго.

— Да, только такое ученіе будетъ прочно у всякаго, кто его усвоитъ.

— И кромѣ того, это—лучшее испытаніе, діалектикъ ли данный человѣкъ по природѣ или нѣтъ. Тотъ, кто въ состояніи такъ обозрѣть науки съ одной точки зрѣнія—діалектикъ, кто не въ состояніи — не діалектикъ.

— Я согласенъ съ тобою.

— Тебѣ придется, сказалъ я, слѣдить, кто изъ нихъ окажется способнымъ къ этому, а также стойкимъ въ научныхъ (D) занятіяхъ, стойкимъ на войнѣ и во всемъ, предписанномъ законами; такихъ ты долженъ будешь послѣ тридцати лѣтъ выдѣлить изъ избранныхъ и дать имъ еще большія почести; ты долженъ будешь, испытывая ихъ посредствомъ діалектики, смотрѣть, кто изъ нихъ способенъ, отрѣшившись отъ зрѣнія и другихъ чувствъ, въ союзѣ съ истиной обратиться къ самому бытію. Здѣсь, мой другъ, необходима большая осторожность.

— Почему же?

— Развѣ ты не замѣчаешь, какая большая бѣда постигла (E) нынѣшнюю діалектику?

— Какая?

— Что діалектики полны беззаконія?

— Даже очень.

— Ты считаешь, что съ ними происходитъ что-то непонятное и не оправдываешь ихъ?

— Почему же ихъ оправдывать?

— Если бы, напримѣръ, какой-нибудь подкидышъ былъ воспитанъ въ богатомъ и знатномъ домѣ среди многочисленныхъ льстецовъ и выросши узналъ бы, что онъ не происходитъ (538) отъ тѣхъ, которые называютъ себя его родителями, а своихъ настоящихъ родителей не нашелъ бы, можешь ты себѣ представить, какъ бы онъ относился къ льстецамъ и къ пріемнымъ родителямъ, пока не зналъ объ обманѣ, и послѣ того, какъ узналъ бы? Или ты хочешь слышать, какъ я себѣ это представляю?

— Хочу.

17. Я думаю, что онъ больше уважалъ-бы пріемнаго отца и мать и другихъ своихъ мнимыхъ родственниковъ, чѣмъ (B) льстецовъ, больше заботился-бы, чтобы они не терпѣли ни въ чемъ недостатка, меньше дѣлалъ и говорилъ бы имъ чего-либо противнаго законамъ, и больше бы повиновался имъ въ важныхъ вещахъ чѣмъ льстецамъ, пока не узналъ бы истины.

— Вѣроятно.

— А послѣ того, какъ онъ узнаетъ истину, я думаю, его почтеніе къ нимъ и заботы уменьшатся, и, напротивъ, усилятся эти чувства по отношенію къ льстецамъ. Онъ будетъ подчиняться (C) имъ гораздо больше, чѣмъ раньше, будетъ жить по ихъ указаніямъ открыто общаясь съ ними, а своего прежняго мнимаго отца и другихъ мнимыхъ родственниковъ—если только у него не окажется исключительно хорошая натура—онъ не будетъ ставить ни во что.

— Все, что ты говоришь, очень правдоподобно; но что общаго между этимъ примѣромъ и приступающими къ разсужденіямъ?

— Вотъ что: у насъ съ дѣтства имѣются нѣкоторыя мнѣнія о справедливомъ и прекрасномъ, подъ вліяніемъ которыхъ мы воспитались, какъ подъ вліяніемъ родителей, подчиняясь имъ и уважая ихъ.

— Да.

—Но вѣдь есть и другой образъ жизни, противоположный (D) этому, сулящій много удовольствій; онъ прельщаетъ нашу душу и влечетъ къ себѣ, но не убѣждаетъ сколько-нибудь разумныхъ; они уважаютъ тѣ отеческія мнѣнія и имъ подчиняются.

— Такъ.

— Такъ вотъ, если къ настроенному такимъ образомъ человѣку явится Вопросъ и спроситъ, что такое прекрасное, и когда онъ отвѣтитъ то, что привыкъ слышать отъ законодателя, Разумъ (logos) его опровергнетъ и, многократно, различнымъ образомъ опровергая, убѣдитъ, что это столько же прекрасно,сколько и (E) постыдно, и также относительно справедливости и добра и всего

того, что онъ особенно чтилъ какъ ты думаешь, каково будетъ послѣ этого его уваженіе къ этимъ вещамъ и повиновеніе имъ?

— Онъ неизбѣжно будетъ уже меньше уважать ихъ и повиноваться имъ.

— А когда онъ перестанетъ считать это уважаемымъ и роднымъ по прежнему, а истины не найдетъ, вѣроятно ли, чтобы онъ обратился къ какой-нибудь иной жизни, кромѣ прельщающей его? (539)

— Невѣроятно.

— И окажется, я думаю, что изъ человѣка, живущаго согласно съ закономъ, онъ станетъ беззаконнымъ.

— Неизбѣжно.

— Это—естественное состояніе тѣхъ, кто такъ приступаетъ къ разсужденіямъ, и, какъ я только что сказалъ, они заслуживаютъ снисхожденія.

— И даже жалости.

— А для того, чтобы тебѣ не пришлось жалѣть тридцатилѣтнихъ людей, не слѣдуетъ ли съ большой осторожностью приступать къ разсужденіямъ?

— Да, съ очень большой.

— Не заключается ли одинъ изъ видовъ этой осторожности, который надо постоянно соблюдать, въ томъ, чтобы не позволять дѣтямъ пріобрѣтать вкусъ къ разсужденіямъ? Я думаю, (B) ты замѣчалъ, что мальчики, впервые отвѣдавъ разсужденій, злоупотребляютъ ими какъ игрой, всегда пользуясь ими для противорѣчія; подражая обличителямъ, они сами обличаютъ другихъ, находя, подобно щенкамъ, удовольствіе въ томъ, чтобы въ разговорѣ тянуть и рвать каждаго встрѣчнаго.

— Какъ же.

— А опровергнувъ многихъ, и сами будучи опровергнуты многими, они очень быстро впадаютъ въ такое состояніе, что перестаютъ вѣрить въ то, во что раньше вѣрили; вслѣдствіе (C) этого, и они сами и все, имѣющее отношеніе къ философіи, пріобрѣтаетъ у другихъ дурную славу.

— Правда.

— А болѣе взрослый человѣкъ не захочетъ участвовать въ такомъ безразсудствѣ; онъ будетъ болѣе подражать желающему заниматься діалектикой и познать истину, чѣмъ забавляющемуся и противорѣчащему ради игры; и самъ онъ будетъ сдержаннѣе и занятіе это сдѣлаетъ болѣе уважаемымъ, а не менѣе. (D)

— Ты правильно говоришь.

— Не ради этой ли осторожности сказано и все то, что мы говорили раньше, что къ разсужденіямъ должны быть допущены только скромныя и стойкія натуры, не такъ, какъ это бываетъ теперь, когда любой человѣкъ, часто даже совершенно непригодный берется за нихъ.

— Конечно.

Законы.

Кн. VII, гл. 1. Аѳ. Послѣ рожденія дѣтей, мальчиковъ (788) и дѣвочекъ, очевидно, умѣстно будетъ говорить объ ихъ воспитаніи и образованіи; совсѣмъ умолчать объ этомъ невозможно, но сказанное скорѣе будетъ похоже на поученіе и наставленіе, чѣмъ на законы. Многочисленныя мелкія и незамѣтныя для другихъ событія, происходящія въ частной жизни и внутри дома, часто, вслѣдствіе личной печали, радости или страсти, совершаются не такъ, какъ этого хочетъ законодатель, и тѣмъ самымъ дѣлаютъ (B) нравы гражданъ разнообразными и несходными между собою, а это вредно для государствъ. Между тѣмъ эти событія такъ ничтожны и такъ часто повторяются, что писать по поводу ихъ законы и назначать наказанія неприлично и некрасиво; кромѣ того, если люди привыкнутъ въ маломъ и часто повторяющемся нарушать законъ, этимъ будетъ нанесенъ ущербъ и настоящимъ писаннымъ законамъ. Такимъ образомъ, трудно устанавливать за- (C) коны относительно этихъ вещей, но невозможно и молчать о нихъ. Но я долженъ попытаться уяснить свою мысль, приведя доказательства, такъ какъ пока она нѣсколько темна.

Кл. Ты правъ.

Аѳ. Вѣдь справедливы слова, что правильное во всѣхъ отношеніяхъ воспитаніе должно оказаться въ состояніи сдѣлать тѣла и души какъ можно болѣе красивыми и хорошими?

Кл. Конечно. (D)

Аѳ. А для тѣла лучше всего, я думаю, простая вещь: съ дѣтства расти какъ можно правильнѣе.

Кл. Несомнѣнно.

Аѳ. А не замѣчаемъ ли мы, что первоначальный ростъ каждаго живого существа бываетъ наиболѣе сильнымъ и быстрымъ, такъ что даже многіе утверждаютъ, будто ростъ человѣка съ пятилѣтняго возраста въ слѣдующія двадцать лѣтъ не удваивается?

Кл. Правда.

Аѳ. А вѣдь мы знаемъ, что сильный ростъ безъ соотвѣтствующей большой физической работы причиняетъ тѣлу ты- (789) сячу страданій?

Кл. Конечно.

Аѳ. Значитъ, необходима наибольшая физическая работа въ тотъ періодъ, когда тѣло болѣе всего растетъ.

Кл. Какъ, чужестранецъ? неужели мы назначимъ наибольшую физическую работу только что родившимся и самымъ маленькимъ дѣтямъ?

Аѳ. Ничуть, но еще раньше, находящимся въ чревѣ матери.

Кл. Что ты говоришь, милѣйшій? или ты имѣешь въ виду зародыши? (B)

Аѳ. Да. Нѣтъ ничего удивительнаго, если вы не знаете о гимнастикѣ для нихъ. Я хочу уяснить вамъ ее, хотя это и кажется страннымъ.

Кл. Дѣйствительно, это странно.

Аѳ. Это легче понять у насъ, благодаря тому, что тамъ нѣкоторые люди болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, увлекаются одной забавой: у насъ не только дѣти, но и нѣкоторые взрослые люди воспитываютъ птицъ, чтобы заставлять ихъ затѣмъ биться между собою. Они отнюдь не думаютъ, что для тренировки такихъ живот- (C) ныхъ достаточно той физической работы, которую они заставляютъ ихъ продѣлывать другъ съ другомъ ради движенія и гимнастики; кромѣ этого они носятъ этихъ животныхъ, меньшихъ въ рукѣ, большихъ подъ мышкой, и гуляютъ много стадій ради здоровья не собственнаго тѣла, а этихъ животныхъ. Изъ этого для каждаго понимающаго ясно, по крайней мѣрѣ, то, что всякому тѣлу по- (D) лезно непрерывное сотрясеніе и движеніе. Такое движеніе можно производить или самому, или при помощи какого-нибудь другого движущагося тѣла, качаясь на качеляхъ, плавая по морю, или ѣздя верхомъ. Способствуя перевариванію пищи и питья, оно можетъ дать намъ здоровье, красоту и физическую силу.

2. А въ такомъ случаѣ, что же, скажемъ мы, надо намъ дѣлать? Хотите, шутя, установимъ законъ, чтобы беременныя (E) женщины много гуляли, а когда дитя родится, формировали его какъ воскъ, пока оно мягко, и пеленали до двухъ лѣтъ? а нянь принудимъ закономъ, подъ угрозой наказанія, постоянно носить куда-нибудь дѣтей, или въ поля, или къ храмамъ, или къ родственникамъ, пока они не будутъ въ состояніи держаться на ногахъ; и даже тогда, изъ предосторожности, чтобы они не искривили своихъ членовъ, слишкомъ сильно опираясь на нихъ, няни должны продолжать трудиться и носить дѣтей до трехъ лѣтъ? Поэтому онѣ должны быть по возможности сильны и больше одной при каждомъ ребенкѣ. А за неисполненіе всего этого назначимъ на- (790) казаніе? Или отнюдь не будемъ этого дѣлать, чтобы то, что я только-что упомянулъ, не посыпалось на насъ въ изобиліи.

Кл. Что?

Аѳ. Мы подвергнемся многочисленнымъ насмѣшкамъ, а, кромѣ того, няни, будучи женщинами и рабынями, едва ли захотятъ насъ слушаться.

Кл. Но, въ такомъ случаѣ, почему же мы сказали, что объ этомъ нельзя молчать?

Аѳ. Вотъ почему: можетъ быть, господа и свободные (B) люди, услышавъ это, придутъ къ здравому сознанію, что безъ правильнаго устройства частной жизни напрасно надѣяться на прочность законодательства въ жизни государственной. А сознавъ это, они будутъ соблюдать сказанное сейчасъ какъ законы; а соблюдая это и, такимъ образомъ, хорошо управляя и своимъ домомъ и государствомъ, будутъ счастливы.

Кл. То, что ты говоришь, очень вѣроятно.

Аѳ. Поэтому, не оставимъ этой части законодательства, (C) пока не установимъ принциповъ, касающихся также души совсѣмъ маленькихъ дѣтей, подобно тому, какъ мы начали говорить о ихъ тѣлѣ.

Кл. Это будетъ правильно.

Аѳ. Будемъ же считать основой и физическаго и нравственнаго воспитанія совсѣмъ маленькихъ дѣтей уходъ нянь и движеніе, по возможности день и ночь. Это полезно всѣмъ, особенно же самымъ маленькимъ дѣтямъ. Они должны были бы всегда жить какъ на кораблѣ, если бы это было возможно; во всякомъ случаѣ, надо при воспитаніи новорожденныхъ дѣтей, насколько возможно, приближаться къ этому. Въ доказательство можно привести то, (D) что узнавъ на опытѣ пользу движенія, его примѣняютъ и няни маленькихъ дѣтей и женщины, примѣняющія корибантическое лѣченіе. Каждый разъ, когда матери хотятъ усыпить не спящихъ дѣтей, онѣ примѣняютъ для этого не покой, а движеніе, все время качая ихъ на рукахъ, и не молчаніе, а пѣсню; онѣ совершенно также убаюкиваютъ дѣтей пѣснями, какъ это дѣлаютъ при лѣ- (E) ченіи вакхическаго безумія, пользуясь движеніемъ въ формѣ танца и музыки.

Кл. Какова же главная причина этого, чужестранецъ?

Аѳ. Ее не слишкомъ трудно понять.

Кл. Какъ же?

Аѳ. Оба эти состоянія заключаются въ страхѣ, и этотъ страхъ обусловливается какимъ то плохимъ настроеніемъ души. Когда на такое состояніе воздѣйствуютъ сотрясеніемъ извнѣ, то это (791) внѣшнее движеніе осиливаетъ внутреннее движеніе страха и безумія и, осиливъ его, вызываетъ въ душѣ тишину и спокойствіе, вмѣсто тягостнаго біенія сердца. И этого совершенно достаточно: дѣти засыпаютъ, а у бодрствующихъ, подъ вліяніемъ пѣсенъ и танцевъ, съ помощью тѣхъ боговъ, которымъ они приносятъ жертвы за успѣхъ, безуміе смѣняется разумнымъ состояніемъ. Вотъ (B) вкратцѣ правдоподобное объясненіе этого.

Кл. Дѣйствительно.

Аѳ. А если движеніе и музыка имѣютъ такую силу, то надо обратить вниманіе на слѣдующее, что можно замѣтить на себѣ: всякая душа, часто испытывающая съ дѣтства страхъ, пріучается

къ этому состоянію, и всякій назоветъ это воспитаніемъ трусости, а не мужества.

Кл. Конечно.

Аѳ. И наоборотъ, умѣніе съ самаго дѣтства побѣждать (C) нападающій страхъ и ужасъ мы назовемъ, очевидно, пріученіемъ къ мужеству.

Кл. Правильно.

Аѳ. Мы должны сказать, что эта гимнастика совсѣмъ маленькихъ дѣтей, состоящая въ движеніи, уже сама по себѣ много способствуетъ нѣкоторой части душевной добродѣтели.

Кл. Конечно.

Аѳ. Вѣдь довольство и недовольство, въ зависимости отъ того, что изъ нихъ преобладаетъ, составляетъ уже немалую долю хорошаго или дурного состоянія души.

Кл. Очевидно.

Аѳ. Попробуемъ-же выяснить, какъ и насколько кто мо- (D) жетъ, какимъ образомъ новорожденному ребенку сразу же можно внушить то настроеніе, какое мы хотимъ.

Кл. Конечно, потребуемъ.

Аѳ. Я приведу господствующее у насъ мнѣніе, что изнѣженность дѣлаетъ дѣтскій характеръ недовольнымъ, вспыльчивымъ и сильно возбуждающимся изъ за мелочей; напротивъ, чрезмѣрное и грубое порабощеніе дѣлаетъ ихъ приниженными, неблагородными и нелюдимыми, непригодными для общежитія.

Кл. Но какъ же можетъ государство воспитывать дѣтей, (E) непонимающихъ еще рѣчи и неспособныхъ воспринимать какое-нибудь ученіе?

Аѳ. Вотъ какъ, напримѣръ: каждое живое существо, особенно человѣкъ, тотчасъ послѣ рожденія издаетъ обыкновенно крикъ; а кромѣ крика, и плачъ является особенно свойственнымъ человѣку.

Кл. Да.

Аѳ. Няни, желая узнать, чего хочетъ ребенокъ, удостовѣряются въ этомъ, поднося ему разныя вещи. Если онъ замолчитъ, (792) увидя поднесенную вещь, онѣ считаютъ, что правильно угадали; если же будетъ продолжать плакать и кричать, что неправильно. Такимъ образомъ, для дѣтей плачъ и крикъ является знакомъ—очень неопредѣленнымъ—что они чего-нибудь хотятъ или не хотятъ. Этотъ періодъ продолжается не менѣе трехъ лѣтъ, т. е. составляетъ не малую часть жизни, которую ребенокъ проводитъ или плохо или хорошо.

Кл. Ты правъ.

Аѳ. Не думаете ли вы, что ребенокъ съ недовольнымъ и печальнымъ характеромъ будетъ болѣе плаксивъ и слезливъ, чѣмъ слѣдуетъ хорошему человѣку? (B)

Кл. Я думаю.

Аѳ. Итакъ, если въ теченіе трехъ лѣтъ воспитатель будетъ примѣнять всѣ средства, чтобы ребенокъ испытывалъ какъ можно меньше боли, страха и всякихъ огорченій, не думаете ли вы, что

благодаря этому душа ребенка станетъ болѣе жизнерадостной и спокойной?

К л. Очевидно; особенно, если воспитатель будетъ доставлять ему всякія удовольствія.

А е. Въ этомъ я уже не согласенъ съ тобой, Клиній. Такой (C) образъ дѣйствій является самой большой порчей, тѣмъ болѣе, что это происходитъ всегда при началѣ воспитанія. Посмотримъ же, правъ ли я.

К л. Говори, что ты хочешь сказать.

А е. Наше разсужденіе касается сейчасъ не маловажныхъ вещей и ты, Мегиллъ, тоже разсуди насъ. Я утверждаю, что правильный образъ жизни состоитъ въ томъ, чтобы не гоняться за радостями и не избѣгать огорченій, а удовольствоваться серединой (D), что я сейчасъ опредѣлилъ словомъ „спокойный“. Это состояніе мы удачно приписываемъ, по изреченію какого то оракула, и богу. Я утверждаю, что къ этому состоянію долженъ стремиться всякій изъ насъ, кто желаетъ приблизиться къ божеству: онъ не долженъ быть слишкомъ склоненъ къ удовольствіямъ, такъ какъ все равно не избѣжитъ совершенно печалей, не долженъ также допускать, чтобы кто-нибудь другой, старикъ или молодой, мужчина или женщина, имѣли такую склонность; въ особенности же этому надо, по возможности, противодѣйствовать у новорожденнаго, такъ какъ тогда, главнымъ образомъ, человѣкъ усваиваетъ, благодаря привычкѣ, (E) тотъ или другой характеръ. Я бы добавилъ еще, если бы не боялся, что это примутъ за шутку, что изъ всѣхъ женщинъ надо болѣе всего заботиться о беременныхъ въ теченіе времени беременности, чтобы онѣ не испытывали ни слишкомъ многихъ и притомъ бурныхъ удовольствій, ни огорченій, но чтобы онѣ переживали этотъ періодъ, сохраняя спокойное, доброжелательное и кроткое настроеніе.

К л. Нѣтъ надобности, чужестранецъ, спрашивать Мегилла, (793) кто изъ насъ болѣе правъ. Я самъ согласенъ съ тобою, что всѣ должны избѣгать жизни, полной одной только печали или однихъ только наслажденій, но всегда должны идти среднимъ путемъ. Ты хорошо говорилъ, и я одобряю тебя.

4. А е. Если сказанное о дѣтяхъ, какъ мальчикахъ, такъ (793 D) и дѣвочкахъ, до трехъ лѣтъ, не будетъ въ пренебреженіи но (E) будетъ тщательно исполняться, это принесетъ большую пользу новому поколѣнію. А трехлѣтнему, четырехлѣтнему, пятилѣтнему и даже шестилѣтнему ребенку нужны игры. Съ изнѣженностью въ этомъ возрастѣ надо бороться уже наказаніями, однако, неунизительными. Мы говоримъ о рабахъ, что не слѣдуетъ вызывать въ нихъ озлобленіе, наказывая ихъ оскорбительнымъ образомъ, но не слѣдуетъ и баловать, оставляя совсѣмъ безнаказанными; (794) такъ же надо поступать и со свободными. Игры же у дѣтей этого возраста возникаютъ самостоятельно: собравшись вмѣстѣ, они обыкновенно сами ихъ изобрѣтаютъ. Дѣти каждой деревни отъ трехъ до шести лѣтъ должны собираться въ одно мѣсто къ храму. Няни ихъ должны наблюдать, ведутъ ли они себя благопристойно и не

шалятъ ли; а для наблюденія за нянями и за всей группой, на (B) каждую изъ двѣнадцати группъ будетъ назначаться одна женщина, зчтобы слѣдить за порядкомъ въ играхъ, указанныхъ блюстителями законовъ. Пусть этихъ женщинъ избираютъ наблюдающія за браками по одной изъ каждой филы, изъ женщинъ того же возраста, какъ онѣ сами. Назначенная должна каждый день ходить къ храму и наказывать каждаго дурно поступающаго—раба или рабыню, чужестранца или чужестранку—сама, при помощи городскихъ рабовъ; гражданина же, если онъ будетъ возражать противъ наказанія, она должна отвести для наказанія къ градоблюстителю, если же не (C) будетъ возражать, то и его пусть наказываетъ сама. Послѣ же шести лѣтъ полы должны быть раздѣлены, мальчики должны проводить время съ мальчиками, а дѣвочки съ дѣвочками. И тѣ и другіе должны начать учиться: мальчикамъ должны быть даны учителя верховой ѣзды, стрѣльбы изъ лука, бросанія дротиковъ и камней изъ пращи; то же должны дѣлать и дѣвочки, если онѣ способны къ этому, пока не выучатся; въ особенности онѣ должны (D) учиться употреблять оружіе. Впрочемъ, теперь въ этомъ отношеніи почти всѣ дѣлаютъ ошибку.

К л. Какую?

5. А е. Думая, будто правая и лѣвая рука по природѣ различны и различно должны употребляться при всякомъ ручномъ трудѣ, между тѣмъ какъ никому не кажется, чтобы ступни ногъ или вообще нижнія конечности были предназначены для разнаго употребленія. А въ отношеніи рукъ всѣ мы, вслѣдствіе невѣжества нянь и матерей, становимся какъ бы калѣками. Между тѣмъ, (E) какъ по природѣ обѣ руки приблизительно равносильны, мы сами, по обычаю неправильно пользуясь ими, дѣлаемъ ихъ различными. Обо всемъ этомъ должны заботиться начальники и начальницы, (795 D) послѣднія наблюдая за играми и за первоначальнымъ воспитаніемъ, первые же—за обученіемъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы всѣ мальчики и дѣвочки имѣли хорошо развитыя ноги и руки и, по возможности, привычками не портили бы природы.

6. А обученіе надо примѣнять, такъ сказать, двоякое: для тѣла гимнастику, для души музыку. Гимнастика распадается на двѣ части: на танцы и борьбу. Танцы бываютъ двухъ родовъ: (E) одни подражаютъ словамъ Музы, сохраняя величіе и благородство. другіе, исполняемые ради здоровья, легкости и красоты, ради пріученія—посредствомъ ритмическаго движенія, проходящаго черезъ весь танецъ и сопровождающаго его—членовъ и частей тѣла правильно сгибаться и вытягиваться, что касается борьбы, то все, что установили въ этомъ искусствѣ изъ пустого тщеславія (796) Антей и Керкіонъ, или то, что выдумали Эпей и Амикъ о кулачномъ боѣ, совершенно безполезно при столкновеніяхъ на войнѣ и поэтому не стоитъ разукрашивать этого на словахъ. Прямая же борьба—искусство освобождать шею, руки и бока, соединенное со стремленіемъ къ побѣдѣ и красивыми позами, ставящее себѣ цѣлью пріобрѣтеніе силы и здоровья, полезно во всѣхъ отношеніяхъ; этимъ

не слѣдуетъ пренебрегать, но когда мы дойдемъ до соотвѣтствующаго пункта законовъ, надо предписать ученикамъ, чтобы одни (B) доброжелательно преподавали это, другіе съ благодарностью воспринимали. Подходящими видами подражанія въ хороводахъ также не надо пренебрегать: здѣсь игрой съ оружіемъ куретовъ, въ Лакедемонѣ—Діоскуровъ. А наша Дѣва-Владычица, любящая хороводы, захотѣла плясать не съ пустыми руками, а въ полномъ вооруженіи. Этому слѣдовало бы подражать, почитая даръ богини, всѣмъ (C) юношамъ и дѣвушкамъ и на войнѣ и во время праздниковъ. А дѣти должны съ ранняго возраста до того времени, пока не пойдутъ на войну, устраивать шествія и процессіи въ честь всѣхъ боговъ, участвуя въ нихъ всегда вооруженными и на коняхъ, а также сопровождать молитвы шествіями и танцами въ честь боговъ и героевъ, то болѣе быстрыми, то болѣе медленными. Состязанія (D) и подготовительныя упражненія къ нимъ также надо устраивать только ради этого. Они полезны и въ мирное и въ военное время, какъ для государства, такъ и для частныхъ домовъ, а другія физическія упражненія, какъ серьезныя, такъ и игры, недостойны свободныхъ людей, Мегиллъ и Клиній.

7. Я раньше сказалъ, что мы должны поговорить о гимнастикѣ, теперь я это приблизительно сдѣлалъ, и мы съ этимъ покончили. Если же вы знаете лучшую гимнастику, чѣмъ эта, скажите, не скрывая.

Кл. Не легко, чужестранецъ, отвергнуть это и сказать (E) что-нибудь лучшее о гимнастикѣ и состязаніяхъ.

Аѳ. Въ такомъ случаѣ перейдемъ къ слѣдующему за этимъ, къ дарамъ Музъ и Аполлона. Раньше мы думали, что уже все сказали объ этомъ, и что остается сказать только о гимнастикѣ; теперь же ясно, что еще остается, и что это надо сказать прежде всего. Скажемъ же это сейчасъ.

Кл. Конечно, надо это сказать.

Аѳ. Слушайте же меня, какъ слушали раньше. Говоря (**797**) или слушая что-нибудь очень странное и необычное, надо быть осторожнымъ; такъ и сейчасъ. Мнѣ предстоитъ сказать, нѣчто страшное; однако. я буду смѣлъ и не уклонюсь отъ этого.

Кл. Что же это такое, чужестранецъ?

Аѳ. Я утверждаю, что ни въ одномъ государствѣ не сознаютъ, какое громадное вліяніе имѣетъ характеръ дѣтскихъ игръ на законодательство, именно на устойчивость существующихъ законовъ, Если игры прочно установлены и въ нихъ проявляется принципъ чтобы одни и тѣ же люди всегда играли одинаково и наслаждались (B) одними и тѣми же увеселеніями, тогда и серьезныя установленія остаются въ покоѣ; если же игры постоянно колеблются и подвергаются новшествамъ, если въ нихъ происходитъ постоянныя перемѣны, и дѣти никогда надолго не сохраняютъ ни къ чему любви, такъ что ни въ манерѣ держаться, ни въ утвари и одеждѣ одно и то же не признается долго всѣми красивымъ или некрасивымъ, но если больше всего уваженія встрѣчаетъ постоянно вносящій (C)

что-нибудь новое и необычное въ манерахъ, въ краскахъ и т. п.— мы увѣренно можемъ сказать, что не существуетъ большого вреда для государства. Незамѣтно это измѣняетъ характеръ молодежи, заставляетъ ее презирать старое и преклоняться передъ новымъ. Я еще разъ говорю, что нѣтъ большаго бѣдствія для государства, чѣмъ такія слова и мнѣнія. Послушайте же, какимъ большимъ зломъ я это считаю.

Кл. Ты имѣешь въ виду презрѣніе къ старинѣ въ государствѣ?

Аѳ. Да. (D)

Кл. Мы будемъ не плохими слушателями такой рѣчи, а въ высшей степени сочувствующими ей.

Аѳ. Это естественно.

Кл. Говори же.

Аѳ. Хорошо; будемъ же особенно внимательно слушать, и такъ говорить между собою: перемѣна всего, кромѣ дурного – самая опасная вещь, и въ погодѣ, и въ вѣтрахъ и въ режимѣ и въ характерѣ, однимъ словомъ во всемъ, кромѣ (какъ я сейчасъ (E) сказалъ) дурного. Если посмотрѣть на тѣло, то можно видѣть, что оно привыкаетъ ко всякому питью и пищѣ, хотя бы сначала его здоровье и было ими нарушено; но затѣмъ, благодаря этой самой пищѣ, создается родственное ей мясо, она дѣлается милой, привычной и знакомой, и тѣло чувствуетъ себя при этомъ режимѣ (**798**) наилучшимъ образомъ въ смыслѣ удовольствія и здоровья. Если человѣку приходится снова измѣнить въ чемъ-нибудь свой испытанный режимъ, здоровье его расшатывается и лишь съ трудомъ возстановляется, когда снова пріобрѣтается привычка. Надо думать, что то же самое происходитъ и съ умами людей и съ ихъ душевными свойствами. Если тѣ законы, въ которыхъ люди воспитаны, остаются по волѣ боговъ неизмѣнными въ теченіе (B) очень долгаго времени, такъ что никто не помнитъ и даже не слышалъ, чтобы когда-нибудь они были юными, каждый уважаетъ ихъ и боится коснуться чего-нибудь изъ существующаго. Поэтому законодатель долженъ придумать какое-нибудь средство, чтобы городъ находился въ такомъ положеніи. Я нашелъ слѣдующее: когда измѣняются дѣтскія игры, то всѣ думаютъ, какъ я сейчасъ сказалъ, что это, дѣйствительно,—только игры, и не понимаютъ, что отъ этого происходитъ величайшій и серьезный вредъ. Поэтому они (C) не препятствуютъ этимъ измѣненіямъ, но уступаютъ дѣтямъ и идутъ заодно съ ними. При этомъ они не принимаютъ въ расчетъ, что дѣти, вводящія новшества въ игры, станутъ уже другими людьми, чѣмъ прежнія дѣти, а ставъ другими, будутъ стремиться къ другой жизни, а стремясь къ другой жизни, будутъ желать другихъ обществъ и законовъ. Никто изъ нихъ не боится, что наступитъ для государства то величайшее бѣдствіе, о которомъ мы сейчасъ говорили. Другія измѣненія вызываютъ, можетъ быть, (D) меньшія бѣдствія, напримѣръ, измѣненія внѣшности и т. п. Когда же происходятъ частыя перемѣны въ оцѣнкѣ нравовъ, то, я думаю, это требуетъ наибольшей осторожности.

Кл. Конечно.

8. А е. Итакъ, остаемся ли мы при нашемъ прежнемъ мнѣніи, что ритмъ и вся музыка являются подражаніемъ хорошимъ или дурнымъ людямъ? Какъ вы думаете?

Кл. Наше мнѣніе, я думаю, нисколько не измѣнилось. (E)

А е. Такъ не скажемъ ли мы, что надо употреблять всѣ средства, чтобы ни наши дѣти не стремились къ какому-нибудь новому подражанію въ танцахъ или въ пѣсняхъ, и никто ихъ не склонялъ къ этому разными соблазнами.

Кл. Ты совершенно правъ. (799)

А е. Знаетъ ли кто-нибудь изъ насъ лучшее средство для этого, чѣмъ то, какое существуетъ у Египтянъ?

Кл. Что ты имѣешь въ виду?

А е. Посвящать богамъ всѣ танцы и всѣ пѣсни.

10. Пѣніе и танцы надо организовать такъ: отъ древнихъ временъ сохранилось много прекрасныхъ музыкальныхъ (802 A) произведеній, а также танцевъ, изъ которыхъ нетрудно выбрать подходящее и соотвѣтствующее нашему строю. Производить (B) этотъ выборъ должны избранныя лица не моложе пятидесяти лѣтъ; тѣ изъ древнихъ произведеній, которыя имъ покажутся достаточно хорошими, они будутъ одобрять, тѣ, въ которыхъ найдутъ недостатки, или которыя окажутся совсѣмъ негодными, они будутъ или совсѣмъ отбрасывать или исправлять, привлекая для этого поэтовъ и музыкантовъ и пользуясь ихъ поэтическими дарованіями, но дѣлая лишь самыя небольшія уступки ихъ страстямъ и жела- (C) ніямъ. Они должны истолковать этимъ поэтамъ намѣренія законодателя и устроить танцы, пѣніе и вообще всю хоровую организацію, возможно больше согласуясь съ этими намѣреніями. Всякое безпорядочное занятіе искусствами музъ, будучи упорядочено, становится въ тысячу разъ лучше, если только въ него не вносится сладострастная муза, а наслажденіе доставляютъ всѣ виды искусства. Если человѣкъ съ дѣтства до устойчиваго и сознательнаго возраста проживетъ, общаясь съ разумной и спокойной музой, то, услышавъ противоположную, онъ возненавидитъ ее и назоветъ недостойной (D) свободнаго человѣка. Будучи же воспитанъ на вульгарной и сладострастной, онъ противоположную назоветъ холодной и скучной. Такимъ образомъ, какъ было только что сказано, въ смыслѣ доставляемаго удовольствія онѣ равны, различіе заключается лишь въ томъ, это одна всегда дѣлаетъ воспитанныхъ на ней людей лучше, другая хуже.

Кл. Ты это хорошо сказалъ.

А е. Придется еще отдѣлить на основаніи какой-нибудь опредѣленной нормы пѣсни, пригодныя для женщинъ, отъ пѣсенъ, пригодныхъ для мужчинъ, и соединить каждую изъ нихъ съ (E) подходящимъ къ ней музыкальнымъ ладомъ и ритмомъ. Очень плохо было бы нарушить всякую гармонію и ритмъ, придавъ пѣснямъ совершенно несоотвѣтствующіе имъ. Необходимо и для этого установить закономъ общіе принципы. Такимъ принципомъ будетъ даваться тому и другому полу согласное съ его природой. А что

именно подходитъ женскому полу, надо ближе выяснить на основаніи различія въ природѣ обоихъ половъ. Величіе и мужество надо признать свойственнымъ мужчинамъ; имѣющее оттѣнокъ скромности и цѣломудрія, какъ болѣе подходящее для женщинъ, имъ и надо отдать и по закону и по здравому смыслу. Таково должно быть распредѣленіе. Теперь надо сказать объ обученіи и пере- (803) дачѣ свѣдѣній, какимъ образомъ кому и когда надо ихъ преподавать. Строитель корабля, начиная постройку, дѣлаетъ киль и намѣчаетъ очертаніе корабля; то же, какъ мнѣ кажется, дѣлаю и я, стремясь обрисовать какъ бы общія очертанія жизни, согласно съ душевными свойствами, т. е., на самомъ дѣлѣ, какъ бы заложить киль этой жизни. Иными словами, я хочу разсмотрѣть, при помощи какихъ средствъ и какимъ образомъ мы возможно (B) лучше проведемъ жизнь въ продолженіе того плаванія, какимъ является наше существованіе.

11. Перейдемъ къ дальнѣйшему: уже было упомянуто (804 C) о постройкѣ гимназій и школъ въ трехъ мѣстахъ въ срединѣ города, а внѣ города въ окрестностяхъ его въ трехъ мѣстахъ манежей для верховой ѣзды и свободныхъ пространствъ для стрѣльбы изъ лука и изъ другого оружія; все это должно быть устроено для обученія и упражненія молодежи. Если тогда это было недостаточно выяснено, то надо выяснить это въ нашей бесѣдѣ теперь въ связи съ соотвѣтствующими законами. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ должны жить платные учителя изъ чужестранцевъ и (D) учить приходящихъ учениковъ всему, что относится къ военному дѣлу, а также музыкѣ. При этомъ, не отъ желанія отцовъ будетъ зависѣть посылать или не посылать дѣтей въ школы, но по возможности, всякій мальчикъ долженъ принудительно обучаться, такъ какъ онъ принадлежитъ въ большей степени государству, чѣмъ собственнымъ родителямъ. Я издалъ бы совершенно такой же законъ и о женщинахъ, какъ о мужчинахъ, чтобы и женщины занимались тѣмъ же, и безъ всякаго опасенія выска- (E) залъ бы это даже въ отношеніи верховой ѣзды и гимнастики, и не сталъ бы считать, что онѣ пригодны только для мужчинъ. Въ этомъ убѣждаютъ меня и древніе миѳы, которые я слышалъ, и то, что теперь, какъ я знаю, безчисленному множеству женщинъ на берегахъ Понта, носящихъ имя савроматокъ, наравнѣ съ мужчинами предписана не только верховая ѣзда, но и употребленіе (805) лука и другого оружія, и онѣ занимаются всѣмъ этимъ одинаково съ мужчинами. Кромѣ того, у меня въ этомъ отношеніи есть еще слѣдующее соображеніе: я говорю, что, если это вообще возможно, то въ высшей степени безразсудно, что у насъ теперь мужчины и женщины не стремятся всѣми силами и единодушно дѣлать одно и то же. Вслѣдствіе этого каждое государство оказывается почти вдвое меньше того, чѣмъ оно могло бы быть при одинаковыхъ (B) обязанностяхъ и тяготахъ. Это—непонятная ошибка со стороны законодателей.

14. Съ наступленіемъ ранняго утра дѣти должны идти (808 D)

въ школу; но, какъ овцы и всѣ другія животныя не могутъ жить безъ пастуха, такъ и дѣти безъ дядьки и рабы безъ господъ. Изъ всѣхъ живыхъ существъ ребенка труднѣе всего держать въ рукахъ. Такъ какъ у него наибольшій источникъ ума, еще не вошедшій въ свое русло, онъ оказывается наиболѣе хитрымъ, горячимъ и дерзкимъ изъ всѣхъ живыхъ существъ. Поэтому надо налагать на него какъ бы узду всякаго рода. Сначала, когда онъ выйдетъ изъ подъ (E) опеки няни и матери, такой уздой, въ виду его дѣтскаго возраста и неразумія является дядька, затѣмъ преподающіе ему что-либо, и сами предметы преподаванія, если это—свободный человѣкъ; если же это—рабъ, то всякій встрѣчный свободный мужчина можетъ наказать и самаго ребенка и его дядьку и учителя, если кто нибудь изъ нихъ въ чемъ-либо провинится. Если же встрѣчный не накажетъ по справедливости, то, прежде всего, онъ долженъ подвергнуться за это величайшему порицанію, и тотъ изъ блюстителей законовъ, который избранъ для наблюденія за воспитаніемъ, (809) долженъ слѣдить за человѣкомъ, столкнувшимся съ заслуживающимъ наказанія и ненаказавшимъ, или наказавшимъ не такъ, какъ слѣдовало. Онъ долженъ быть человѣкомъ проницательнымъ и особенно интересоваться воспитаніемъ дѣтей; тогда онъ будетъ исправлять ихъ характеръ, всегда направляя къ хорошему и согласному съ закономъ. А какимъ образомъ воспитаетъ намъ должнымъ образомъ законъ его самого? пока я еще не сказалъ объ этомъ ничего опредѣленнаго и исчерпывающаго, а лишь немногое. Надо по возможности ничего не пропустить, но все подробно (B) разъяснить ему, чтобы онъ въ свою очередь былъ толкователемъ и воспитателемъ для другихъ. Относительно хороводовъ, пѣсенъ и танцевъ уже сказано, по какому принципу надо здѣсь производить выборъ, исправлять и посвящать богамъ. А какія изъ произведеній, написанныхъ въ прозѣ, должны попадать въ руки твоихъ воспитанниковъ, и какъ прекрасный блюститель дѣтей, мы еще не (C) сказали. Чему имъ надо учиться въ военномъ дѣлѣ и въ чемъ упражняться, ты уже знаешь изъ нашей бесѣды. Но ты недостаточно еще узналъ, мой другъ, отъ законодателя то, что касается, во-первыхъ, грамоты, во-вторыхъ, игры на лирѣ и счета, поскольку мы сочли его необходимымъ для войны, управленія домомъ и государствомъ, а также насколько полезны для этихъ же цѣлей свѣдѣнія о божественныхъ вещахъ, о движеніи звѣздъ, солнца и луны, и что въ общественной жизни стоитъ въ связи съ этимъ. Что именно я имѣю тутъ въ виду? распредѣленіе дней по мѣсяцамъ и мѣсяцевъ (D) въ году, чтобы времена года, жертвоприношенія и праздники получили все причитающееся имъ и справлялись въ назначенное имъ природой время, чтобы благодаря этому, городъ оставался живымъ и бодрствующимъ, боги почитались и люди становились болѣе знающими въ этихъ вещахъ. Слушай же внимательно, что будетъ говориться теперь. Что мы ставимъ въ упрекъ нашему изло- (E) женію, говоря, что ты пока недостаточно освѣдомленъ объ обученіи грамотѣ,—это, что пока еще не сказано, долженъ ли желающій стать

хорошимъ гражданиномъ въ точности усвоить ее, или совсѣмъ ея не касаться. Также и относительно игры на лирѣ. Теперь мы говоримъ, что онъ долженъ учиться этому. Для обученія чтенію и письму надо дать десятилѣтнему ребенку приблизительно три года. Для того же, чтобы начать играть на лирѣ, подходящій возрастъ—тринадцать лѣтъ, и учиться этому надо въ теченіе слѣдующихъ (810) трехъ лѣтъ. Ни отцу, ни самому ребенку нельзя позволять посвящать этому вопреки закону больше времени, вслѣдствіе любознательности, или меньше, вслѣдствіе нелюбви къ ученію. Не желающій подчиниться пусть будетъ лишенъ дѣтскихъ почестей, о которыхъ будетъ сказано немного позже. А чему должны дѣти выучиться въ этотъ періодъ, и чему должны учить ихъ учителя, ты самъ раньше узнай. Въ смыслѣ грамотности ребенокъ (B) долженъ достигнуть того, чтобы быть въ состояніи писать и читать. Но добиваться при этомъ быстроты и красоты у дѣтей, которыя по своимъ способностямъ не могутъ достигнуть этого въ установленный срокъ, не стоитъ. Что же касается до предметовъ обученія чуждыхъ лирѣ, до произведеній, написанныхъ частью въ метрической формѣ, частью безъ ритмическихъ дѣленій, называемыхъ прозаическими и лишенныхъ ритма и музыкальнаго лада, то многіе писатели оставили намъ опасныя сочиненія. Что вы будете съ (C) ними дѣлать, лучшіе изъ блюстителей законовъ? какое правильное употребленіе ихъ укажетъ законодатель? Я предвижу, что онъ будетъ въ большомъ затрудненіи.

Кл. Что это ты, чужестранецъ, какъ будто въ недоумѣніи говоришь съ самимъ собою?

Аѳ. Хорошо сдѣлалъ,что прервалъ меня, Клиній. Отъ васъ, какъ участниковъ въ законодательствѣ, я не долженъ скрывать, что мнѣ кажется легкимъ, и что труднымъ.

Кл. Что же въ данномъ случаѣ заставило тебя это сказать? (D)

Аѳ. Вотъ что: не легко говорить противоположное тому, что говорятъ много тысячъ устъ.

Кл. Что же? развѣ тебѣ кажется, что изъ высказаннаго раньше о законахъ только немногія мелочи противорѣчатъ общепринятымъ мнѣніямъ?

Аѳ. Ты вполнѣ правъ. Повидимому, ты совѣтуешь мнѣ дальше итти по этому пути, не нравящемуся многимъ, но, можетъ быть, столькимъ же и нравящемуся, а если не столькимъ же, то, во всякомъ случаѣ, не худшимъ. Ты совѣтуешь мнѣ вмѣстѣ съ ними рѣшительно и смѣло итти по тому пути законодательства, на какой (E) мы вступили въ этой бесѣдѣ, ни въ чемъ не уступая.

Кл. Конечно.

15. Аѳ. Ну, хорошо, я не буду уступать. Я говорю, что у насъ есть много поэтовъ, писавшихъ въ гексаметрахъ, въ триметрахъ и во всѣхъ размѣрахъ, одни, ставя себѣ серьезную цѣль, другіе—смѣхъ тысячи людей, утверждаютъ, что для того, чтобы хорошо воспитать молодое поколѣніе, надо его досыта кормить поэзіей, заставлять часто слушать чтеніе и выучивать наизусть цѣлыхъ

поэтовъ. Другіе выбираютъ повсюду только главное и, состав- (811)
ляя сборники изреченій, заставляютъ желающихъ, благодаря богатству опыта и знаній, стать хорошими людьми, выучивать ихъ наизусть и хранить въ памяти. И вотъ ты хочешь, чтобы я откровенно высказалъ этимъ людямъ, въ чемъ они правы и въ чемъ нѣтъ?

Кл. Конечно.

Аѳ. Какъ мнѣ сказать все въ немногихъ словахъ? Я думаю приблизительно слѣдующее—и, вѣроятно, всякій со мною (B) согласится—что у каждаго изъ этихъ поэтовъ есть много хорошаго, но много и нехорошаго. Поэтому я утверждаю, что изученіе ихъ всѣхъ опасно для дѣтей.

Кл. Что же ты посовѣтовалъ бы блюстителю законовъ?

Аѳ. Что ты имѣешь въ виду?

Кл. Какой у него будетъ образецъ, взирая, на который, онъ однѣ вещи позволитъ учить всѣмъ дѣтямъ, другія запретитъ? (C) Говори, не стѣсняясь.

Аѳ. Милый Клиній,, тутъ я оказываюсь въ нѣкоторомъ родѣ въ счастливомъ положеніи.

Кл. Какимъ образомъ?

Аѳ. Я не совсѣмъ лишенъ такого образца. Оглядываясь на тѣ рѣчи, которыя мы вели съ восхода солнца до этого времени—и, какъ мнѣ кажется, не безъ божественнаго внушенія,—я замѣчаю въ нихъ большое сходство съ поэзій. И, можетъ быть, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что я испытываю: обозрѣвая свои собственныя слова въ цѣломъ, я чувствую большую радость: среди (D) большинства рѣчей въ поэзіи и въ прозѣ, какія мнѣ приходилось учить или слышать, эти кажутся мнѣ самыми разумными и подходящими для того, чтобы ихъ слушали юноши. Я не могъ бы, кажется, указать блюстителю законовъ и воспитателю лучшаго образца, чѣмъ этотъ. Онъ долженъ приказать учителямъ преподавать дѣтямъ это и подобное этому. Если, просматривая произведенія (E) поэтовъ и прозаиковъ или просто слыша какую-нибудь не записанную бесѣду, онъ встрѣтитъ что-либо, сходное съ этими рѣчами, онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ пройти мимо этого, но долженъ велѣть записать. И прежде всего надо заставить самихъ учителей выучить это и хвалить. Тѣхъ изъ нихъ, которымъ это не нравится, блюститель законовъ не долженъ брать себѣ въ сотрудники, а отдавать дѣтей для обученія и воспитанія сочувствующимъ этой похвалѣ. На этомъ можетъ закончиться моя рѣчь объ учителяхъ грамотности и о книгахъ. (812)

Кл. Мы, повидимому, не вышли за предѣлы той задачи, какую мы себѣ поставили, чужестранецъ, а правильно ли наше разсужденіе въ цѣломъ или нѣтъ, это, пожалуй трудно, съ увѣренностью сказать.

Аѳ. Это, вѣроятно, тогда станетъ яснѣе, Клиній, когда, какъ мы часто говорили, мы придемъ къ концу всего разсужденія о законахъ.

Кл. Правильно. (B)

16. Аѳ. Не слѣдуетъ ли намъ послѣ учителя грамотности поговорить о киѳаристѣ?

Кл. Конечно.

Аѳ. Я думаю, что, припомнивъ сказанное раньше, мы не ошибемся въ томъ, какую часть обученія изъ всей области музыкальнаго воспитанія мы должны ему предоставить.

Кл. О чемъ ты говоришь?

Аѳ. Мы, кажется, говорили, что шестидесятилѣтніе пѣвцы Діониса должны особенно хорошо понимать ритмы и музыкальную композицію, чтобы быть въ состояніи различать хорошее и дур- (C) ное подражаніе въ пѣсняхъ, какъ хорошей душѣ, находящейся въ состояніи эффекта, такъ и дурной, и послѣднее устранять, первое же публично пѣть и воздѣйствовать такими пѣснями на души молодежи, приглашая каждаго слѣдовать за собою въ пріобрѣтеніи добродѣтели путемъ подражанія.

Кл. Ты совершено правъ.

Аѳ. Съ такой цѣлью и киѳаристъ и ученикъ должны пользоваться звуками лиры, въ виду ясности, съ какой звучатъ ея струны, и согласовать звуки голоса со звуками инструмента. Всякое же другое соотношеніе между аккомпаниментомъ и пѣніемъ и всякія варіаціи на лирѣ, когда струны играютъ другую мелодію, чѣмъ та, которую составилъ поэтъ, сочетаніе въ симфонію или антифонію большихъ и меньшихъ интерваловъ, быстроты и медленности, высокихъ и низкихъ звуковъ, всякое разнообразіе ритмовъ, все это (E) —лишнее для тѣхъ, кому надо въ три года быстро усвоить то, что есть полезнаго въ музыкѣ. Противоположности сбиваютъ и затрудняютъ ученіе, а юноши должны, какъ можно легче, усваивать. И предписанные имъ необходимые предметы преподаванія не малы и достаточно многочисленны, какъ это покажетъ современемъ дальнѣйшее разсужденіе. Относительно музыки воспитатель долженъ заботиться такимъ образомъ. А относительно самихъ пѣсенъ и словъ, какъ и чему должны учить учителя хоровъ, уже сказано раньше. Мы сказали, что пѣсни надо посвящать богамъ, выбирая под- (813) ходящія для каждаго праздника, чтобы онѣ приносили пользу, доставляя государствамъ удачно выбранное наслажденіе.

Кл. И это—правда.

Аѳ. Если это—правда, пусть избранный въ завѣдующіе музыкой приметъ отъ насъ эти указанія, и пусть судьба благопріятствуетъ ему въ его заботахъ объ этой области воспитанія. Мы же вернемся къ танцамъ и, вобще, къ физическимъ упражненіямъ и скажемъ то, что еще остается сказать объ этомъ послѣ сказаннаго раньше. Мы разъяснили оставшееся неяснымъ въ преподованіи музыки, (B) сдѣлаемъ теперь то же и относительно гимнастики. И мальчики и дѣвочки должны учиться танцамъ и гимнастикѣ. Не такъ-ли?

Кл. Да.

Аѳ. А для того, чтобы основательно выучить ихъ этому,

умѣстно будетъ дать мальчикамъ учителей танцевъ, а дѣвочкамъ учительницъ.

Кл. Пусть будетъ такъ.

Ае. Мы снова призовемъ завѣдующаго воспитаніемъ, этого человѣка, которому придется такъ много потрудиться, что среди (C) его заботъ о музыкѣ и о гимнастикѣ у него немного останется свободнаго времени.

Кл. Какъ же онъ окажется въ состояніи, будучи старикомъ, завѣдывать столькими вещами?

17. Это ему будетъ легко, мой другъ. Законъ далъ и дастъ ему право брать себѣ въ помощь для этихъ заботъ тѣхъ изъ гражданъ и гражданокъ, кого онъ захочетъ. А онъ будетъ знать, кого надо брать, и не захочетъ въ этомъ ошибиться, разумно уважая свою должность зная ея важность и принимая во вниманіе, что (D) если молодежь всегда будетъ хорошо воспитываться, все пойдетъ хорошо, въ противномъ случаѣ—но не стоитъ объ этомъ говорить, и я не стану этого дѣлать, такъ какъ опасаюсь слишкомъ большихъ любителей пророчествъ при основаніи новаго города. Мы уже многое сказали и о танцахъ и о всѣхъ гимнастическихъ движеніяхъ. Къ гимнастикѣ мы относимъ и всѣ физическія упражненія, имѣющія отношеніе къ войнѣ, стрѣльбу изъ лука и всякое метаніе, обращеніе со щитомъ, всякую борьбу въ вооруженіи, тактическіе маневры, движенія въ строю, устройство лагеря, а также (E) всѣ знанія, необходимыя для верховой ѣзды. Для всего этого нужны общественные учителя, получающіе жалованье отъ государства, а учениками ихъ должны быть всѣ живущіе въ городѣ мальчики и взрослые мужчины. Дѣвочки и женщины также должны знать все это. Будучи дѣвочками, онѣ должны упражняться во всякихъ танцахъ и въ борьбѣ, а ставъ женщинами—въ маневрахъ, въ строѣ, въ одѣваніи и сниманіи вооруженія. Все это онѣ должны знать, хотя бы для того, чтобы, если придется, оставивъ городъ, (814) всѣмъ войскамъ выступить противъ враговъ, онѣ могли бы охранять дѣтей и городъ; можетъ случиться и обратное,—извнѣ нападутъ враги съ большими силами, варвары или эллины, и явится необходимость въ рѣшительномъ сраженіи за самый городъ; тогда большое бѣдствіе для государствъ, если его женщины такъ плохо воспитаны, что не могутъ сдѣлать даже того, что дѣлаютъ пти- (B) цы, которыя готовы умереть и перенести всякія опасности, сражаясь за своихъ дѣтей съ къ какимъ угодно самымъ сильнымъ звѣремъ; если вмѣсто этого онѣ сейчасъ же бѣгутъ къ храмамъ, окружаютъ всѣ алтари, наполняютъ всѣ святилища и навлекаютъ на человѣческій родъ славу самаго трусливаго животнаго.

Кл. Дѣйствительно, чужестранецъ, если бы это случилось въ какомъ-нибудь государствѣ, это было бы не только вредно для (C) него, но и позорно.

Ае. Не издать ли намъ закона, чтобы женщины не пренебрегали до такой степени военнымъ дѣломъ, но чтобы и граждане и гражданки занимались этимъ?

Кл. Я, со своей стороны согласенъ.

Ае. О борьбѣ мы отчасти уже говорили, но того, что я назвалъ бы самымъ главнымъ, не сказали; да и не легко это выяснить на словахъ, не показывая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣлодвиженіями. Поэтому мы обсудимъ это тогда, когда слова будутъ сопровождать (D) дѣйствія и окончательно уяснятъ какъ сказанное, такъ и то, что такая борьба изъ всѣхъ движеній, дѣйствительно, ближе всего къ настоящей битвѣ, и что надо заниматься ею ради войны, а не военное дѣло изучать ради нея.

Кл. Ты правильно это говоришь.

18. Сказаннаго о значеніи борьбы пока достаточно. Остальныя движенія всего тѣла, большую часть которыхъ правильно можно назвать танцами, распадаются на два вида: на серьезное (E) подражаніе красивымъ тѣламъ, и коническое—безобразнымъ; тотъ и другой въ свою очередь распадаются на два. Изъ двухъ подраздѣленій серьезнаго вида одно изображаетъ прекрасное тѣло и мужественную душу на войнѣ и въ тяжелыхъ трудахъ, другое—разумную душу въ счастьѣ и среди умѣренныхъ удовольствій. Названіе мирнаго будетъ связано съ природой этого танца, а воинственный танецъ, совершенно отличный отъ мирнаго, правильно можно (815) назвать пиррихой. Онъ подражаетъ тому, какъ человѣкъ спасается отъ ударовъ и метательнаго оружія, бросаясь въ сторону, отступая, прыгая вверхъ и нагибаясь къ землѣ; онъ потомъ пытается подражать и противоположнымъ движеніямъ, нападающаго: бросающаго стрѣлы и дротики и наносящаго удары, при этомъ, правильное подражаніе хорошимъ дѣламъ и душамъ, выразится въ прямомъ и вытянутомъ положеніи тѣла, которое соотвѣтствуетъ обыкно- (B) венно естественному положенію членовъ, обратное же неправильно. Относительно мирнаго танца, надо наблюдать правильно ли и согласно ли съ природой человѣкъ всю жизнь занимается прекраснымъ танцемъ, въ хороводѣ людей чтущихъ законъ. Прежде всего надо отдѣлить сомнительные танцы отъ не подвергающихся сомнѣнію. Каковы же эти послѣдніе, и какъ ихъ отличить? Всѣ (C) вакхическіе танцы и родственные имъ, называемые танцами Нимфъ. Пановъ, Силеновъ и Сатировъ, гдѣ подражаютъ, какъ говорятъ, пьянымъ, и танцы, исполняемые при религіозныхъ очищеніяхъ и таинствахъ—весь этотъ видъ трудно опредѣлить какъ мирный или какъ военный или вообще какъ бы то ни было. Мнѣ кажется, что самымъ правильнымъ будетъ, пожалуй, отдѣлить его и отъ военнаго и отъ мирнаго и сказать, что онъ не имѣетъ никакого отношенія (D) къ государству. Отведя такое ему мѣсто, и оставивъ его въ покоѣ, вернемся къ военному и къ мирному, какъ къ несомнѣнно допустимымъ у насъ. Все мирное искусство, гдѣ посредствомъ танца почитаются боги и герои, предполагаетъ счастливое состояніе. Въ немъ можно различить два случая: одинъ, когда человѣкъ, дости- (E) гаетъ счастья, послѣ трудовъ и опасностей,—тогда радость бываетъ сильнѣе; и другой, когда прежнее благополучіе сохраняется и увеличивается,—въ этомъ случаѣ радость бываетъ спокойнѣе, чѣмъ въ

БИБЛІОТЕКА

первомъ. При подражаніи этимъ состояніямъ каждый человѣкъ при
большей радости будетъ дѣлать большія движенія тѣломъ, при мень-
шей—меньшія. И у человѣка болѣе сдержаннаго и воспитавшаго въ
себѣ мужество перемѣны въ движеніяхъ будутъ меньше, у трусли-
ваго и непривыкшаго къ сдержанности, сильнѣе и рѣзче. (816)
Вообще всякій издающій звуки, будь то въ пѣсняхъ или въ сло-
вахъ, не можетъ сохранить полнаго покоя тѣла. Такимъ образомъ,
подражаніе словамъ, выражаясь въ жестахъ, вызвало къ жизни все
искусство танца. Одни изъ насъ движутся при этомъ правильно,
другіе неправильно. Часто, обдумывая древнія названія, намъ (B)
приходится хвалить ихъ, какъ удачно данныя и соотвѣтствующія
природѣ вещей. Однимъ изъ такихъ названій является названіе
танца, изображающаго счастливыхъ людей и притомъ сдержанныхъ
въ радости. Кто то удачно и правильно назвалъ ихъ всѣ эммелі-
ями—очевидно, онъ былъ музыкантомъ—и установилъ, такимъ
образомъ, два вида благородныхъ танцевъ: военный—пирриху и
мирный—эммеліи, давъ и тому и другому подходящее и соотвѣт-
ствующее его природѣ имя. Эти имена законодатель долженъ (C)
иллюстрировать примѣрами, а блюститель законовъ долженъ искать
ихъ, и отыскавъ, соединить танцы съ другими видами музыки и
назначить подходящіе для каждаго праздники и жертвоприношенія.
Освятивъ ихъ такимъ образомъ, онъ впредь не долженъ ничего
измѣнять, ни въ области танцевъ, ни въ области пѣсенъ, чтобы,
наслаждаясь всегда одними удовольствіями, городъ и граждане
всегда оставались одинаковыми, и будучи, по возможности, похожи
другъ на друга, жили хорошо и счастливо. (D)

19. Мы покончили съ постановленіями относительно того,
каковы должны быть танцы красивыхъ тѣлъ и благородныхъ душъ.
Съ тѣмъ видомъ подражанія въ словахъ, пѣсняхъ и танцахъ, гдѣ
выступаютъ безобразныя тѣла и обнаруживаются такія же настроенія,
который имѣетъ своею цѣлью осмѣяніе, вообще, со всею областью
комическаго подражанія надо также ознакомиться и понять ее,
такъ какъ не зная смѣшного, нельзя узнать серьезнаго, какъ
вообще нельзя ничего узнать и правильно судить о немъ, не зная
его противоположности; дѣлать же одновременно противо- (E)
положныя вещи нельзя, если желать, хотя отчасти обладать добро-
дѣтелью. Но ради этого и надо ознакомиться съ этими вещами,
чтобы, вслѣдствіе незнанія не сдѣлать и не сказать чего-нибудь
смѣшного и неумѣстнаго. Этотъ родъ подражанія надо предоставить
рабамъ и платнымъ чужестранцамъ, и никогда не относиться къ
нему сколько нибудь серьезно. Ни одинъ свободный человѣкъ, ни
женщина, ни мужчина не долженъ открыто изучать его, и въ
каждомъ такомъ подражаніи должно быть что-нибудь новое. Таковъ
законъ и наше мнѣніе относительно смѣшныхъ шутокъ, (817)
которыя мы всѣ называемъ комедіей. Что же касается такъ назы-
ваемыхъ серьезныхъ трагическихъ поэтовъ, то если кто-нибудь изъ
нихъ придетъ и спроситъ насъ приблизительно такъ: „Чуже-
странцы, приходить ли намъ въ вашъ городъ и въ вашу страну

или нѣтъ, и приносить ли къ вамъ нашу поэзію, или какъ вы рѣ-
шили поступить въ этомъ отношеніи“?, какъ надо отвѣтить на это
боговдохновеннымъ людямъ? Мнѣ, кажется, такъ: „Любезные чуже-
странцы, мы сами, насколько это въ нашихъ силахъ, творимъ (B)
трагедію, и притомъ самую красивую и лучшую. Все наше государ-
ственное устройство является подражаніемъ прекраснѣйшей и самой
лучшей жизни; это мы и называемъ самой истинной трагедіей. И вы—
поэты, и мы—поэты въ одной области; мы—ваши соперники и конку-
ренты въ созданіи прекраснѣйшей драмы, какую можетъ создать одинъ
только истинный законъ; такова господствующая среди насъ на-
дежда. Не думайте, что мы съ легкимъ сердцемъ позволимъ (C)
вамъ, устроивъ на площади сцену и выведя прекрасноголосыхъ
актеровъ, которые заглушатъ насъ, говорить передъ дѣтьми и жен-
щинами и передъ всей народной толпой о томъ же самомъ, о чемъ
мы имъ говоримъ, но въ большинствѣ случаевъ противоположное
намъ. И мы и весь городъ были бы совершенными безумцами, (D)
если бы позволили вамъ дѣлать это, прежде чѣмъ наши власти
обсудятъ, допустимо ли ваше произведеніе, и полезно ли, чтобы народъ
слушалъ его, или нѣтъ. Итакъ, потомки нѣжныхъ Музъ, покажите
сначала властямъ ваши пѣсни, чтобы они могли сравнить ихъ съ
нашими; если окажется, что въ нихъ говорится то же, или даже
лучше, мы дадимъ вамъ хоръ, въ противномъ же случаѣ, друзья,
мы не можемъ этого сдѣлать“.

Таковы должны быть закрѣпленные обычаи хоровой орга- (E)
низаціи и преподаванія указанныхъ вещей, причемъ постановленія
о рабахъ отличны отъ постановленій, относящихся къ свободнымъ
людямъ. Согласны ли вы съ этимъ?

Кл. Почему бы намъ не согласиться?

20. Аѳ. Для свободныхъ есть еще три науки: одна—счетъ и
ученіе о числахъ, другая—измѣреніе длины, плоскости и глубины, какъ
одно цѣлое, третья о движеніи свѣтилъ по отношенію другъ (818)
къ другу. Все это не надо изучать въ точности большинству людей,
и только немногимъ—кому именно, мы скажемъ, подойдя къ концу
бесѣды; тамъ будетъ умѣстно объ этомъ сказать. А необходимаго
для большинства и еще въ другомъ, болѣе точномъ смыслѣ назы-
ваемаго необходимымъ, не знать позорно, а изслѣдовать въ точ-
ности нелегко и даже совсѣмъ невозможно. Той непреложности,
которая въ этихъ наукахъ заключается, нельзя устранить. Это, вѣ-
роятно, и имѣлъ въ виду авторъ пословицы о богѣ, когда ска- (B)
залъ, что противъ необходимости не борется и самъ богъ; т. е.
противъ тѣхъ видовъ необходимости—хотѣлъ онъ, вѣроятно, ска-
зать - которые связываютъ и бога, а большинство, употребляя эту
пословицу, имѣетъ въ виду необходимость относящуюся къ людямъ,
и тогда это изреченіе оказывается самымъ нелѣпымъ изъ всѣхъ.

Кл. Какіе же виды необходимости въ наукахъ, чужестранецъ,
относятся не къ людямъ, а къ богамъ?

Аѳ. Я думаю, такія, не создавая которыхъ богъ не можетъ
быть богомъ, не зная которыхъ никто не можетъ стать ни (C)

демономъ ни героемъ, пекущемся о людяхъ. И человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ стать богоподобнымъ, если отъ не различаетъ единицу, двойку и тройку и вообще четныя и нечетныя числа, если онъ совсѣмъ не умѣетъ считать, вычислить ночь и день и незнакомъ съ движеніями луны, солнца и другихъ свѣтилъ. Нелѣпа уже самая мысль, что эти науки не необходимы для (D) желающаго впослѣдствіи узнать чтобы то ни было изъ самыхъ прекрасныхъ наукъ. А какова каждая изъ нихъ, сколько ихъ, когда ихъ надо изучать, что вмѣстѣ съ чѣмъ и, что отдѣльно отъ остального, въ какой связи находятся онѣ между собою, все это надо сначала правильно понять, а затѣмъ приступать къ изученію остального подъ руководствомъ этихъ наукъ. Такъ здѣсь по самой природѣ господствуетъ непреложность, съ которой, какъ мы говоримъ, и теперь не борется ни одинъ богъ, и никогда не (E) будетъ бороться.

К л. Повидимому, чужестранецъ, то, что ты сейчасъ говоришь, правильно сказано и согласно съ природой.

А ѳ. Это такъ и есть, Клиній, но трудно, начавъ съ этого, устанавливать законы о научномъ образованіи; но, если ты согласенъ, мы впослѣдствіи точно узаконимъ это.

К л. Повидимому, чужестранецъ, ты боишься нашего обычнаго невѣжества въ этихъ вещахъ; твой страхъ неоснователенъ. Попытайся же говорить, ничего не скрывая изъ такого опасенія.

А ѳ. Дѣйствительно, я боюсь и этого, но еще больше (819) боюсь людей, занимающихся этими науками, но занимающихся плохо. Нѣтъ ничего опаснаго и страшнаго въ полномъ невѣжествѣ, оно еще не является самымъ большимъ несчастьемъ; гораздо большее бѣдствіе, когда человѣкъ много знаетъ и многому учился, но подъ дурнымъ руководствомъ.

К л. Ты правъ.

21. А ѳ. Мы скажемъ, что свободные люди должны столько знать въ каждой изъ этихъ наукъ, насколько въ Египтѣ обучаютъ этому вмѣстѣ съ азбукой даже многочисленную толпу дѣтей. Прежде (B) всего для дѣтей изобрѣтены способы обученія счету среди забавы и игры: напримѣръ, дѣлежъ яблокъ и вѣнковъ то между большимъ, то между меньшимъ числомъ людей, но всегда поровну, выступленіе кулачныхъ борцовъ и бойцовъ и соединеніе ихъ въ пары по очереди и по порядку или случайное. Кромѣ того, въ шутку смѣшавъ чаши золотыя, мѣдныя, серебряныя и другія, они всѣ ихъ (C) распредѣляютъ между собою различнымъ образомъ. Такъ въ игру входятъ, какъ я сказалъ, употребленіе необходимыхъ чиселъ, и это впослѣдствіи приноситъ пользу учащимся для построенія и движенія войска, для высшей службы и домашняго хозяйства, вообще дѣлаетъ людей болѣе полезными самимъ себѣ и болѣе живыми. Послѣ этого путемъ измѣренія всего, что имѣетъ длину, ширину и глубину, они избавляются отъ смѣшного и позорнаго невѣ- (D) жества, присущаго отъ природы всѣмъ людямъ въ этой области.

К л. Какое невѣжество имѣешь въ виду?

А ѳ. Милый Клиній, я самъ лишь поздно понялъ, въ какомъ состояніи мы находимся, и былъ пораженъ. Оно показалось мнѣ свойственнымъ не людямъ, а скорѣе свиньямъ, и я почувствовалъ стыдъ не только за себя, но и за всѣхъ эллиновъ. (E)

К л. Почему? говори, что ты хочешь этимъ сказать, чужестранецъ?

А ѳ. Хорошо, я скажу, или лучше выясню тебѣ это путемъ вопросовъ. Отвѣть мнѣ кое что. Ты знаешь, вѣроятно, что такое длина!

К л. Конечно.

А ѳ. А ширина?

К л. Несомнѣнно.

А ѳ. И что это—два измѣренія, а третье—глубина?

К л. Какъ же.

А ѳ. Кажутся ли тебѣ онѣ всѣ соизмѣримыми другъ съ другомъ.

К л. Да.

А ѳ. Я хочу сказать, что длину естественно можно соизмѣрять съ длиной и ширину съ шириной, и также глубину. (820)

К л. Очевидно, это легко.

А ѳ. А если это иногда ни легко ни трудно, но въ однихъ случаяхъ возможно, въ другихъ нѣтъ, а ты думаешь, что это всегда возможно, что же надо думать о твоихъ познаніяхъ въ этой области?

К л. Ясно, что они плохи.

А ѳ. А соизмѣрима ли длина и ширина съ глубиной, или ширина съ длиной? Развѣ всѣ мы эллины не думаемъ, что онѣ какимъ то образомъ соизмѣримы?

К л. Безусловно.

А ѳ. Если же это совершенно невозможно, а эллины, (B) какъ я сказалъ, думаютъ, что возможно, не слѣдуетъ ли за нихъ стыдиться и сказать имъ: „милѣйшіе эллины, это—одна изъ тѣхъ вещей, не знать которыхъ, какъ мы сказали, позорно, а знать—не такая уже большая заслуга, такъ какъ это необходимо“?

К л. Конечно.

А ѳ. Кромѣ этого, есть еще много другихъ подобныхъ же вещей, при которыхъ мы дѣлаемъ похожія на эту ошибку. (C).

К л. Какія же?

А ѳ. Объясненіе, почему однѣ величины соизмѣримы между собою, другія несоизмѣримы. Это необходимо изслѣдовать и знать, иначе будешь совершенно невѣжественнымъ человѣкомъ. Такія задачи надо всегда предлагать другъ другу; состязаться между собою въ такомъ достойномъ занятіи будетъ гораздо болѣе пріятнымъ провожденіемъ времени для стариковъ, чѣмъ игра въ шашки. (D)

К л. Можетъ быть; повидимому, однако, разница между шашками и этими науками не очень велика.

А ѳ. Итакъ, я говорю, Клиній, что молодежь должна изучать

эти предметы; они невредны и нетрудны; будучи усваиваемы путемъ игры, они принесутъ пользу и не причинятъ нашему городу никакого вреда. Если же кто нибудь утверждаетъ противное, надо его выслушать.

Кл. Конечно.

Аѳ. Если окажется, что мы правы, мы, очевидно примемъ это, въ противномъ случаѣ, отвергнемъ.

Кл. Очевидно; какъ же иначе? (E)

Аѳ. Такъ не включить ли, чужестранецъ, это въ число необходимыхъ предметовъ преподаванія, чтобы не оставалось пробѣла въ нашемъ законодательствѣ, но лишь въ качествѣ временной мѣры, чтобы можно было отдѣлить ее отъ всего остального государственнаго устройства, если она не удовлетворитъ или меня предложившаго ее, или васъ, принявшихъ.

Кл. Ты дѣлаешь правильное предложеніе.

22. Аѳ. Посмотри теперь, понравится ли тебѣ изученіе астрономіи, какое я предлагаю.

Кл. Говори.

Аѳ. Тутъ происходитъ странная вещь и совершенно нетерпимая,

Кл. Что именно?

Аѳ. Мы запрещаемъ изслѣдовать природу величайшаго (821) бога и міра и слишкомъ много заниматься изысканіемъ причинъ всего—такъ какъ это будто бы нечестиво—а я думаю, какъ разъ обратное было бы правильно.

Кл. Что ты хочешь сказать?

Аѳ. Мои слова неожиданны, и можно сказать, что они не подобаютъ старику; но если человѣкъ считаетъ, что какая нибудь наука прекрасна и истинна, полезна государству и безусловно угодна богу, то ему совершенно невозможно не говорить о ней. (B)

Кл. Это—правда, но какія изъ этихъ качествъ мы найдемъ въ астрономіи?

Аѳ. Друзья, всѣ мы эллины теперь, такъ сказать, говорили неправду о великихъ богахъ, о Солнцѣ и Лунѣ.

Кл. Какую же неправду?

Аѳ. Мы говоримъ, что они, а вмѣстѣ съ ними и нѣкоторыя другія свѣтила, никогда не движутся по одному и тому же пути, и мы называемъ ихъ „блуждающими“. (C)

Кл. Дѣйствительно, чужестранецъ, это такъ. Я и самъ въ своей жизни не разъ видѣлъ, что утренняя и вечерняя звѣзда и нѣкоторыя другія никогда не идутъ по одному и тому же пути, но повсюду блуждаютъ. То же дѣлаютъ и солнце и луна, какъ мы всѣ знаемъ.

Аѳ. Это самое и есть, Метиллъ и Клиній, что, по моему мнѣнію, должны узнать о небесныхъ богахъ наши граждане и юноши, чтобы перестать богохульствовать, но всегда говорить (D) объ этихъ предметахъ угодное богамъ, благочестиво принося жертвы и молясь имъ.

Кл. Это справедливо, если только возможно узнать то, о чемъ ты говоришь. Если же мы, дѣйствительно, теперь говоримъ объ этомъ неправильно, а изучивъ, будемъ говорить правильно, то и я согласенъ, что такой большой и важной наукой надо заниматься. Попытайся же основательно выяснить намъ, что это такъ, а мы будемъ стараться поучаться и слѣдовать за тобою.

Аѳ. Нелегко понять то, о чемъ я говорю, однако, и не (E) слишкомъ трудно, и на это не требуется очень долгаго времени. Доказательствомъ можетъ служить то, что я самъ уже немолодымъ и не такъ давно услышалъ объ этомъ, и теперь, вѣроятно, смогу въ короткое время изложить вамъ. Если бы это было трудно, я не былъ бы въ состояніи объяснить этого вамъ старикамъ, будучи къ тому же и самъ старикомъ.

Кл. Правда. Но что же ты скажешь объ этой наукѣ, которую ты называешь такой удивительной, и утверждаешь, что юноши (822) должны ее изучить, и что мы ея не знаемъ. Постарайся, какъ можно, лучше выяснить хотя бы это.

Аѳ. Постараюсь. Ошибочно, друзья, мнѣніе о лунѣ, солнцѣ и другихъ свѣтилахъ, будто они блуждаютъ. На самомъ дѣлѣ происходитъ какъ разъ обратное: каждое изъ нихъ движется по одному пути, а не по многимъ; этотъ путь идетъ кругомъ и только кажется, что они движутся по многимъ путямъ; ошибочно самое быстрое изъ свѣтилъ кажется самымъ медленнымъ, и наоборотъ. (B) Что же, если это дѣйствительно такъ, какъ я говорю, а мы думаемъ иначе? Если бы въ Олимпіи при бѣгѣ лошадей или людей мы дѣлали бы то же и называли бы самаго быстраго самымъ медленнымъ, а самаго медленнаго самымъ быстрымъ и, составляя хвалебныя пѣсни, воспѣвали бы побѣжденнаго какъ побѣдителя, то, я думаю, наши похвалы были бы несправедливы и непріятны состязающимся, а между тѣмъ это касалось бы только людей. Теперь же, дѣлая ту же ошибку по отношенію къ богамъ, не должны ли (C) мы считать то, что тамъ было бы смѣшнымъ и ошибочнымъ, здѣсь нисколько несмѣшнымъ, но противнымъ богамъ, о которыхъ мы распространяемъ ложную молву.

Кл. Конечно, если только это такъ.

Аѳ. Итакъ, если мы докажемъ, что это такъ, то астрономію надо изучать, хотя бы въ такомъ объемѣ; если же этого доказать нельзя, то ее надо оставить. Не согласиться ли намъ такимъ образомъ?

Кл. Конечно.

23. Аѳ. Мы можемъ уже сказать, что постановленія относительно преподаванія наукъ кончены. Такъ же надо обсудить и охоту и все подобное. Повидимому, задача, лежащая передъ законодателемъ, не ограничивается тѣмъ, чтобы издать законы и успокоиться. Кромѣ законовъ существуетъ еще нѣчто другое, нѣчто среднее между увѣщаніемъ и закономъ; съ этимъ мы уже часто (E) встрѣчались въ нашей бесѣдѣ, напримѣръ, по поводу воспитанія совсѣмъ маленькихъ дѣтей. Мы говоримъ, что нельзя объ этомъ совсѣмъ умолчать, но было бы большимъ безразсудствомъ называть

высказанное по эту поводу закономъ. Когда законы и вся конституція такимъ образомъ записаны, не то является высшей похвалой для гражданина, что онъ хорошо исполняетъ законы и повинуется имъ; лучше та похвала, когда говорятъ, что всю свою жизнь пови- (823) нуется всему, что написалъ законодатель не только въ качествѣ закона, но и въ качествѣ похвалы или порицанія. Это—самая достойная похвала для гражданина; законодатель, дѣйствительно, долженъ писать не только законы, но, присоединять къ нимъ также совѣты относительно всего, что ему кажется красивымъ или неблаговиднымъ; а хорошій гражданинъ долженъ считаться съ этимъ совѣтомъ не меньше, какъ съ тѣмъ, за что въ законахъ назначены кары. То, что мнѣ предстоитъ сейчасъ сказать, я могу привести въ доказательство этого и такимъ образомъ выяснить мое мнѣніе. (B) Охота—понятіе широкое, теперь обыкновенно обнимаемое однимъ именемъ. Существуетъ много видовъ охоты на водяныхъ животныхъ, много на птицъ, особенно же много на животныхъ, обитающихъ на сушѣ, не только на животныхъ въ узкомъ смыслѣ, но и на человѣка, какъ, на войнѣ, такъ часто и изъ любви; иногда эта охота похвальная, иногда заслуживающая порицанія. Кражи и разбои, нападенія одного войска на другое, все это—виды охоты. Если законодатель захочетъ издать законы объ охотѣ, то ему съ одной стороны невозможно не выяснить (C) этого, съ другой невозможно все урегулировать и за все назначить наказанія. Какъ же надо поступить въ такомъ случаѣ? Законодатель долженъ хвалить и порицать отдѣльныя явленія, имѣющія мѣсто на охотѣ, съ точки зрѣнія упражненія и занятія молодежи. Юноша же долженъ слушать и повиноваться. Никакой соблазнъ и никакой предстоящій трудъ не долженъ уменьшать его послушанія; то, что предписывается съ присоединеніемъ похвалы, онъ долженъ уважать и исполнять даже больше, чѣмъ законы, грозящіе (D) наказаніемъ.

За этимъ предисловіемъ умѣстна будетъ соотвѣтствующая похвала и порицаніе охоты, похвала той охоты, какая дѣлаетъ лучшими души юношей, порицаніе противоположной. Мы обратимся къ юношамъ съ такимъ пожеланіемъ: „Друзья, пусть у васъ никогда не является страсти ни къ охотѣ на морѣ, ни къ уженію, ни вообще къ ловлѣ живущихъ въ водѣ животныхъ. Не занимайтесь праздной охотой съ крючками, ни бодрствуя, ни во время сна. И пусть (E) жажда охоты за людьми на морѣ и грабежа не сдѣлаетъ васъ жестокими и беззаконными охотниками. А взяться за воровство въ деревнѣ или въ городѣ пусть вамъ не приходитъ и на умъ. Пусть также любовь къ коварной охотѣ на птицъ, недостойная свободнаго человѣка, не овладѣваетъ никѣмъ изъ юношей. Нашимъ атлетамъ остается только охота на животныхъ, живущихъ на землѣ. Изъ различныхъ видовъ ея, однако, не заслуживаетъ похвалы тотъ, при которомъ участники по очереди спятъ, такъ называемая ночная охота, свой- (824) ственная лѣнивымъ людямъ; непохвальна также и та, при которой получается отдыхъ отъ работы, гдѣ мощь дикаго звѣря побѣждается при помощи сѣтей и силковъ, а не усилія и мужества. Остается

только одна самая прекрасная охота на четвероногихъ при помощи лошадей, собакъ и собственной силы; здѣсь надъ всѣми одерживаютъ верхъ, охотясь собственноручно при помощи бѣга, ударовъ и метанія, тѣ, кто стремится къ богоподобному мужеству“.

Сказанное является похвалой и порицаніемъ всѣхъ видовъ охоты, а законъ будетъ таковъ: этимъ, дѣйствительно, священ- (E) нымъ охотникамъ пусть никто не препятствуетъ охотиться, гдѣ и какъ они захотятъ. А ночному охотнику, полагающемуся на сѣти и силки, пусть никто, никогда и нигдѣ не позволяетъ охотиться; птицелову пусть не препятствуютъ охотиться въ ненаселеннымъ мѣстахъ и на горахъ, а въ населенныхъ и въ тѣхъ изъ дикихъ мѣстъ, которыя посвящены богамъ, пусть препятствуетъ всякій встрѣчный; рыболовы могутъ охотиться вездѣ, кромѣ гаваней, священныхъ рѣкъ, болотъ и озеръ, если только они не примѣшиваютъ къ водѣ никакихъ жидкостей.

Теперь уже можно сказать, что всѣ постановленія относительно воспитанія окончены.

Кл. По справедливости, это можно сказать.

Аристотель.

Отрывки изъ произведенія

„Политика“.

Политика, кн. VII.

13.

1. Такъ какъ всякое государственное общеніе состоитъ изъ властвующихъ и подчиненныхъ, то слѣдуетъ разсмотрѣть, долженъ ли быть различнымъ, или тожественнымъ, образъ жизни тѣхъ и другихъ. Въ соотвѣтствіи съ тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ этого вопроса и воспитаніе тѣхъ и другихъ должно будетъ принять различный или тожественный характеръ. Если бы властвующіе отличались отъ подчиненныхъ настолько же, насколько, по нашему представленію, отличаются боги и герои отъ людей, превосходящіе послѣднихъ, прежде всего своими физическими свойствами, а затѣмъ и психическими, и если бы, такимъ образомъ, съ несомнѣнною ясностью можно было констатировать превосходство властвующихъ надъ подчиненными, то, очевидно, было бы лучше предоставить однимъ и тѣмъ же людямъ—однимъ всегда властвовать, другимъ разъ на всегда быть въ подчиненіи. 2. Но согласиться съ такою постановкою вопроса нелегко, да и фактически дѣло обстоитъ далеко не такъ, какъ разсказываетъ Скилакъ касательно индусовъ, у которыхъ цари будто бы въ такой сильной степени превосходили своихъ подданныхъ. Такимъ образомъ, становится ясно, по многимъ причинамъ, что всѣмъ должно въ одинаковой степени принадлежать право на очередное участіе и во властвованіи и въ подчиненіи. Вѣдь въ этомъ и осуществлялось бы одно и то же равенство для равныхъ. Да и трудно было бы удержаться государственной организаціи, построенной на принципѣ, противорѣчащемъ понятію права: всѣ обитатели государственной территоріи, [не пользующіеся гражданскимъ равноправіемъ и] стремящіеся къ введенію новыхъ порядковъ, оказались бы заодно съ подчиненными, между тѣмъ—одна изъ невозможностей, чтобы члены правительства настолько превосходили своею численностью [всѣхъ остальныхъ], что они могли бы оказаться сильнѣе этихъ послѣднихъ. 3. Съ другой стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что властвующіе должны отличаться отъ подчиненныхъ. И дѣло законодателя дать этому реальное осуществленіе и устроить такъ, чтобы и тѣ и другіе при-

нимали участіе [и во властвованіи и въ подчиненіи]. Объ этомъ, впрочемъ, была уже рѣчь ранѣе. Сама природа установила это различіе: она сдѣлала одно и то же по своему происхожденію существо двоякимъ—одно болѣе молодымъ, другое болѣе зрѣлымъ. Однимъ изъ нихъ подобаетъ быть въ подчиненіи, другимъ—властвовать. Никто, считаясь съ соотвѣтствующимъ возрастомъ, не станетъ негодовать на то, что онъ находится [при данныхъ условіяхъ] въ подчиненіи, и не будетъ считать себя [въ данное время] болѣе могущественнымъ, разъ онъ знаетъ, что и онъ при другихъ условіяхъ получитъ свою долю въ „пиршествѣ“, именно когда достигнетъ соотвѣтственнаго возраста.

4. Итакъ можно утверждать, что при однихъ обстоятельствахъ одни и тѣ же, а при другихъ не одни и тѣ же должны властвовать и быть въ подчиненіи. Отсюда слѣдуетъ, что и воспитаніе [властвующихъ и подчиненныхъ], съ одной стороны, необходимо должно быть одно и то же, съ другой—различное. Говорятъ: кто хочетъ прекрасно повелѣвать, долженъ сначала научиться повиноваться. А всякая власть, какъ объ этомъ сказано было въ предшествующихъ разсужденіяхъ, можетъ осуществляться съ одной стороны въ интересахъ властвующаго, съ другой—въ интересахъ подчиненнаго; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду власть хозяина надъ рабами, во второмъ—власть надъ свободными. 5. ...Различіе нѣкоторыхъ приказаній заключается не въ результатахъ [ихъ исполненія], но въ тѣхъ мотивахъ, которыми эти приказанія были продиктованы. Поэтому многія изъ такихъ работъ, которыя, повидимому, должны быть исполняемы слугами, отлично могутъ быть дѣлаемы и свободорожденными молодыми людьми. Вѣдь наши дѣйствія отличаются сами по себѣ не столько тѣмъ, имѣютъ ли они въ виду прекрасное или не прекрасное, сколько тѣмъ, какова ихъ конечная цѣль, т. е. ради чего они совершаются. Такъ какъ, по нашему утвержденію, добродѣтель гражданина-правителя тожественна съ добродѣтелью наилучшаго человѣка, такъ какъ, далѣе, одинъ и тотъ же человѣкъ долженъ сначала быть въ подчиненіи, а затѣмъ властвовать, то задачею законодателя и было бы устроить дѣло такъ, чтобы люди были хорошими, указать, какой образъ дѣйствій ведетъ къ этому и въ чемъ заключается конечная цѣль наиболѣе добродѣтельной жизни.

6. Душа человѣка состоитъ изъ двухъ частей. Одна изъ нихъ обладаетъ разумомъ сама по себѣ, другая не обладаетъ разумомъ сама по себѣ, но способна прислушиваться къ его голосу. По нашему утвержденію, человѣкъ считается вообще хорошимъ въ зависимости отъ обладанія добродѣтелями обѣихъ этихъ частей. Всякому, кто согласенъ съ нашимъ раздѣленіемъ душевныхъ способностей, будетъ ясно признать, въ какой изъ обѣихъ частей души скорѣе должно искать конечную цѣль, [къ которой стремится человѣкъ]. Вѣдь всегда худшее существуетъ ради лучшаго, и этотъ принципъ въ одинаковой степени сказывается и въ томъ, что сдѣлано руками человѣка, и въ томъ, что создано природою—вездѣ

лучшимъ является то, что надѣлено разумомъ. 7. Разумъ, согласно принятому нами способу дѣленія, бываетъ двоякаго рода: разумъ практическій и разумъ теоретическій. Очевидно, точно также и та часть души, [которая не одарена разумомъ, но способна слѣдовать за нимъ], должна быть раздѣлена на двѣ части. Да и дѣятельность этой второй части души—мы должны утверждать и это—стоитъ въ соотвѣтственномъ отношеніи къ дѣятельности первой части души, [т. е. части, одаренной разумомъ]. И тѣ, кто способенъ вообще обладать обѣими частями души, должны отдать предпочтеніе дѣятельности той части души, которая лучше по своей природѣ. Вѣдь каждый всегда отдаетъ наибольшее предпочтеніе тому, достиженіе чего является для него высшею цѣлью.

8. Далѣе, вся жизнь человѣческая распадается на занятія и досугъ, на войну и миръ, а вся дѣятельность человѣка направлена частью на необходимое и полезное, частью—на прекрасное. Предпочтеніе здѣсь должно быть оказано то же самое, что и при [указанныхъ] частяхъ души и обусловленной ими дѣятельности: можно отдать предпочтеніе войнѣ ради мира, занятіямъ—ради досуга, необходимому и полезному—ради прекраснаго. 9. Со всѣмъ этимъ долженъ считаться политическій дѣятель, и его законодательная работа должна сообразоваться и съ частями души, и съ обусловленною ими дѣятельностью, а еще болѣе того она должна имѣть въ виду осуществленіе болѣе высокихъ цѣлей. Такимъ же точно образомъ законодатель долженъ поступать и при установленіи соотвѣтствующаго образа жизни и распорядка соотвѣтствующихъ занятій. Нужно, чтобы граждане имѣли возможность заниматься своими дѣлами и, [въ случаѣ надобности], вести войну, но, что еще предпочтительнѣе, наслаждаться миромъ и [правильно] пользоваться „досугомъ“, совершать все необходимое и полезное, а еще болѣе того—прекрасное. Имѣя въ виду эти цѣли, должно установить и соотвѣтственное воспитаніе для дѣтскаго и для остальныхъ возрастовъ, нуждающихся въ воспитаніи.

10. Тѣ эллинскія государства, которыя въ настоящее время пользуются, по общему мнѣнію, наилучшей организаціей, и тѣ законодатели, которые установили эту послѣднюю, повидимому, въ своихъ государственныхъ установленіяхъ преслѣдовали не наивысшую цѣль и не считались съ тѣмъ, чтобы введенные ими законы и установленный ими характеръ воспитанія преслѣдовали развитіе всѣхъ добродѣтелей. Эти законодатели, наоборотъ, довольно нелѣпо обратили все свое вниманіе на развитіе такихъ добродѣтелей, которыя, на первый взглядъ, сулятъ принести обладателямъ ихъ пользу и бо́льшую выгоду. Подобно этимъ законодателямъ, и нѣкоторые изъ тѣхъ, кто составляли проекты законовъ уже въ болѣе позднее время, держались того же самаго взгляда, что и первые: восхваляя строй лакедэмонскаго государства, они восхищаются тою цѣлью, какая была, въ свое время, поставлена себѣ его законодателемъ, именно приноровить все въ законодательной системѣ къ доставленію гражданамъ внѣшней силы и военныхъ

успѣховъ. 11. Такого рода взгляды обыкновенно легко опровергнуть логическими доводами, да они теперь опровергнуты и фактами. И подобно тому, какъ огромная масса людей стремится къ тому, чтобы достигнуть неограниченнаго господства надъ многими, что будто бы сильно способствуетъ внѣшнему счастью, такъ точно и Ѳибронъ, да и всѣ прочіе, кто писалъ о государственномъ строѣ лакедэмонянъ, съ нескрываемымъ восторгомъ относятся къ личности ихъ законодателя, указывая на то, что, благодаря закаленности лакедэмонянъ въ перенесеніи опасностей, они широко распространили свою власть. 12. Но въ настоящее время, когда лакедэмонской гегемоніи болѣе уже не существуетъ, всѣмъ ясно, что лакедэмоняне не могутъ быть названы счастливыми, да и законодатель ихъ вовсе не безупреченъ. И, однако, было бы смѣшно признавать, что они, оставаясь вѣрными его законодательству, при отсутствіи какихъ бы то ни было препятствій пользоваться установленными имъ законами, все-таки добровольно лишились возможности наслаждаться прекрасною жизнью. Равнымъ образомъ заблуждаются также и въ вопросѣ о характерѣ той власти, къ которой долженъ законодатель относиться съ почтеніемъ: вѣдь власть надъ свободными людьми болѣе прекрасна и болѣе соотвѣтствуетъ надъ свободными людьми власть надъ рабами. 13. Кромѣ того, нечего добродѣтели, нежели власть надъ рабами. 13. Кромѣ того, нечего признавать государство счастливымъ и восхвалять законодателя за то, что онъ „натаскалъ“ своихъ согражданъ достигнуть власти надъ сосѣдями, такъ какъ въ этомъ заключается большой вредъ [для самихъ гражданъ]. Вѣдь ясно, что тогда и каждый гражданинъ, по мѣрѣ возможности, долженъ пытаться стремиться къ тому, чтобы быть въ состояніи властвовать надъ своимъ собственнымъ государствомъ. А въ этомъ стремленіи лакедэмоняне какъ разъ обвиняютъ своего царя Павсанія, не взирая на всѣ его заслуги. Такимъ образомъ, ни одинъ изъ указанныхъ нами принциповъ, ни одинъ изъ указанныхъ нами законовъ, не заключаетъ въ себѣ ни государственной мудрости, ни пользы, ни истины. Напротивъ, законодатель долженъ стремиться внѣдрить въ души людей тотъ принципъ, что высшее благо и въ общественной и въ частной жизни—понятіе тожественное. 14. О военной же выправкѣ гражданъ нужно заботиться не ради того, чтобы они поработили недостойныхъ [свободы], но для того, чтобы прежде всего они сами не попали въ рабство къ другимъ, затѣмъ, чтобы они стремились достигнуть гегемоніи на пользу подвластнымъ, а не ради пріобрѣтенія „деспотической“ власти надъ всѣми, наконецъ, въ-третьихъ, чтобы они стремились къ „деспотической“ власти только надъ тѣми, кто достоинъ быть рабомъ. 15. И логическія соображенія, и фактическія данныя свидѣтельствуютъ въ пользу того, что законодатель долженъ преимущественно прилагать старанія къ тому, чтобы его законоположенія, касающіяся и военнаго дѣла и всего прочаго, имѣли въ виду доставить гражданамъ досугъ, [необходимый для государственной дѣятельности], и миръ. Вѣдь большинство государствъ, обращающихъ вниманіе лишь на военную подготовку, держатся, пока они

ведутъ войны, и гибнутъ, лишь только достигли господства. Подобно стали, они теряютъ свой закалъ во время мира. А виноватъ въ этомъ бываетъ законодатель, который не воспиталъ въ гражданахъ умѣнія пользоваться своимъ досугомъ.

16. Такъ какъ дли людей конечная цѣль, и въ ихъ государственномъ быту и въ ихъ частной жизни, оказывается тожественной, и такъ какъ, конечно, одно и то же назначеніе и у наилучшаго человѣка и у наилучшаго государственнаго строя, то ясно, что [въ государствѣ] должны быть налицо добродѣтели, способствующія достиженію досуга, [потребнаго для политической дѣятельности]; а, какъ неоднократно было указываемо, конечною цѣлью войны служитъ миръ, работы—досугъ. 17. Изъ добродѣтелей же ведутъ къ досугу и пользованію счастьемъ не только тѣ, которыя въ своемъ конечномъ результатѣ имѣютъ въ виду доставить этотъ досугъ, но и тѣ, конечный результатъ которыхъ заключается въ работѣ. Вѣдь для того, чтобы имѣть возможность наслаждаться досугомъ, нужно обладать многими предметами первой необходимости. Поэтому гражданамъ государства надлежитъ быть и умѣренными [въ своихъ требованіяхъ] и мужественными и закаленными. Пословица говоритъ: „нѣтъ досуга для рабовъ“, а тѣ, кто не умѣютъ храбро смотрѣть въ глаза опасности, становятся рабами нападающихъ на нихъ. 18. Итакъ, мужество и выносливость нужны для [приложенія ихъ къ] трудовой жизни [во время войны[, интеллектуальное развитіе нужно для того, чтобы пользоваться досугомъ [въ мирной жизни], умѣренность и справедливость должны проявляться и въ то и другое время, преимущественно же онѣ потребны для жизни мирной, обставленной досугомъ. Вѣдь война сама по себѣ содѣйствуетъ развитію справедливости и умѣренности, наслажденіе же благосостояніемъ и досугъ, сопровождаемый миромъ, скорѣе способствуютъ развитію въ людяхъ надменности. 19. Итакъ тѣ, чья дѣятельность проявляется въ наилучшихъ поступкахъ, кто наслаждается всѣмъ тѣмъ, что считается счастьемъ, должны обладать большою справедливостью и большою скромностью; и это приложимо, напримѣръ, даже къ такимъ людямъ, которые, по выраженію поэтовъ, обитаютъ на островахъ блаженныхъ. Такимъ людямъ, пожалуй, тѣмъ въ большей степени будутъ нужны развитой интеллектъ, умѣренность и справедливость, чѣмъ они проводятъ болѣе спокойную жизнь и въ изобиліи наслаждаются всякаго рода благами. Поэтому, очевидно, и государство, которое претендуетъ на то, чтобы стать счастливымъ и добродѣтельнымъ, должно обладать указанными добродѣтелями. Если непристойно вообще не умѣть пользоваться благами, то еще болѣе непристойно не умѣть пользоваться ими во время досуга, и это абсурдъ—будто хорошіе люди только тѣ, кто не имѣетъ досуга [для государственной дѣятельности], кто ведетъ войны, а тѣ, кто наслаждается миромъ и досугомъ,—рабы. 20. Слѣдовательно, развивать свою доблесть должно не такъ, какъ это дѣлается въ Лакедэмонѣ. Правда, лакедэмоняне, наравнѣ съ прочими греками, признаютъ величайшими одни и тѣ же блага, но отъ прочихъ грековъ они отличаются тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, достигнуть обладанія этими благами скорѣе возможно при посредствѣ опредѣленной добродѣтели. Но такъ какъ эти блага—нѣчто большее и наслажденіе ими также нѣчто большее, чѣмъ наслажденіе добродѣтелями... и, что чрезъ посредство ея, ясно изъ этого.

21. Но какимъ образомъ, при помощи какихъ средствъ можно достигнуть этого? Вотъ что нужно разсмотрѣть. Уже ранѣе мы установили, что для этой цѣли потребны природныя данныя, навыки и разумъ. Какими должны быть люди по своей природѣ, это опредѣлено выше. Остается, слѣдовательно, разсмотрѣть, должно ли начинать воспитаніе съ воспитанія разсудка или съ воспитанія навыковъ. И то и другое воспитаніе должно наисовершеннѣйшимъ образомъ гармонировать одно съ другимъ, такъ какъ не исключена возможность, что разумъ впадаетъ въ ошибку при опредѣленіи высшей пѣли, и то же самое можетъ произойти при воспитаніи навыковъ. 22. Здѣсь прежде всего ясно, что и въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, начало даетъ рожденіе и что цѣль [этого рожденія], въ свою очередь, является началомъ другой цѣли. Для насъ, [людей], разумъ и умъ—цѣль, къ которой стремится природное развитіе людей; поэтому-то мы и должны рожденіе человѣка и воспитаніе его навыковъ сообразовать съ этою цѣлью. 23. Далѣе, подобно тому, какъ душа и тѣло—два [начала, составляющихъ природу человѣка], такъ точно мы различаемъ и въ душѣ два элемента: элементъ, не имѣющій разума, и элементъ, одаренный разумомъ; и эти элементы, въ свою очередь, обладаютъ двумя свойствами, изъ которыхъ одно—наклонности, другое—умъ. И подобно тому, какъ возникновеніе тѣла предшествуетъ возникновенію души, такъ элементъ души, не имѣющій разума, образуется ранѣе элемента, одареннаго разумомъ. И это тоже не требуетъ доказательствъ: состояніе возбужденности, волевыя стремленія, а также проявленія страсти присущи даже новорожденнымъ дѣтямъ, между тѣмъ какъ разсудительность и мыслительныя способности, естественно, появляются у нихъ только съ ихъ ростомъ. Поэтому-то и забота о тѣлѣ должна предшествовать заботѣ о душѣ, а затѣмъ, послѣ тѣла, нужно позаботиться о воспитаніи наклонностей съ тѣмъ, чтобы воспитаніе ихъ послужило воспитанію ума, а воспитаніе тѣла—воспитанію души.

14.

1. Такъ какъ законодателю съ самаго начала надлежитъ обращать вниманіе на то, чтобы физическія силы воспитываемыхъ достигли высшаго совершенства, то прежде всего ему слѣдуетъ позаботиться о бракѣ, именно опредѣлить, когда браки должны заключаться и какимъ свойствамъ должны удовлетворять лица, вступаю-

щія въ брачное сожитіе. Законодатель долженъ при этомъ имѣть въ виду самихъ брачущихся, а также и возрастъ; брачущіеся должны подходить другъ къ другу по возрасту ихъ и ихъ потентность должна быть одинаково сильною: иначе выйдетъ такъ, что мужъ въ состояніи производить дѣтей, жена же не можетъ уже рожать, или наоборотъ—жена рожать можетъ, а мужъ импотентенъ. Подобнаго рода положеніе вызываетъ взаимное раздраженіе и раздоры. 2. Затѣмъ законодателю нужно принимать въ расчетъ то время, когда дѣти должны заступать мѣсто родителей: не слѣдуетъ допускать слишкомъ большой разницы въ годахъ между отцомъ и дѣтьми, потому что въ такомъ случаѣ, съ одной стороны, утратило бы свое значеніе то чувство признательности, на которое вправѣ расчитывать отцы [въ ихъ преклонные годы] отъ своихъ дѣтей, а, съ другой стороны, отцы не могли бы быть полезными своимъ дѣтямъ. Но не слѣдуетъ допускать и того, чтобы отцы и дѣти, по возрасту, были слишкомъ близки между собою: эта близость возрастовъ представляетъ большое неудобство, потому что, съ одной стороны, въ такомъ случаѣ дѣти, какъ почти сверстники своихъ отцовъ, питаютъ къ послѣднимъ чувство почтенія въ меньшей степени, а, съ другой стороны, и въ домашнемъ обиходѣ возникаетъ тогда много поводовъ ко всякаго рода распрямъ. Наконецъ, возвращаясь къ нашей исходной точкѣ зрѣнія, законодатель долженъ постоянно помнить о томъ, чтобы физическія свойства рождаемыхъ дѣтей соотвѣтствовали его, законодателя, предначертаніямъ.

3. Почти всего этого можно достигнуть, если обратить вниманіе на слѣдующаго рода вспомогательное обстоятельство: крайній предѣлъ половой потентности ограниченъ для мужчинъ, круглымъ счетомъ, семьюдесятью годами ихъ жизни, для женщинъ—пятьдесятью; поэтому и начало поры брачнаго сожитія должно соотвѣтствовать обоимъ указаннымъ срокамъ. 4. Ранніе браки въ отношеніи дѣторожденія неблагопріятны. И у всѣхъ животныхъ приплодъ отъ молодыхъ производителей бываетъ слабый, рождаются большею частью самки и притомъ низкорослыя. То же самое, конечно, должно находить себѣ приложеніе и по отношенію къ людямъ. Да это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ распространены ранніе браки, населеніе отличается слабой физической организаціей и бываетъ низкорослымъ. Сверхъ того, во время родовъ молодыя женщины страдаютъ сильнѣе и очень многія изъ нихъ погибаютъ. Оттого-то нѣкоторые связываютъ съ этимъ фактомъ данное трезэнцамъ предсказаніе оракула, которое нужно относить именно къ тому, что у нихъ много молодыхъ женщинъ погибало вслѣдствіе ихъ ранняго замужества, а не къ собиранію плодовъ. 5. И ради внѣдренія скромности полезно выдавать замужъ дѣвушекъ, когда онѣ будутъ постарше, такъ какъ, вступивъ въ половыя сношенія въ періодъ ранней молодости, онѣ проявляютъ при этомъ большую невоздержность. Къ тому же физическія силы молодыхъ людей, приступающихъ къ совершенію полового акта въ періодъ созрѣванія сѣмени, задерживаются, повидимому, въ своемъ развитіи, такъ какъ и для созрѣванія сѣмени нужно опредѣленное время, по истеченіи котораго это созрѣваніе прекращается. 6. Въ виду всѣхъ указанныхъ соображеній всего бы болѣе подходило дѣвушкамъ вступать въ бракъ въ 18-лѣтнемъ возрастѣ, а мужчинамъ въ 37 лѣтъ или немногимъ раньше. При заключеніи браковъ въ этомъ возрастѣ физическія силы брачущихся будутъ въ самой порѣ расцвѣта, и такой разсчетъ отлично совпадетъ для супруговъ съ тѣмъ періодомъ, когда ихъ половая потентность прекращается. Сверхъ того, и то время, когда дѣти вступаютъ въ самостоятельный періодъ жизни, какъ разъ придется на эту пору, такъ какъ тогда дѣти окажутся именно въ періодѣ ихъ расцвѣта (при томъ, конечно, предположеніи, что бракъ тотчасъ же будетъ плодороднымъ), между тѣмъ какъ отцы начнутъ въ то время къ 70 ти годамъ ихъ жизни, уже слабѣть.

7. Итакъ, о времени заключенія брака мы сказали. Что же касается наиболѣе подходящаго для этого времени года, то тутъ можно слѣдовать обычно установившейся практикѣ: и мы можемъ признать зиму наиболѣе пригоднымъ временемъ для вступленія въ брачное сожительство. Супругамъ, впрочемъ, слѣдуетъ по вопросамъ своей половой жизни считаться съ наставленіями врачей и натурфилософовъ, такъ какъ первые могутъ дать надлежащіе совѣтм по части благопріятныхъ моментовъ въ развитіи физическихъ силъ супруговъ, а послѣдніе могутъ сообщить свѣдѣнія объ [ожидаемыхъ въ это время] вѣтрахъ, (сѣверные вѣтры въ этомъ отношеніи рекомендуются натурфилософами предпочтительно предъ южными).

8. Что касается того, какія физическія свойства родителей могли бы оказаться наиболѣе полезными для производимаго ими потомства, то подробное обсужденіе этого вопроса должно относиться скорѣе къ области педономіи; но общія указанія на этотъ счетъ умѣстно дать и здѣсь.

Для нормальнаго физическаго состоянія гражданина [какъ такового], для его здоровья и для его производительныхъ силъ, какъ отца вовсе не надо обладать физическою мощью атлетовъ; съ другой стороны, не подходятъ тутъ и люди съ слишкомъ нѣжнымъ тѣлосложеніемъ, не могущіе выносить тяжелой работы; нужно придерживаться въ данномъ случаѣ средины между обѣими крайностями. Организмъ [гражданина] долженъ быть развитъ, но не посредствомъ изнурительныхъ упражненій, и развитіе это не должно быть направлено въ одну сторону, какъ-то бываетъ съ атлетами; при развитіи организма гражданина слѣдуетъ имѣть въ виду ту дѣятельность, [которая является характернымъ отличіемъ] свободорожденныхъ людей. Это относится одинаково какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. 9. Беременныя женщины также должны наблюдать за своимъ организмомъ, онѣ не должны предаваться ничегонедѣланью, не должны питаться тяжелою пищею. Первому легко можетъ оказать содѣйствіе законодатель путемъ изданія соотвѣтствующихъ предписаній—ходить въ опредѣленные дни для отправленія религіозныхъ обрядовъ въ честь родовспомогательныхъ божествъ [въ

святилища послѣднихъ]. Духовная жизнь [беременныхъ женщинъ], въ противоположность ихъ физической жизни, должна быть обставлена болѣе спокойно: вѣдь плодъ, который онѣ носятъ въ себѣ, питается отъ женщины такъ же, какъ растенія питаются отъ почвы, изъ которой они произрастаютъ.

10. По вопросамъ, связаннымъ съ „опорочиваніемъ“ новорожденныхъ дѣтей и ихъ кормленіемъ, пусть въ силѣ будетъ тотъ законъ, что ни одного калѣку-ребенка кормить не слѣдуетъ. Что же касается числа дѣтей, то въ томъ случаѣ, если установившіеся обычаи воспрещаютъ „опорочиваніе“ кого-либо изъ новорожденныхъ, оно и не должно имѣть мѣста, такъ какъ количество дѣторожденій при этомъ все-таки строго опредѣлено. Если же у состоящихъ въ супружескомъ сожитіи долженъ родиться ребенокъ сверхъ этого положеннаго числа, то слѣдуетъ прибѣгнуть къ аборту, прежде, чѣмъ зародышъ вполнѣ созрѣлъ; преступленіемъ противъ божескихъ законовъ и государственныхъ установленій будетъ [совершеніе аборта въ томъ случаѣ], если зародышъ уже вполнѣ созрѣлъ.

11. Установивъ тотъ начальный возрастъ для мужчины и женщины, съ котораго они могутъ вступать въ брачное сожительство, должно опредѣлить и тотъ предѣльный срокъ, до котораго имъ подобаетъ отправлять, въ интересахъ государства, ихъ супружескія обязанности. Потомство перезрѣлыхъ родителей, такъ же какъ и потомство слишкомъ молодыхъ, появляется на свѣтъ, и въ физическомъ и въ интеллектуальномъ отношеніи, несовершеннымъ, а потомство престарѣлыхъ родителей— слабымъ. Поэтому (лучше всего опредѣлить этотъ предѣльный срокъ), сообразуясь съ порою расцвѣта интеллектуальныхъ способностей человѣка. Эта пора у большинства людей, по указанію нѣкоторыхъ поэтовъ, измѣряющихъ человѣческую жизнь по „седмицамъ“, совпадаетъ съ пятидесятилѣтнимъ возрастомъ. 12. Такимъ образомъ, кто переступилъ этотъ возрастъ на 4—5 лѣтъ, тотъ долженъ отказаться отъ „явнаго“ дѣтопроизводства, и можетъ продолжать, въ остальное время жизни, отправленіе супружескихъ обязанностей лишь въ интересахъ своего здоровья или тому подобной причины. А что касается посторонникъ связей мужа или жены, то такія связи нигдѣ и никоимъ образомъ вообще не признаются благопристойными, пока существуетъ то, что называется законнымъ бракомъ. И если кто-либо будетъ изобличенъ въ преступной связи въ теченіе [законнаго] періода дѣтопроизводства, то виновный долженъ понести за свой проступокъ соотвѣтствующее его положенію, какъ гражданина, наказаніе, [т. е. онъ долженъ подвергнуться лишенію гражданскихъ правъ].

15.

1. Большое различіе, нужно полагать, существуетъ въ способахъ питанія новорожденныхъ дѣтей для укрѣпленія ихъ физическихъ силъ. Наблюденія надъ животными, равно какъ и надъ племенами, поставившими своею главною заботою развитіе въ себѣ воинственнаго темперамента, показываютъ, что обильное питаніе молокомъ всего лучше укрѣпляетъ физическія силы дѣтей, и что вино, какъ напитокъ, могущій повлечь за собою заболѣванія, должно быть совершенно вычеркнуто [изъ числа питательныхъ для дѣтей веществъ]. 2. Полезно также движеніе, поскольку оно совмѣстимо вообще со столь нѣжнымъ возрастомъ. Чтобы избѣжать могущихъ быть при этомъ вывиховъ нѣжныхъ членовъ тѣла, нѣкоторыя племена пользуются въ данномъ случаѣ и въ настоящее время нѣкоторыми механическими приспособленіями, предохраняющими тѣла малышей отъ поврежденій. Полезно тотчасъ же, съ малыхъ лѣтъ, пріучать дѣтей къ холоду: это—отличнѣйшее средство и для здоровья и для [закала въ] воинской дѣятельности. Поэтому-то у многихъ варваровъ существуетъ обычай купать новорожденныхъ дѣтей въ холодной водѣ; другія племена, напримѣръ, кельты, завертываютъ дѣтей въ холодныя одѣяла. 3. Вообще все, къ чему можно пріучить ребенка, лучше пріучать его непосредственно „съ пеленокъ“, но пріучать постепенно. То обстоятельство, что въ организмѣ дѣтей содержится больше животной теплоты, отлично способствуетъ закаливанію ихъ къ холоду.

Итакъ, вотъ какія и тому подобныя заботы полезно прилагать къ дѣтямъ въ начальный періодъ ихъ роста.

4. Въ слѣдующую затѣмъ пору возраста, до 5 лѣтъ, когда, понятно, не годится еще начинать обучать чему-либо ребенка, ни обременять его какою-либо работою, которая могла бы помѣшать его росту, слѣдуетъ дозволять ему столько движенія, сколько является потребнымъ для того, чтобы организмъ не оставался въ бездѣйствіи. Для этой цѣли нужно занимать ребенка какъ другими, [подходящими его возрасту], занятіями, такъ и играми; однако, игры эти должны соотвѣтствовать достоинству свободорожденнаго человѣка, не должны слишкомъ утомлять ребенка и быть разнузданными. 5. Что касается разсказовъ и сказокъ, слушать которые умѣстно въ соотвѣтственномъ дѣтскомъ возрастѣ, то о выборѣ ихъ надлежитъ озаботиться тѣмъ магистратамъ, которые зовутся пэдономами. Все это должно служить какъ бы преддверіемъ для послѣдующихъ занятій; поэтому и игры дѣтей должны подражать тому, чѣмъ они будутъ заниматься всерьезъ впослѣдствіи. 6. Совершенно неосновательно воспрещаютъ нѣкоторые законодатели дѣтямъ громкій крикъ и плачъ—и то и другое содѣйствуетъ ихъ росту и является для ихъ организма своего рода гимнастикой: задерживаніе дыханія развиваетъ силу при работѣ, а это и бываетъ съ дѣтьми, когда они надрываются крикомъ. Пэдономамъ слѣдуетъ наблюдать

вообще за тѣмъ, какъ проводятъ время дѣти, такъ же и за тѣмъ, чтобы они какъ можно меньше оставались въ обществѣ рабовъ; въ этомъ возрастѣ, т. е. отъ пяти до семи лѣтъ, дѣти должны воспитываться въ домашней обстановкѣ. 7. Само собою разумѣется, слѣдуетъ отстранять отъ ушей и глазъ дѣтей, когда они находятся въ малолѣтнемъ возрастѣ, все то, что не соотвѣтствуетъ достоинству свободорожденнаго человѣка. Да и вообще законодатель долженъ удалить изъ государства всякаго рода сквернословіе и т. п., потому что изъ привычки такъ или иначе сквернословить развивается и склонность къ совершенію дурныхъ поступковъ. Въ особенности нужно не допускать сквернословія въ среду молодежи; надо, чтобы они не говорили сами и не слышали отъ другихъ чего-либо подобнаго. Если же все-таки обнаружится, что кто-либо говоритъ или дѣлаетъ то, что запрещено, то свободорожденнаго человѣка, но не зачисленнаго еще въ сисситіи, должно подвергать бичеванію, а если онъ уже старше этого возраста, то лишать его гражданскихъ правъ, такъ какъ подобнаго рода проступки, допустимые лишь среди рабовъ, несовмѣстимы съ достоинствомъ свободнаго человѣка.

8. Разъ мы не допускаемъ въ государствѣ непотребныхъ разговоровъ, то, очевидно, не должно дозволять въ немъ и выставокъ непристойныхъ картинъ или представленій неприличныхъ пьесъ. Такимъ образомъ, начальствующія лица должны прилагать заботы о томъ, чтобы никакая статуя или картина не представляли собою воспроизведеніе чего-либо непристойнаго, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда законъ допускаетъ, въ культѣ извѣстныхъ божествъ, такого рода непристойности. Отправлять такіе культы законъ, впрочемъ, дозволяетъ лишь лицамъ, достигшимъ опредѣленнаго возраста, притомъ къ участію въ нихъ допускаются какъ мужчины, такъ и дѣти и женщины.

9. Закономъ должно быть воспрещено молодымъ людямъ присутствовать, въ качествѣ зрителей, на представленіяхъ ямбовъ и комедій до тѣхъ поръ, пока они не достигнутъ возраста, въ которомъ имъ дозволено принимать участіе въ сисситіяхъ и въ попойкахъ: можно надѣяться, что полученное ими къ тому времени воспитаніе сдѣлаетъ всѣхъ ихъ невоспріимчивыми къ проистекающему отъ подобнаго рода зрѣлищъ вреду. Теперь мы о всемъ этомъ говоримъ мимоходомъ; потомъ же нужно будетъ подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ и точнѣе опредѣлить, не слѣдуетъ-ли вообще воспретить [молодежи посѣщеніе театра], а если этого дѣлать и не слѣдуетъ, то какимъ путемъ можно обойти встрѣчающіеся при этотъ различнаго рода спорные пункты. Теперь мы затронули этотъ вопросъ постольку, поскольку оно представлялось необходимымъ. 10. Впрочемъ, можетъ быть, актеръ-трагикъ Ѳеодоръ не плохо высказывался въ такомъ родѣ, что онъ никогда не дозволялъ ни одному актеру, даже и изъ числа второстепенныхъ, выступать на сценѣ ранѣе его, Ѳеодора, такъ какъ зрители, [замѣчалъ онъ], настраиваются соотвѣтственно тому, что всего прежде достигаетъ ихъ слуха. То же самое можетъ быть приложимо и къ нашему общенію съ людьми и съ окружающими насъ предметами: мы всегда больше любимъ наши первыя впечатлѣнія. Поэтому-то должно и молодежь оберегать отъ соприкосновенія со всѣмъ дурнымъ, въ особенности съ тѣмъ, въ чемъ заключается что-либо низменное или что разжигаетъ дурныя страсти.

По истеченіи пятилѣтняго возраста, слѣдующіе два года до семи лѣтъ, дѣти должны уже присутствовать на урокахъ по тѣмъ предметамъ, которые имъ потомъ придется изучать самимъ. 11. Все воспитаніе должно быть раздѣлено, по степенямъ возраста, на два класса: 1) отъ семилѣтняго возраста до наступленія половой зрѣлости и 2) отъ наступленія половой зрѣлости до 21 года. Обычный способъ дѣленія возрастовъ человѣческой жизни по седьмицамъ, можетъ быть, и не плохъ, но все-таки и при этомъ дѣленіи слѣдуетъ сообразоваться съ природою.

Всякое искусство, въ томъ числѣ и искусство воспитанія, имѣетъ цѣлью восполнить то, чего недостаетъ отъ природы. Итакъ, прежде всего надлежитъ разсмотрѣть, слѣдуетъ ли такъ или иначе урегулировать воспитаніе дѣтей, затѣмъ, полезнѣе ли вручать заботу о немъ государству, или же предоставлять воспитаніе дѣтей частной иниціативѣ (этотъ послѣдній способъ практикуется и теперь въ большей части государствъ), и, наконецъ, въ-третьихъ, въ чемъ забота о воспитаніи должна выражаться.

К Н. VIII.

1.

1. Врядъ ли кто будетъ сомнѣваться въ томъ, что законодатель долженъ отнестись съ исключительнымъ вниманіемъ къ воспитанію молодежи, такъ какъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ этотъ предметъ находится въ пренебреженіи, и самый государственный строй терпитъ отъ того ущербъ. Вѣдь для каждой формы государственнаго строя соотвѣтственное воспитаніе—предметъ первой необходимости: каждая форма государственнаго строя отличается присущимъ ей характеромъ, который обыкновенно и служитъ къ сохраненію самаго строя и опредѣляетъ его изначала, какъ, напримѣръ, демократическій характеръ строя—демократію, олигархическій—олигархію. И всегда наилучшій характеръ государственнаго строя обусловливаетъ собой и болѣе высокую его форму. 2. Далѣе, всѣ [прирожденныя] способности (человѣка), всякое практическое примѣненіе ихъ для соотвѣтственной каждой изъ нихъ работѣ нуждаются въ предварительномъ воспитаніи и въ предварительномъ приноравливаніи. Очевидно, все это необходимо и для проявленія дѣятельности въ духѣ добродѣтели. А такъ какъ все государство въ его цѣломъ

имѣетъ въ виду одну конечную цѣль, то, ясно, для всѣхъ гражданъ нужно тожественное воспитаніе, и забота объ этомъ воспитаніи должна быть заботою государственною, а не дѣломъ частной иниціативы. Теперь всякій печется о воспитаніи своихъ дѣтей по своему, каждый и учитъ ихъ по своему, какъ ему вздумается. На дѣлѣ же, то, что имѣетъ въ виду общій интересъ, должно быть и дѣлаемо сообща. Не слѣдуетъ, сверхъ того, думать, будто каждый гражданинъ—самъ по себѣ; нѣтъ, всѣ граждане принадлежатъ государству, потому что каждый изъ нихъ является частицей государства. А забота о каждой частицѣ, естественно, должна имѣть въ виду попеченіе о всемъ цѣломъ, вмѣстѣ взятомъ. 3. Въ этомъ отношеніи можно одобрить лакедэмонянъ: они прилагаютъ очень большія заботы о воспитаніи дѣтей, и оно носитъ у нихъ общегосударственный характеръ.

Итакъ, ясно, должны существовать узаконенія, касающіяся воспитанія и послѣднее должно быть общимъ. Но нельзя оставить безъ вниманія и того, что вобще представляетъ собою воспитаніе и какъ оно должно быть организовано. Въ настоящее время на этотъ счетъ существуютъ различныя точки зрѣнія: не всѣ согласны въ томъ, нужно ли вести обученіе молодыхъ людей, въ цѣляхъ воспитать въ нихъ добродѣтель, или же [вести это воспитаніе такъ], чтобы молодые люди могли достигнуть наибольшаго счастья; не выяснено также и то, на что нужно обращать при воспитаніи преимущественное вниманіе, на развитіе ли интеллектуальныхъ способностей, или на развитіе нравственныхъ качествъ. 4. Вслѣдствіе такой неустойчивости во взглядахъ на современное воспитаніе и обсужденіе [связанныхъ съ нимъ вопросовъ] является сумбурнымъ, и остается совершено невыясненнымъ, нужно ли развивать въ дѣтяхъ тѣ ихъ душевныя свойства, которыя имъ не пригодятся въ практической жизни, или тѣ, которыя имѣютъ въ виду добродѣтель, или, наконецъ, тѣ, что ведутъ къ высшему отвлеченному знанію. Каждый изъ приведенныхъ здѣсь взглядовъ имѣетъ своихъ защитниковъ. Не пришли также ни къ какому соглашенію и насчетъ того, что же ведетъ къ добродѣтели. Такъ какъ далеко не всѣ цѣнятъ одну и ту же добродѣтель, то—логическое отсюда слѣдствіе—разногласятъ и въ вопросѣ, касающемся ея примѣненія на практикѣ.

2.

1. Совершено очевидно, что изъ числа полезныхъ [въ житейскомъ обиходѣ] предметовъ должны быть изучаемы тѣ, которые дѣйствительно необходимы, но не всѣ безъ исключенія. Такъ какъ всѣ занятія людей раздѣляются на такія, которыя приличны для свободорожденныхъ людей, и на такія, которыя свойственны несвободнымъ, то, очевидно, изъ перваго рода занятій должно участвовать лишь въ тѣхъ, которыя не обратятъ человѣка, занимающагося ими, въ ремесленника. Ремесленными же нужно считать такія занятія, такія искусства и такіе предметы обученія, которые дѣлаютъ физическія, психическія и интеллектуальныя силы свободорожденныхъ людей непригодными для примѣненія ихъ къ добродѣтели и для связанной съ нею дѣятельности. Оттого-то мы и называемъ ремесленными такія искусства и занятія, которыми ослабляются физическія силы. Это тѣ работы, которыя исполняются за плату; онѣ отнимаютъ досугъ для развитія интеллектуальныхъ силъ человѣка и принижаютъ ихъ. 2. И изъ числа „свободныхъ“ наукъ свободорожденному человѣку можно изучать нѣкоторыя только до извѣстныхъ предѣловъ; чрезмѣрно же налегать на нихъ съ тѣмъ, чтобы изучить ихъ во всѣхъ деталяхъ, причиняетъ указанный выше вредъ.

Большая разница существуетъ въ томъ, для какой цѣли всякій что-нибудь дѣлаетъ или изучаетъ. Если это совершается въ личныхъ интересахъ, или въ интересахъ друзей, или, наконецъ, въ интересахъ добродѣтели, то оно достойно свободорожденнаго человѣка; но поступать точно такимъ же образомъ въ интересахъ чужихъ — зачастую можетъ оказаться поведеніемъ, свойственнымъ наемнику и рабу. Распространенные нынѣ предметы обученія, какъ уже замѣчено выше, носятъ двойственный характеръ. 3. Въ настоящее время обычными предметами обученія являются слѣдующіе четыре: грамматика, гимнастика, музыка и иногда рисованіе. Изъ нихъ грамматика и рисованіе изучаются какъ предметы, полезные въ житейскомъ обиходѣ и часто имѣющіе практическое примѣненіе; гимнастикой занимаются потому, что она способствуетъ развитію мужества. Что касается музыки, то можетъ, пожалуй, возникнуть сомнѣніе [въ пользѣ ея изученія], такъ какъ теперь большею частью занимаются музыкою только ради удовольствія. Но предки наши помѣстили музыку въ число общеобразовательныхъ предметовъ потому, что сама природа, какъ на это было указываемо неоднократно, стремится доставить намъ возможность не только правильно направлять нашу дѣятельность, но и прекрасно пользоваться нашимъ досугомъ. А послѣдній—мы снова подчеркиваемъ это—служитъ основнымъ принципомъ всей нашей дѣятельности. 4. Если же необходимы и дѣятельность и досугъ, и досугъ долженъ быть въ значительной степени предпочтенъ дѣятельности, то возникаетъ вопросъ, чѣмъ досугъ этотъ нужно заполнить. Конечно, не игрой же, такъ какъ въ такомъ случаѣ она, неизбѣжно, оказалась бы конечною цѣлью нашей жизни. Разъ это невозможно, то играмъ должно скорѣе удѣлить мѣсто среди нашей дѣятельности: вѣдь трудящемуся человѣку потребенъ отдыхъ, а игра и существуетъ ради отдохновенія, дѣятельность же всякого рода влечетъ за собою напряженный трудъ. Поэтому игры должны имѣть свое мѣсто, но при этомъ, назначая время игръ, нужно пользоваться удобнымъ для того моментомъ, такъ какъ онѣ служатъ своего рода лекарствомъ: движеніе при играхъ ведетъ къ успокоенію души и благодаря тому, что съ игрою связано и развлеченіе, оно содѣйствуетъ ея отдохновенію. 5. Но досугъ, очевидно, заключаетъ уже въ самомъ себѣ и наслажденіе и блаженство, и счастливую жизнь, и все это выпадаетъ на долю неза-

нятыхъ людей, а людей пользующихся досугомъ. Дѣлающій что-либо дѣлаетъ это ради чего-либо, такъ какъ цѣль имъ еще не достигнута, между тѣмъ какъ счастье само по себѣ есть цѣль, и оно соединяется, въ представленіи всѣхъ людей, не съ горемъ, но съ наслажденіемъ. Однако, это наслажденіе не всѣ еще признаютъ тожественнымъ для всѣхъ; каждый опредѣляетъ наслажденіе въ соотвѣтствіи съ своей индивидуальностью и присущими ей свойствами; наилучшій человѣкъ предпочитаетъ, конечно, наилучшее наслажденіе, то которое проистекаетъ изъ наилучшихъ его свойствъ. Отсюда ясно, что для умѣнья пользоваться досугомъ въ жизни нужно коечему научиться, кое въ чемъ воспитаться, и что какъ это воспитаніе, такъ и это обученіе заключаетъ цѣль въ самихъ себѣ, между тѣмъ какъ то обученіе, которое признается необходимымъ для примѣненія его къ дѣловой жизни, имѣетъ въ виду другія цѣли. 6. Поэтому-то и наши предки помѣстили музыку въ число общевоспитательныхъ предметовъ, не какъ предметъ необходимый (никакой настоятельной необходимости въ обученіи музыкѣ нѣтъ) и не какъ предметъ общеполезный въ родѣ грамотности, которая нужна и для веденія денежныхъ дѣлъ, и для домоводства, и для научныхъзанятій, и для многихъ отраслей государственной дѣятельности. И рисованіе также, очевидно, изучается потому, что оно приноситъ пользу при лучшей критической оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, какъ, въ свою очередь, гимнастика служитъ къ укрѣпленію здоровья и развитію физическихъ силъ. Ничего подобнаго занятія музыкой не даютъ. Поэтому остается принять одно, что она служитъ для заполненія нашего досуга, и съ этою-то цѣлью она, очевидно, и введена въ обиходъ воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, [тѣ, кто вводитъ музыку въ число предметовъ воспитанія], полагаютъ, очевидно, что она служитъ интеллектуальнымъ развлеченіемъ свободорожденныхъ людей. Поэтому то и Гомеръ выразился такъ: „Только его одного приглашать надлежитъ къ богатому пиру“; онъ говоритъ также и о другихъ, кого слѣдуетъ приглашать, и продолжаетъ: „Кто приглашаетъ пѣвца, который всѣхъ услаждаетъ“. Въ другомъ мѣстѣ Одиссей говоритъ, что наилучшимъ времяпрепровожденіемъ бываетъ такое, когда среди веселящихся людей „гости въ домахъ рядомъ по чину сидятъ, пѣснопѣвцу внимая“.

3.

1. Итакъ, ясно, имѣется и такого рода воспитаніе, которое родители должны давать своимъ сыновьямъ не потому, чтобы оно было практически полезно или необходимо для нихъ, но потому, что оно достойно свободорожденнаго человѣка и само по себѣ прекрасно. Входитъ ли въ кругъ этого воспитанія одинъ предметъ, или ихъ нѣсколько, и каковы они, и какъ [они должны быть поставлены], о всемъ этомъ мы скажемъ впослѣдствіи. Теперь же изъ нашихъ предварительныхъ указаній достаточно выяснилось, что уже

древніе свидѣтельствуютъ въ пользу нашего мнѣнія объ обычныхъ предметахъ воспитанія; музыка подтверждаетъ это и съ фактической стороны. Сверхъ того, [въ пользу нашего мнѣнія говоритъ слѣдующее]: дѣтей слѣдуетъ обучать общеполезнымъ предметамъ не только въ интересахъ получаемой отъ этого пользы — таково, напримѣръ, обученіе грамотѣ, но и потому, что, благодаря этому обученію, возможно бываетъ сообщить имъ цѣлый рядъ другихъ свѣдѣній. 2. Такъ обстоитъ дѣло съ рисованіемъ: и его изучаютъ не ради того, чтобы не впасть въ ошибку при своихъ собственныхъ покупкахъ или чтобы не подвергнуться обману при покупкѣ и продажѣ домашней утвари, но рисованіе изучаютъ потому, что оно развиваетъ глазъ при опредѣленіи физической красоты. Вообще, искать повсюду лишь одной пользы всего менѣе приличествуетъ людямъ высокихъ душевныхъ качествъ и свободорожденнымъ.

Ясно, что въ дѣлѣ воспитанія развитіе навыковъ должно предшествовать развитію ума, и что физическое воспитаніе должно предшествовать воспитанію интеллектуальному. Отсюда слѣдуетъ, что мальчиковъ должно [прежде всего] отдавать въ руки учителей гимнастики и пэдотрибовъ: первые приведутъ въ надлежащее состояніе ихъ организмъ, а вторые будутъ направлять соотвѣтствующимъ образомъ ихъ занятія гимнастикой.

3. Среди греческихъ государствъ, которыя, по общепринятому мнѣнію, въ настоящее время прилагаютъ всего болѣе заботъ о воспитаніи молодежи, почти всѣ стремятся придать ему „атлетическое“ направленіе и тѣмъ самымъ калѣчатъ фигуру дѣтей и мѣшаютъ ихъ естественному росту. Лакедэмоняне въ такую ошибку не впали, зато постоянными тяжелыми упражненіями они обращаютъ дѣтей въ своего рода дикихъ животныхъ; поступаютъ они такъ въ томъ разсчетѣ, будто бы это всего болѣе полезно для развитія мужества. Однако, какъ на это часто было указываемо, не слѣдуетъ обращать всѣ свои заботы на эту одну цѣль, не слѣдуетъ преимущественно ее имѣть въ виду. Далѣе, если бы и стремиться только къ ея достиженію, все равно этимъ ничего не достигнешь. Вѣдь ни у животныхъ, ни у варварскихъ племенъ мы не замѣчаемъ того, чтобы храбрость непремѣнно отличала самыхъ дикихъ изъ нихъ; напротивъ, она скорѣе свойственна бываетъ животнымъ, отличающимся болѣе кроткимъ нравомъ, похожимъ на нравъ львовъ. 4. Есть много племенъ, которые питаютъ склонность къ убійствамъ и людоѣдству. Таковы ахейцы и геніохи, обитающіе на берегахъ Понта и нѣкоторыя другія племена изъ числа живущихъ на материкѣ, въ однихъ отношеніяхъ сходныя съ ахейцами и геніохами, а въ другихъ даже превосходящія ихъ. Все это—племена разбойничьи, но храбростью они вовсе не обладаютъ. Да и о самихъ лакедэмонянахъ мы знаемъ, что пока они одни ревностно занимались тяжелыми упражненіями, они превосходили всѣхъ прочихъ грековъ, а теперь и по части гимнастическихъ упражненій и воинственной энергіи они уступаютъ другимъ. Вѣдь лакедэмоняне отличались отъ другихъ не тѣмъ, что они упражняли свою молодежь указаннымъ выше образомъ, но

единственно тѣмъ, что они закаляли ее противъ тѣхъ, кто этимъ пренебрегалъ. 5. Отсюда слѣдуетъ, что въ воспитаніи первую роль должно играть прекрасное, а не дико-животное. Вѣдь ни волкъ, ни какой либо другой дикій звѣрь не сталъ бы бороться съ тою опасностью, цѣль которой—прекрасное; на такую опасность скорѣе рискнетъ мужественный человѣкъ. Но тѣ люди, которые при воспитаніи храбрости въ дѣтяхъ допускаютъ чрезмѣрную ретивость, которые оставляютъ ихъ невоспитанными по части всего того, что имъ необходимо для жизни, дѣлаютъ изъ дѣтей, по всей справедливости, ремесленниковъ. Они дѣлаютъ дѣтей полезными только для разрѣшенія одной изъ задачъ, связаныхъ съ ролью человѣка въ государствѣ, но и въ этомъ отношеніи, какъ показываютъ наши соображенія, они поступаютъ хуже другихъ. Судить о всемъ этомъ нужно не по фактамъ прошлаго, а по фактамъ настоящаго: теперь у лакедэмонянъ есть соперники по части гимнастическаго воспитанія, а ранѣе у нихъ такихъ соперниковъ не было.

1. Итакъ можно считать общепризнаннымъ то положеніе, что [при воспитаніи молодежи] необходимо обучать ее гимнастикѣ; ясно также и то, какъ обученіе это должно быть поставлено. Конечно, до наступленія періода половой зрѣлости отдавать предпочтеніе болѣе легкимъ гимнастическимъ упражненіямъ, причемъ [изъ программы воспитанія], чтобы ничто не мѣшало физическому росту молодыхъ людей совершенно исключается насильственное откармливаніе ихъ и непосильныя работы. Важное свидѣтельство въ пользу того, что эти мѣры могутъ задержать развитіе физическихъ силъ, можно почерпнуть изъ списковъ побѣдителей на Олимпійскихъ состязаніяхъ въ этихъ спискахъ рѣдко встрѣтишь двухъ—трехъ однихъ и тѣхъ же лицъ, одержавшихъ побѣды въ бытность ихъ мальчиками и затѣмъ взрослыми мужами. Это объясняется тѣмъ, что молодые люди отъ постоянныхъ непосильныхъ гимнастическихъ упражненій теряютъ свои силы. 2. Послѣ того, какъ, по достиженіи возмужалости, три года будутъ посвящены на усвоеніе остальныхъ предметовъ воспитанія, умѣстно въ слѣдующій затѣмъ періодъ возраста подвергнуть воспитываемыхъ какъ болѣе тяжелымъ работамъ, такъ и принудительному питанію. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ одновременно заставлять слишкомъ напряженно работать и интеллектуальныя и физическія силы: напряженіе тѣхъ и другихъ, естественно, производитъ діаметрально-противоположное дѣйствіе, а именно: физическое напряженіе препятствуетъ развитію интеллектуальныхъ силъ, напряженіе интеллектуальное—физическихъ.

3. Что касается музыки, то мы уже и ранѣе разсмотрѣли нѣкоторые возбуждающіе по данному вопросу сомнѣніе пункты. Поэтому, мы вполнѣ умѣстно можемъ теперь обратиться къ продолженію нашего изслѣдованія, чтобы оно послужило основою для разсужденій тѣхъ лицъ, кто пожелалъ бы подробно трактовать о томъ же предметѣ.

Нелегко точно опредѣлить, въ чемъ заключается природа музыки, ради чего слѣдуетъ ею заниматься — ради ли развлеченія и [сопряженнаго съ нимъ] отдыха, подобно тому, какъ мы съ тою же цѣлью предаемся сну и участвуемъ въ попойкахъ. Дѣло въ томъ, что послѣднія сами въ себѣ не преслѣдуютъ никакой серьезной цѣли, онѣ просто пріятны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утишаютъ заботы, какъ говоритъ Еврипидъ. Поэтому нѣкоторые и музыку ставятъ на одну линію со сномъ и попойками и прибѣгаютъ къ этимъ занятіямъ, т. е. спятъ, пьютъ вино и музицируютъ для одной и той же цѣли, присоединяя сюда также и танцы. 4. Или же скорѣе слѣдуетъ думать, что музыка стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ моральной добродѣтели и что она оказываетъ въ данномъ случаѣ такое же дѣйствіе, что и гимнастика: подобно тому, какъ гимнастика способствуетъ до извѣстной степени развитію физическихъ качествъ, такъ точно и музыка способна оказать нѣкоторое воздѣйствіе на этическую природу [человѣка], развивая въ немъ способность правильно радоваться? Или—и это было бы третьимъ вопросомъ, который должно поставить на разрѣшеніе—музыка заключаетъ въ себѣ нѣчто такое, что служитъ для [надлежащаго] пользованія досугомъ и для [развитія] интеллекта?

Достаточно извѣстно, что молодыхъ людей слѣдуетъ воспитывать не для забавы: когда учатся, то не играютъ; напротивъ, корни ученія горьки. Конечно, неумѣстно мальчикамъ и юношамъ вообще проводить свой досугъ такъ, какъ его проводятъ взрослые люди; что еще не совершенно, то не можетъ достигнуть и высшей цѣли. 5. Пожалуй, можно было бы допустить, что то, чѣмъ занимаются въ-серьезъ мальчики, послужитъ средствомъ развлеченія для нихъ тогда, когда они созрѣютъ и станутъ мужами. Но если это такъ, то къ чему слѣдовало бы обучать мальчиковъ музыкѣ, а не поступать такъ, какъ поступаютъ персидскіе и мидійскіе цари, которые развлекаются музыкою и знакомятся съ нею чрезъ посредство другихъ лицъ [т. е. музыкантовъ]? Тѣмъ болѣе, что музыкальное исполненіе тѣхъ, кто постоянно упражняется въ одномъ и томъ же дѣлѣ и искусствѣ, будетъ, конечно, болѣе артистично, нежели исполненіе тѣхъ, кто занимается имъ лишь столько времени, сколько это потребно исключительно лишь въ цѣляхъ усвоенія. И если мальчики сами должны основательно заниматься музыкою, то почему ихъ не слѣдовало бы также обучать и поварскому искусству? Но это было бы, конечно, нелѣпостью. 6. Точно также еще вопросъ, служитъ ли музыка къ улучшенію этической природы человѣка? И почему опять-таки мальчики должны изучать музыку сами, а не слушать, какъ играютъ и поютъ другіе, и при этомъ должнымъ образомъ радоваться и быть въ состояніи составить себѣ правильное сужденіе [объ исполняемыхъ пьесахъ]? Такъ поступаютъ лакедэмоняне, которые, хотя сами музыкѣ не обучаются, все-таки, какъ говорятъ, могутъ правильно судить о томъ, какія пѣсни хороши и какія нехороши.

То же самое замѣчаніе можно сдѣлать и въ томъ случаѣ [если согласиться съ утвержденіями тѣхъ], что музыка должна служить къ тому, чтобы сдѣлать нашу жизнь болѣе радужной и доставить развлеченіе, приличное для свободорожденнаго человѣка. Къ чему опять-таки нужно учить музыкѣ самихъ мальчиковъ, а не допустить, чтобы они наслаждались ею при исполненіи ея другими? 7. Мы можемъ иллюстрировать высказываемыя нами соображенія, обратившись къ разсмотрѣнію существующаго у насъ представленія о богахъ: у поэтовъ Зевсъ самъ не поетъ и не играетъ на киварѣ; тѣхъ же, кто занимается этими искусствами, мы назовемъ профессіональными ремесленниками, и заниматься ими мужу мы считаемъ неподобающимъ дѣломъ, исключая только тѣ случаи, когда онъ выпилъ или играетъ и поетъ въ шутку. Но, можетъ быть, мы къ этому еще вернемся впослѣдствіи.

5.

1. Первая задача [настоящаго изслѣдованія] заключается въ слѣдующемъ: должно или не должно помѣщать музыку въ число предметовъ воспитанія? Мы поставили выше на разрѣшеніе три вопроса относительно назначенія музыки. Что же она представляетъ: есть ли это предметъ воспитанія, забава, интеллектуальное развлеченіе? Съ полнымъ основаніемъ можно музыку отнести ко всѣмъ этимъ категоріямъ, и во всѣхъ ихъ она, очевидно, принимаетъ свою долю участія. Забава имѣетъ своимъ назначеніемъ дать отдыхъ, а отлыхъ, конечно, пріятенъ, такъ какъ онъ служитъ своего рода лѣкарствомъ противъ грусти, навѣваемой на насъ тяжелой работой. Далѣе, интеллектуальное развлеченіе, по общему признанію, должно заключать въ себѣ не только прекрасное, но также и доставлять удовольствіе, потому что счастье состоитъ именно въ соединеніи прекраснаго съ доставляемымъ имъ удовольствіемъ. Музыку же всѣ считаютъ за очень пріятное удовольствіе, будетъ ли она музыкою инструментальною или вокально-инструментальною. 2. И Мусэй говоритъ, что „смертнымъ пѣть—всего пріятнѣй“. Поэтому музыку, какъ средство способное развеселить, съ полнымъ основаніемъ допускаютъ въ такія собранія людей, куда они сходятся, чтобы провести время. Такимъ образомъ, разсматривая музыку уже съ этой точки зрѣнія, можно утверждать, что она должна служить предметомъ воспитанія для молодежи. Какъ всѣ безвредныя развлеченія, она не только вполнѣ соотвѣтствуетъ высшей цѣли [человѣческой жизни], но доставляетъ еще къ тому же и отдохновеніе. А такъ какъ человѣку рѣдко удается достигнуть высшей цѣли своего существованія, такъ какъ онъ, напротивъ, нуждается въ частомъ отдыхѣ и прибѣгаетъ къ забавамъ не ради какой-либо высшей цѣли, но и просто ради развлеченія, то было бы вполнѣ цѣлесообразнымъ, если бы онъ находилъ полное отдохновеніе въ удовольствіи, доставляемомъ музыкой.

3. Встрѣчаются люди, для которыхъ забава служитъ высшею

цѣлью ихъ жизни, потому что и это, пожалуй, заключаетъ въ себѣ нѣкоторый элементъ наслажденія и можетъ служить цѣлью; но не случайное наслажденіе можетъ быть такою цѣлью. Стремясь къ тому наслажденію, которое составляетъ конечную цѣль, люди принимаютъ за него другое наслажденіе [т. е. наслажденіе случайное], потому что и оно имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ наслажденіемъ, которое является высшею цѣлью человѣческой дѣятельности. Дѣло въ томъ, что подобно тому, какъ высшая цѣль человѣческой жизни не должна быть предпочитаема чему-либо такому, что сулитъ многое въ будущемъ, такъ точно и упомянутыя выше случайныя наслажденія не должны быть ради чего-либо такого, что только мелькаетъ въ будущемъ, но они должны существовать ради того, что уже произошло, напримѣръ, для отдохновенія отъ трудовъ и для облегченія горестей. Итакъ, здѣсь можно съ полнымъ правомъ усматривать ту причину, которая побуждаетъ людей стремиться найти свое счастье при помощи этихъ [случайныхъ] наслажденій. 4. Но не только одной этой причиной объясняется то, почему прибѣгаютъ къ наслажденію, доставляемому музыкою; къ ней обращаются также и потому, что она, повидимому, приноситъ пользу тѣмъ, кто хочетъ отдохнуть [послѣ труда]. Тѣмъ не менѣе нужно еще разсмотрѣть, не является ли такая польза отъ музыки лишь пользою случайною, и уяснить, что, на самомъ дѣлѣ, сущность музыки болѣе высокаго порядка въ сравненіи съ указанною приносимой ею пользой. [И тогда возникаетъ вопросъ], не должна ли музыка, помимо того, что она доставляетъ обычное наслажденіе (это чувство испытывается всѣми, такъ какъ, дѣйствительно, музыка даетъ физическое наслажденіе, почему слушаніе ея и любо людямъ всякаго возраста, и всякихъ ступеней развитія), служить еще болѣе высокой цѣли а именно: производить свое дѣйствіе на человѣческую этику и психику? Это стало бы очевиднымъ, если бы было доказано, что музыка оказываетъ извѣстнаго рода вліяніе на наши моральныя качества.

5. Что такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ, доказываютъ, помимо многаго иного, въ особенности пѣсни Олимпа, которыя, по общему признанію, наполняютъ наши души энтузіазмомъ, а энтузіамзъ есть аффектъ этическаго порядка въ нашей психикѣ. Даже простое воспріятіе имитацій, хотя бы безъ сопровожденія ихъ мелодіей или ритмомъ, возбуждаетъ во всѣхъ насъ сочувственное къ нимъ настроеніе. А такъ какъ музыка относится къ области пріятнаго, добродѣтель же состоитъ въ [воспріятіи нами] надлежащей радости, любви и ненависти, то, очевидно, ничего не слѣдуетъ такъ ревностно изучать и ни къ чему не должно въ такой степени привыкать, какъ къ тому, чтобы умѣть правильно судить о благородныхъ характерахъ и прекрасныхъ поступкахъ и достойно радоваться тѣмъ и другимъ. 6. Ритмъ и мелодія содержатъ въ себѣ ближе всего приближающіяся къ реальной дѣйствительности отображенія гнѣва и кротости, мужества и умѣренности и всѣхъ противоположныхъ имъ свойствъ, а также и прочихъ нравственныхъ качествъ. Это

ясно изъ опыта: когда мы воспринимаемъ нашимъ ухомъ ритмъ и мелодію, у насъ измѣняется душевное настроеніе. Привычка же испытывать горестное или радостное настроеніе при воспріятіи того, что подражаетъ дѣйствительности, ведетъ къ тому, что мы начинаемъ испытывать тѣ же чувства и при столкновеніи съ [житейской] правдой. Кто, напримѣръ, смотря на чей-либо портретъ, испытываетъ радостное чувство не почему-либо иному, а именно потому, что онъ видитъ предъ собою изображеніе даннаго лица, тому конечно, пріятно будетъ и встрѣтиться лицомъ къ лицу съ тѣмъ человѣкомъ, на портретъ котораго онъ смотритъ. 7. Во всемъ остальномъ, касающемся области чувственнаго воспріятія, напримѣръ, въ томъ, что доступно нашему осязанію и вкусу, не имѣется никакого подобія этическимъ свойствамъ. Въ томъ, что воспринимается нашимъ зрѣніемъ, это подобіе сказывается лишь въ незначительной степени: посредствомъ зрѣнія мы воспринимаемъ только формы предмета, и, какъ таковыя, онѣ лишь въ незначительной степени и далеко не у всѣхъ вызываютъ соотвѣтственныя эмоціи въ нашемъ чувственномъ воспріятіи. Къ тому же мы имѣемъ здѣсь не дѣйствительное подобіе этическихъ свойствъ, но воспроизводимыя путемъ рисунка и красокъ фигуры суть скорѣе лишь внѣшнія отображенія этихъ свойствъ, поскольку они отражаются на внѣшнемъ видѣ человѣка, когда онъ приходитъ въ состояніе аффекта. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни было безразлично, [въ отношеніи своей внѣшней формы], то, на что мы смотримъ, все же молодежь должна смотрѣть не на картины Павсона, а на картины Полигнота, или на произведенія какого-либо иного живописца или ваятеля, который умѣетъ въ нихъ выразить этическій характеръ изображеннаго лица.

8. Напротивъ, что касается мелодій, то уже въ нихъ самихъ содержится воспроизведеніе характеровъ. Это ясно изъ слѣдующаго: музыкальные лады существенно отличаются другъ отъ друга, такъ что, при слушаніи ихъ, у насъ является различное настроеніе, и мы далеко неодинаково относимся къ каждому изъ нихъ; такъ, слушая одни лады, напримѣръ, такъ называемый миксолидійскій, мы испытываемъ болѣе жалостное и подавленное настроеніе, слушая другіе, менѣе строгіе, лады, мы въ нашемъ настроеніи размягчаемся; иные лады вызываютъ въ насъ по преимуществу среднее, уравновѣшенное, настроеніе; послѣднимъ свойствомъ обладаетъ, повидимому, только одинъ изъ ладовъ, именно дорійскій. Что касается фригійскаго лада, то онъ дѣйствуетъ на насъ возбуждающимъ образомъ. 9. Всѣ эти вопросы отлично трактованы тѣми писателями, которые занимались ими въ приложеніи къ теоріи воспитанія, и ихъ теоретическія соображенія находятъ себѣ подтвержденіе въ самихъ фактахъ. Тѣ же самые принципы имѣютъ приложеніе и по отношенію къ ритмикѣ: одни ритмы имѣютъ болѣе спокойный характеръ, другіе—подвижной; изъ этихъ послѣднихъ въ однихъ ритмахъ движенія болѣе грубыя, въ другихъ—болѣе благородныя.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что музыка способна оказывать извѣстное воздѣйствіе на этическую сторону души; и разъ

музыка обладаетъ такими свойствами, то, очевидно, она должна быть включена въ число предметовъ воспитанія молодежи. 10. Обученіе музыкѣ подходитъ къ самой природѣ этого возраста: въ молодомъ возрастѣ люди не склонны, по доброй волѣ, налегать на что-либо имъ непріятное, а музыка какъ разъ, по своей природѣ, принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, которые доставляютъ пріятное. Да и у гармоніи и ритмики существуетъ, повидимому, какое-то сродство ихъ (съ душою), почему одни изъ философовъ и утверждаютъ, что сама душа есть гармонія, а другіе говорятъ, что душа носитъ гармонію въ себѣ.

БИБЛІОТЕКА

6.

1. Теперь надлежитъ рѣшить вопросъ, оставленный нами ранѣе безъ отвѣта: должно ли обучать молодежь музыкѣ такимъ образомъ, чтобы сами юноши умѣли пѣть и играть на музыкальныхъ инструментахъ, или не должно? Во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что для развитія человѣка въ томъ или иномъ направленіи далеко не безразлично, будетъ ли онъ самъ изучать на практикѣ то или иное дѣло. Само собою разумѣется, невозможно или, во всякомъ случаѣ, трудно стать основательнымъ судьею въ томъ дѣлѣ, въ совершеніи котораго самъ не участвовалъ. Съ другой стороны, и дѣти должны же имѣть какое-либо занимательное занятіе, и въ этомъ отношеніи нужно считать прекраснымъ изобрѣтеніемъ ту погремушку Архита, которую даютъ въ руки малымъ дѣтямъ, чтобы они, занимаясь ею, не ломали ничего изъ домашнихъ вещей: вѣдь то, что молодо, не можетъ оставаться спокойнымъ. Итакъ, если погремушка Архита подходитъ для малыхъ дѣтей, то такой же „погремушкой“ въ воспитаніи взрослыхъ мальчиковъ является музыка.

Изъ вышеприведенныхъ соображеній очевидно, что музыкальное воспитаніе должно быть организовано такимъ образомъ, чтобы воспитываемые изучали музыку на практикѣ сами.

2. Нетрудно опредѣлить, что подходитъ и что не подходитъ къ соотвѣтствующему возрасту, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко опровергнуть то утвержденіе, будто практическое изученіе музыки—занятіе, свойственное ремесленникамъ. Прежде всего (что касается перваго пункта], то для того, чтобы умѣть судить о дѣлѣ, нужно самому умѣть его дѣлать, а потому и люди должны, пока они молоды, сами заниматься этимъ дѣломъ. Когда они станутъ старше, они должны эти занятія оставить, зато они будутъ въ состояніи судить о прекрасномъ и испытывать надлежащую радость, благодаря урокамъ, полученнымъ ими въ молодости. 3. Тотъ же упрекъ, который дѣлаютъ нѣкоторые, будто занятіе музыкой обратитъ людей въ ремесленниковъ, опровергнуть нетрудно: нужно только изслѣдовать, въ какихъ размѣрахъ лица, воспитываемыя въ цѣляхъ усвоенія ими политической добродѣтели, должны заниматься практическимъ изу-

ченіемъ музыки, съ какими мелодіями и съ какими ритмами они должны ознакомиться, на какихъ инструментахъ они должны научиться играть, такъ какъ и это послѣднее, конечно, далеко не безразлично. Установленіемъ всего этого можно обойти упомянутый упрекъ, потому что нельзя отрицать и того, что нѣкоторые виды музыки оказываютъ [на занимающихся ею] дѣйствіе отрицательное.

4. [Прежде всего] ясно, что занятія музыкой не должны служить помѣхой для послѣдующей дѣятельности человѣка и не должны обращать его, въ физическомъ отношеніи, въ ремесленника, дѣлать его негоднымъ для исполненія имъ его военныхъ и гражданскихъ обязанностей, будетъ ли это касаться практическаго примѣненія ихъ, или теоретическаго изученія въ послѣдующее время. Занятія музыкой будутъ удовлетворять [своему истинному назначенію] въ томъ случаѣ, когда молодые люди не будутъ напряженно заниматься ею съ цѣлью принимать затѣмъ участіе въ профессіональныхъ состязаніяхъ, далѣе, если [изъ программы обученія] будетъ удалено исполненіе такихъ [музыкальныхъ] фокусовъ и экстравагантностей, какіе въ настоящее время проникли въ программу музыкальныхъ состязаній, а оттуда перешли и въ школы. Не эти цѣли [должно преслѣдовать музыкальное образованіе молодежи; оно должно быть направлено къ тому], чтобы дать возможность молодымъ людямъ наслаждаться красотою мелодіи и ритма, а не удовольствоваться лишь тѣмъ наслажденіемъ, какое дается музыкою вообще и какое способны испытывать даже нѣкоторыя изъ животныхъ, а также вся масса рабовъ и малыхъ дѣтей.

5. Изъ всего сказаннаго ясно и то, игрѣ на какихъ инструментахъ должно обучать молодежь. Въ музыкальное воспитаніе не должна быть допускаема ни флейта, ни какой-либо иной инструментъ, на которомъ играютъ профессіональные музыканты, въ родѣ, напримѣръ, киѳары или чего-либо подобнаго; нужно взять такіе инструменты, игра на которыхъ развиваетъ слухъ, какъ вообще, такъ и спеціально музыкальный. Къ тому же флейта—инструментъ, способствующій не только развитію этическихъ свойствъ человѣка, сколько его оргіастическихъ наклоностей, почему и обращаться къ ней надлежитъ въ такихъ случаяхъ, когда зрѣлище, [сопровождаемое игрою на флейтѣ], можетъ оказывать на человѣка скорѣе очистительное дѣйствіе, нежели способно его чему-либо научить. Добавимъ къ этому еще и то, что игра на флейтѣ создаетъ своего рода помѣху въ дѣлѣ воспитанія, такъ какъ при ней исключена бываетъ возможность пользоваться [одвовременно и] рѣчью. Поэтому-то наши предки съ полнымъ правомъ исключили игру на флейтѣ изъ числа предметовъ образованія молодежи, какъ [и вообще изгнали ее изъ обращенія] среди свободорожденныхъ людей, хотя сначала игра на флейтѣ и была среди нихъ въ ходу. 6. Послѣ же того, какъ наши предки, благодаря увеличившемуся благостоянію, получили возможность наслаждаться большимъ досугомъ и духъ ихъ сталъ воспарять въ большей степени къ добродѣтели, когда, отчасти еще ранѣе, а въ особенности послѣ Персидскихъ войнъ,

одержанные нашими предками подвиги наполнили ихъ гордостью,— они ухватились за изученіе всякаго рода предметовъ, не дѣлая между ними никакого различія, напротивъ, ревностно отыскивая ихъ. Тогда-то и введено было въ кругъ школьнаго воспитанія обученіе на флейтѣ. И въ Лакедэмонѣ какой-то хорегъ самъ игралъ на флейтѣ среди поставленнаго имъ хора, а въ Аѳинахъ флейта была въ такомъ ходу, что на ней умѣло играть почти большинство свободорожденныхъ людей. Это ясно видно изъ той таблицы, которую посвятилъ Ѳрасиппъ, поставившій хоръ для Экфантида. 7. Впослѣдствіи, однако, на основаніи полученнаго опыта, флейта была выведена изъ употребленія, послѣ того какъ [наши предки] научились лучше судить о томъ, что относится къ добродѣтели и что къ ней не относится. Ту же самую участь испытали и многіе другіе старинные инструменты, какъ, напримѣръ, пектиды, барбиты, и вообще тѣ инструменты—семиугольники, треугольники, самбики —игра на которыхъ щекочетъ чувства слушателей и требуетъ спеціальной виртуозности.

8. Очень остроумно и передаваемое древними преданіе объ изобрѣтеніи флейты. Разказываютъ, что Аѳина, изобрѣтя флейту, отбросила ее въ сторону. Недурное объясненіе придумано было этому, а именно: будто богиня поступила такъ въ гнѣвѣ на то, что, при игрѣ на флейтѣ физіономія принимаетъ безобразный видъ. Настоящая же причина, конечно, заключается въ томъ, что обученіе игрѣ на флейтѣ не имѣетъ никакого отношенія къ развитію интеллектуальныхъ качествъ, Аѳина же, въ нашемъ представленіи, служитъ олицетвореніемъ науки и искусства.

7.

1. Итакъ, мы исключаемъ [изъ програмы воспитанія] профессіональное обученіе игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ, какъ и вообще всѣ занятія, (носящія такой характеръ). Подъ профессіональнымъ же обученіемъ мы понимаемъ такое обученіе, которое имѣетъ въ виду подготовить музыкантовъ для состязаній: изучающій музыку съ такой профессіональной точки зрѣнія занимается ею не ради своего усовершенствованія въ добродѣтели, но ради того, чтобы доставить удовольствіе своимъ слушателямъ. А такая цѣль занятія музыкой—цѣль грубая; поэтому-то мы и полагаемъ, что такія занятія —дѣло не свободорожденныхъ людей, но наемниковъ, и что эти занятія обращаютъ людей въ ремесленниковъ, потому что та цѣль, которую они имѣютъ [при этомъ] въ виду,—негодная цѣль. Грубость слушающей музыку публики ведетъ обыкновенно къ тому, что самый характеръ музыки измѣняется, такъ что и исполнители начинаютъ подлаживаться ко вкусамъ публики, какъ своимъ исполненіемъ, такъ и сопутствующими ему тѣлодвиженіями,

2. Остается изслѣдовать вопросъ о музыкальныхъ ладахъ и ритмахъ какъ вобще, такъ и въ приложеніи къ воспитанію. Прежде

всего, должно ли пользоваться всѣми ладами, всѣми ритмами, или нужно дѣлать между ними различіе? Далѣе, установимъ ли мы то же разграниченіе и для тѣхъ лицъ, кто занимается воспитаніемъ юношества, или нужно установить спеціально для нихъ какое-нибудь иное, уже третье по счету, разграниченіе? Вѣдь музыка, какъ мы видимъ, состоитъ изъ [двухъ основныхъ элементовъ], изъ мелопэіи и ритма, причемъ нужно не упускать изъ виду, какое дѣйствіе оказываетъ каждый изъ этихъ элементовъ въ дѣлѣ воспитанія. Наконецъ, какая въ этомъ отношеніи музыка должна заслуживать предпочтеніе, та ли, гдѣ хороша мелодія, или та, гдѣ хорошъ ритмъ?

3. По нашему мнѣнію, нѣкоторые изъ современныхъ спеціалистовъ по музыкѣ и тѣхъ философовъ, которые заявили свою опытность въ дѣлѣ музыкальнаго воспитанія, дали въ большинствѣ случаевъ прекрасные отвѣты на поставленные нами вопросы. Поэтому тѣхъ, кто желаетъ обстоятельно и детально ознакомиться съ этимъ предметомъ, мы можемъ отослать къ работамъ упомянутыхъ лицъ, сами же мы будемъ разсуждать о немъ теперь только съ общей точки зрѣнія и намѣтимъ лишь его основныя черты. 4. Мы принимаемъ то подраздѣленіе мелодій, какое установлено нѣкоторыми философами, различающими мелодіи: этическія, практическія, энтузіастическія. Тѣ же философы опредѣляютъ далѣе и природу отдѣльныхъ ладовъ, соотвѣтствующую каждому виду этихъ мелодій, такъ что одной мелодіи свойственна одна природа, другой—другая. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы, [согласно вышесказанному], утверждаемъ, что музыка должна имѣть полезное примѣненіе не ради о д н о й ц ѣ л и, а ради нѣсколькихъ: 1) ради воспитанія, 2) ради очищенія (что мы разумѣемъ подъ словомъ „очищеніе“, объ этомъ теперь мы только ограничимся общимъ намекомъ, къ болѣе же обстоятельному выясненію этого вопроса вернемся въ сочиненіи о поэтикѣ), 3) ради интеллектуальнаго развлеченія, т. е. ради успокоенія и отдохновенія отъ напряженной дѣятельности. 5. Отсюда ясно, что хотя можно пользоваться всѣми ладами, но примѣнять ихъ должно неодинаковымъ образомъ. Для воспитанія нужно обращаться къ тѣмъ ладамъ, которые всего болѣе соотвѣтствуютъ этическимъ мелодіямъ, для аудиторіи же слушателей, когда музыкальное произведеніе исполняется другими лицами, можно пользоваться и практическими и энтузіастическими мелодіями. Вѣдь аффекту, сильно дѣйствующему на психику нѣкоторыхъ лицъ, подвержены въ сущности всѣ, причемъ дѣйствіе его отличается лишь степенью своей интенсивности; напримѣръ, [всѣ испытываютъ] состояніе жалости, страха, а также энтузіазма. И энтузіастическому возбужденію подвержены нѣкоторыя лица, впадающія въ него подъ вліяніемъ религіозныхъ пѣснопѣній, когда эти пѣснопѣнія дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на психику и приносятъ какъ бы исцѣленіе и очищеніе. 6. То же самое, конечно, испытываютъ и тѣ, кто подверженъ состоянію жалости и страха и вообще всякаго рода прочимъ аффектамъ, поскольку каждый такой аффектъ свойственъ данному индивиду.

Всѣ такія лица получаютъ своего рода очищеніе, т. е. облегченіе, связанное съ наслажденіемъ. Точно такъ же пѣснопѣнія очистительнаго характера доставляютъ людямъ безвредную радость. Поэтому такого рода ладами и соотвѣтственными имъ мелодіями должно предоставить пользоваться актерамъ, исполняющимъ музыкальные нумера во время драматическихъ состязаній въ театрѣ. 7. Такъ какъ театральная публика бываетъ двоякаго сорта: съ одной стороны, она состоитъ изъ людей свободорожденныхъ и культурныхъ благодаря полученному ими воспитанію, съ другой стороны, это—публика грубая, состоящая изъ ремесленниковъ, наемниковъ и т. под., то и для этого послѣдняго сорта публики нужно, въ цѣляхъ предоставленія ей отдыха, устраивать [особыя музыкальныя] состязанія и зрѣлища. Подобно тому, какъ психика этой публики отклоняется въ сторону отъ естественной психики, такъ и въ музыкальныхъ ладахъ встрѣчаются отклоненія отъ нормальныхъ, а въ мелодіяхъ наблюдается повышенное настроеніе и противуестественная окраска. Вѣдь каждый получаетъ наслажденіе отъ того, что свойственно его натурѣ; поэтому и лицамъ, участвующимъ въ состязаніяхъ предъ такого рода публикой, нужно предоставить возможность пользоваться подходящимъ для нея родомъ музыки.

8. Для воспитанія же, какъ выше сказано, нужно пользоваться мелодіями этическаго характера и соотвѣтствующими имъ ладами. Такимъ ладомъ, какъ мы сказали выше, является ладъ дорійскій. Но можно пользоваться при воспитаніи юношества также и тѣмъ или инымъ изъ другихъ ладовъ, если лица, причастныя къ занятіямъ философіей и опытныя въ музыкальномъ воспитаніи, одобрятъ его. Сократъ въ „Государствѣ“ [Платона] неправъ, когда онъ утверждаетъ, что, наряду съ дорійскимъ ладомъ, можно оставить только еще фригійскій, тѣмъ болѣе, что онъ изъ музыкальныхъ инструментовъ исключаетъ флейту. Фригійскій ладъ въ ряду остальныхъ имѣетъ такое же значеніе, какое занимаетъ флейта среди музыкальныхъ инструментовъ: какъ фригійскому ладу, такъ и флейтѣ, свойственъ оргіастическій, страстный характеръ. 9. Доказательствомъ этому служитъ поэзія: для выраженія вакхическаго экстаза и тому подобныхъ состояній возбужденія изъ всѣхъ инструментовъ преимущественно нужна бываетъ флейта, а среди ладовъ вакхическая поэзія для соотвѣтствующаго выраженія прибѣгаетъ къ фригійскому ладу. Диѳирамбъ, напримѣръ, по общему признанію, считается фригійскимъ, въ доказательство чего лица, занимавшіяся этимъ вопросомъ, приводятъ многочисленные примѣры, между прочимъ и слѣдующій: Филоксенъ, попытавшій сяобработать миѳы въ дорійскомъ ладѣ, оказался не въ состояніи исполнить это, но руководимый самою природою, онъ снова обратился къ фригійскому ладу, какъ наиболѣе соотвѣтствующему [этому роду произведеній]. 10. Что касается дорійскаго лада, то всѣ согласны въ томъ, что ему свойственна наибольшая стойкость и что онъ, по преимущесству, отличается мужественнымъ характеромъ. Сверхъ того, мы всегда отдаемъ предпочтеніе срединѣ предъ крайностями и, по нашему утвержденію, къ этой сре-

динѣ и должно стремиться; дорійскій же ладъ среди прочихъ отличается именно этими свойствами. Отсюда ясно, что молодежь надлежитъ предпочтительно воспитывать на дорійскихъ мелодіяхъ.

Существуютъ двѣ цѣли, къ которымъ должно стремиться: возможное и пристойное, и каждый человѣкъ долженъ преимущественно браться за то, что для него возможно и что для него пристойно. Но и то и другое стоитъ въ зависимости отъ соотвѣтствующаго возраста человѣка. Такъ, напримѣръ, людямъ, утомленнымъ долгими годами жизни, не такъ-то легко пѣть въ напряженныхъ ладахъ; такимъ людямъ сама природа подсказываетъ обратиться къ пѣснямъ, сочиненнымъ въ вялыхъ ладахъ. 11. Вотъ почему основательный упрекъ дѣлаютъ Сократу нѣкоторые знатоки музыки въ томъ, что онъ готовъ исключить изъ программы воспитанія вялые лады, такъ какъ онъ считалъ ихъ ладами „опьяняющими“ не въ томъ смыслѣ, что они дѣйствительно способны привести человѣка въ состояніе опьяненія (послѣдее скорѣе приводитъ человѣка въ вакхическій экстазъ), но потому, что они лишены строгости. Для слѣдующей за юностью поры возраста, т. е. для возраста зрѣлаго, должно допустить и эти лады и соотвѣтствующія имъ мелодіи. Но если въ числѣ ладовъ имѣется такой, который приличествуетъ юношескому возрасту, именно потому, что онъ способствуетъ, помимо воспитанія, развитію благопристойности и благовоспитанности—а этимъ требованіямъ, кажется, всего болѣе удовлетворяетъ лидійскій ладъ—то ясно, что въ дѣлѣ воспитанія должно руководствоваться слѣдующими тремя принципами: держаться средины, добиваться возможнаго, стремиться къ пристойному.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
1.	Предисловіе. **Θ. Зѣлинскаго**	V
2.	Введеніе.. **Θ. Зѣлинскаго**	IV
3.	Отрывки изъ „Государство“. **Платона**	1
4.	Отрывки изъ „Закона“. **Платона**	50
5.	Отрывки изъ „Политики“. **Аристотеля**	76

Еженедѣльная общественно-педагогическая газета

„ШКОЛА и ЖИЗНЬ“

съ безплатными ежемѣсячными приложеніями,

ИЗДАЕТСЯ въ ПЕТРОГРАДѢ

подъ редакціей Г. А. ФАЛЬБОРКА

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Статьи по вопросамъ: а) организація школы и школьнаго законодательства, б) общепедагогической теоріи и практики.

2) Статьи по различнымъ вопросамъ образованія и воспитанія.

3) Фельетонъ, характеризующій, по преимуществу, внутреннюю жизнь школы, или популяризующій различныя стороны знанія.

4) Обзоръ общей печати.

5) Хроника образованія, въ которой первое мѣсто удѣлено дѣятельности законодател. учрежд. правительства, мѣстнаго самоуправленія и т. д.

6) Хроника школьной жизни въ Россіи, славянскихъ земляхъ и за границей.

7) Обозрѣніе спеціальной литературы, русской и иностранной.

Основной девизъ газеты: *живая связь школы съ жизнью и особенно школы со семьей.* Задача школы—воспитать поколѣніе физически здоровое, крѣпкое своимн моральными и національными основами.

Положеніе народнаго учителя, его правовое и матеріальное обезпеченіе, **нужды начальной школы**, коренная реформа средней школы, **внѣшкольное просвѣщеніе народа**—все это очередныя темы газеты.

Дополненіемъ служатъ **ежемѣсячныя безплатныя приложенія** (за годъ не менѣе 70 печатныхъ листовъ), дающія оригинальныя или переводныя произведенія старыхъ или современныхъ педагоговъ по основнымъ вопросамъ педагоговъ.

Въ составѣ сотрудниковъ газета насчитываетъ многихъ преподавателей низшей, средней и высшей школы, членовъ родительскихъ комитетовъ, дѣятелей земскихъ и городскихъ самоуправленій, членовъ Г. Думы и Гос. Совѣта.

Дѣятельности **земствъ и городовъ**, а также **кооперативовъ** въ области нар. образованія, жизни школы всѣхъ типовъ и ступеней отводится, помимо статей, мѣсто въ хроникѣ и въ многочисленныхъ **сообщеніяхъ съ мѣстъ.**

Въ отдѣлѣ **библіографіи** спеціалистами по отдѣльнымъ вопросамъ даются два раза въ мѣсяцъ рецензіи педагогическихъ, учебныхъ и дѣтскихъ книгъ.

Ведется систематически отдѣлъ **законод. постановленій, официальныхъ распоряженій и сен. разъясненій.** Ежемѣсячно дается полный списокъ вновь утвержденныхъ просвѣт. обществъ и организацій.

Подписная цѣна на газету съ ежемѣсячными приложеніями:

	на годъ.	на 6 м.	на 3 м.
Съ доставкой въ Петроградѣ и пересылк. въ друг. мѣста Имперіи.	**6 р.**	**3 р.**	**2 р.**

Для учащихъ нач. нар. школы при годовой подпискѣ допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р., къ 1 февраля, 1 марта и 1 апрѣля и къ 1 мая по 1 рублю.

Подписка, кромѣ Главной Конторы, принимается во всѣхъ почт.-тел. конт и солидн. книжныхъ магазинахъ. **Пробные №№ высылаются безплатно**

Адресъ Главной Конторы: **Петроградъ, Лиговская ул., д № 87.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

ШКОЛА и ЖИЗНЬ.

1) **ПАМЯТИ Н. И. ПИРОГОВА.** (Сборникъ статей А. Ѳ. Кони, Г. А. Фальборка А. В. Васильева, В. А. Вагнера и А. Г. Фомина). Цѣна 60 коп.
2) **Г. КЕРШЕНШТЕЙНЕРЪ.** Основные вопросы школьн. организаціи. Ц. 80 к.
3) Вопросы воспитанія. Сборн. статей Мессмера, Рахманова и Румянцева. Ц. 40 к.
4) **Е. ЧАРНОЛУСКАЯ.** Общественныя библіотеки въ Америкѣ. Съ иллюстраціями. Ц. 80 коп.
5) **Проф. ЛЮДВИГЪ ГУРЛИТТЪ.** О воспитаніи. Цѣна 1 руб.
6) **С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности.** К. Диксона и В. Кетрица. Цѣна 30 коп.
7) **Л. Н. ТОЛСТОЙ.** Педагогическія сочиненія. Съ вступ. ст. проф. С. А. Венгерова. Ц. 1 р. 50 к.
8) **Ш. ЛЕТУРНО.** Эволюція воспитанія у различныхъ человѣческ. расъ. Ц. 2 р.
9) **Вопросы педагогической патологіи** подъ редакціей А. Владимірскаго, Л. Оршанскаго и Г. Фальборка. Вып. I. Ц. 1 р.
10) **А. ЗИКИНГЕРЪ и Ф. ГАНСБЕРГЪ. Школа труда.** Цѣна 50 коп.
11) **Кинематографъ и его просвѣтительная роль.** Е. Самуйленко и Л. Никонова. Цѣна 60 коп.
12) **В. Г. БѢЛИНСКІЙ.** Педагогическія сочиненія. Со вступительной статьей Г. А. Фальборка и библіограф. указаніями А. Г. Фомина Ц. 1 р.
13) **ГЕНРИХЪ ВОЛЬГАСТЪ. Проблемы дѣтскаго чтенія.** Перев. съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ д-ра Л. Г. Оршанскаго. Цѣна 80 к.
14) **Указатель содержанія газеты „Школа и Жизнь“ за 1911 и 1912 гг.** Ц. по 20 коп. за 1914 г. Ц. 10 к.
15) **„Памяти Лесгафта“.** Сборникъ, роскошно изданный, болѣе 20 печатныхъ листовъ. Подъ редакціей Совѣта Біологической Лабораторіи. Цѣна 3 руб. (Въ перепл. 4 р.).
16) **О военномъ воспитаніи молодежи.** Сборникъ статей Г. Шторенбурга, генералъ-майора Неубера и Э. Шепкендорфа. Цѣна 40 коп.
17) **Проф. П. НАТОРПЪ.** Развитіе народа и развитіе личности. Цѣна 60 коп.
18) **Вопросы педагогической патологіи** подъ редакц. А. Владимірскаго, Л. Оршанскаго, Г. Фальборка. Вып. II. Ц. 1 р.
19) **В. ФРЕЙ.** Сельскія гимназіи. Изображеніе и критика современной новой школы. Ц. 50 к.
20) **Библіографическій указатель книгъ по дѣтскому чтенію, вышедшихъ въ 1911 году,** Годъ I. Цѣна 80 коп.
21) **Человѣкъ, будь человѣченъ. Слова Жанъ-Жака Руссо.** Выбралъ изъ произведеній великаго воспитателя Ф. Гансбергъ. Пер. М. А. Энгельгардта. Ц. 40 к.
22) **ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО. Эмиль или о воспитаніи.** Переводъ съ французскаго М. А. Энгельгардта. Цѣна 2 руб.
23) **Ф. ЭЙХЛЕРЪ. Библіотековѣдѣніе высшаго порядка, въ его отношеніи къ методамъ научнаго изслѣдованія и преподаванія.** Перев. подъ ред. Э. А. Вольтера. 40 к.
24) **Д-ръ ПОЛЬ ДЮБУА. Самовоспитаніе** Съ предисловіемъ Проф. Н. И. Карѣева Пер. съ франц. Цѣна 70 к.
25) **Школьныя сочиненія. Новые методы въ ихъ постановкѣ.** О. Антеса, А. Іенсена и В. Ламспуса. Пер. Е. Пашканиса. Ц. 60 к.
26) **П. НАТОРПЪ. Песталоцци, его жизнь и идеи.** Съ портретомъ. Переводъ М. А. Энгельгардта. Ц. 60 к.
27) **МАРБЕ. Научное и практическое значеніе психологіи.** Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.
28) **ГЕОРГЪ КЕРШЕНШТЕЙНЕРЪ. О характерѣ и его воспитаніи.** Перев. Е. Пашканиса. Цѣна 50 к.
29) **СТЭНЛИ ХОЛЛЪ. Соціальные инстинкты у дѣтей и учрежденія для ихъ развитія.** Пер. подъ ред. Л. Г. Оршанскаго. Ц. 50 к.
30) **СТЭНЛИ ХОЛЛЪ. Инстинкты и чувства въ юношескомъ возрастѣ.** Переводъ съ изданія 1911 г. Подъ ред Л. Г. Оршанскаго Ц. 50 к.
31) **ДЖОНЪ ЛОККЪ. Мысли о воспитаніи и о воспитаніи разума.** Введен. и прим. Эв. Даніэля. Переводъ съ англ. М. А. Энгельгардта. Цѣна 1 руб. 50 коп.
32) **ФРИДРИХЪ ПАУЛЬСЕНЪ. Педагогика.** Перев. съ 5-го изд. М. А. Энгельгардта. Съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к.
33) **Библіографическій указатель книгъ по дѣтскому чтенію,** вышедшихъ въ 1911 году, Годъ II Ц. 80 к.
34) **СТЭНЛИ ХОЛЛЪ. Эволюція и воспитаніе чувства природы у дѣтей.** Пер. съ англ. Подъ ред. Л. Оршанскаго. Ц. 50 к.
35) **Списокъ изданій земскихъ и городскихъ самоуправленій по народному образованію** Сост. В. Караваевымъ. Ц. 50 к.
36) **В. А. ЛАЙ. Школа дѣйствія.** Авторизован. переводъ. Ц. 1 р. 20 к.
37) **Образовательныя и воспитательныя задачи современныхъ музеевъ.** Сборникъ статей подъ ред. Л. Оршанскаго. Цѣна 50 к.
38) **Дневникъ II Всеросс., имени К. Д. Ушинскаго,** Съѣзда предст. об.-въ вспомощ. лицамъ учител. званія. Ц. 30 к. (распр.).
39) **ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ. Статьи о воспитаніи.** Пер. М. А. Энгельгардта. Съ портр. авт. Ц. 1 р.
40) **ЭД. ЭРТЛИ. Народная школа и трудовое начало.** Авториз. пер. съ швейц. изд. Ц. 50 к.
41) **ФР. ШОЛЬЦЪ. Недостатки характера въ дѣтскомъ возрастѣ.** Автор. пер. Ц. 1 р.
42) **Ф. В. ФЕРСТЕРЪ. Школа и характеръ.** Авторизов. пер. М. А. Энгельгардта. Ц. 1 р. 60 к.
43) **Е. ДЕВО. Осмысленное чтеніе.** 112 стр. 75 к.
44) **Ж. ДЕМЕНИ. Воспитаніе усилія. Физіологія и психологія.** 84 стр. Ц. 50 к.
45) **ПАОЛА ЛОМБРОЗО. Жизнь ребенка.** 98 стр. съ многоч. дѣтск. рисунками. Ц. 60 к.
46) **В. СТЕРНЪ. Психологія ранняго дѣтства.** Пер. М. А. Энгельгардта. Съ рис. 309 стр. Ц. 1 р. 50 к.
47) **Н. МАКЪ-МЕННЪ. Путь къ свободѣ въ школѣ.** Пер. М. А. Энгельгардта. 94 стр. 60 к.
48) **Профессіон. учительскія организаціи на Западѣ и въ Россіи.** Сборникъ статей: Н. Высоцкой (ред. Діонео) С. Золотарева, П. Мижуева, Г. Фальборка и И. Шрейдера. 293 стр. Ц. 1 р. 50 к.
49) **Педагогическія воззрѣнія Платона Аристотеля.** Редакція перевода и вступительная статья проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. XXX+102 стр. Ц. 1 р.
50) **Г. Шаррельманъ. Въ лабораторіи народнаго учителя.** 72 стр. Съ рис. Ц. 60 к.